

K-14038

**ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

367'92

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ
И ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
РОМАНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ
В ДИДАКТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ**

“ОСНОВА”

124-00

ISSN 0453-8048. Вестн. Харьк. ун-та, 1992. № 367. Структурно-семантическое
и прагматическое описание романских и германских языков в диалектных
1998.

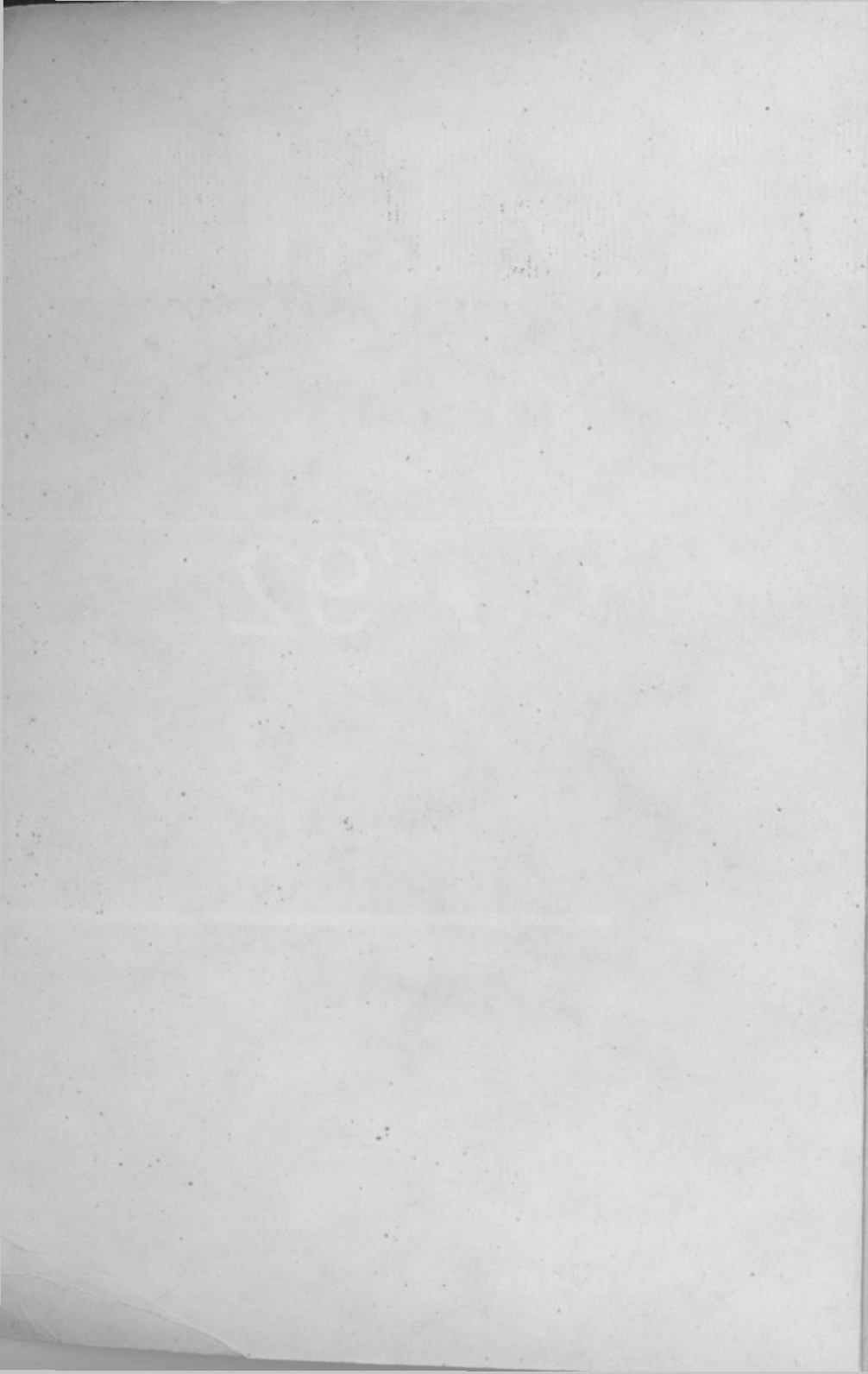
V.N. Korsin Kharkiv National University

00294882

5

« ОСНОВА »

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 367

Структурно-семантическое и прагматическое
описание романских и германских языков
в дидактических целях

ОСНОВАН В 1965 г.

ХАРКІВ
ВИДАВНИЦТВО «ОСНОВА»
ПРИ ХАРКІВСЬКОМУ
ДЕРЖАВНОМУ УНІВЕРСИТЕТІ
1992

У віснику подано статті, які містять результати функціонально-семантичних і прагматичних досліджень, проведених на матеріалі англійської, французької, німецької, російської та української мов. Ряд статей присвячено науковим основам методичного і філософського забезпечення навчального процесу з іноземних мов у вузі.

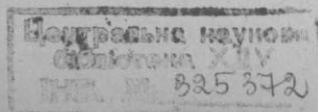
Для науковців і спеціалістів.

В вестнике представлены статьи, содержащие результаты функционально-семантических и прагматических исследований, проведенных на материале английского, французского, немецкого, русского и украинского языков. Ряд статей посвящен научным основам методического и философского обеспечения учебного процесса по иностранным языкам в вузе.

Для научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: *Е. И. Морозова* (отв. ред.), *О. И. Давыдов*, *В. И. Каравашкин*, *Л. В. Конопельцева* (отв. секр.), *С. Т. Навальная*, *Э. Г. Паповянец*, *В. А. Подминогин*, *Л. Н. Черноватый*, *Ю. К. Чучко*.

Адрес редакционной коллегии: 310077 Харьков, пл. Свободы, 4, университет, факультет иностранных языков, т. 45-75-04

ФИЛОСОФСКИЕ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКАМ

J. S. BARBOUR, A. A. BRAITHWAITE, O. LALOR

ANALYSIS OF PRONUNCIATION DIFFICULTIES AMONG FUTURE SOVIET TEACHERS OF ENGLISH

Recognition of errors in pronunciation is an important aspect in developing the mastery of a language. For teachers of English as a foreign language it is vital to analyze and characterize both their own and their pupils' deviations from Standard Pronunciation. This short study was conducted on a number of future Soviet teachers of English. It became possible as a result of an exchange of students between University of Surrey and Moscow State Pedagogical Institute.

Method of investigation. The study was carried out among two groups of 20 students from the Lenin Moscow State Pedagogical Institute (MGPI) who were visiting the University of Surrey in Great Britain for a period of six weeks in autumn 1984 and autumn 1985. The student groups, which were predominantly female, were in their third or fourth year at MGPI. Each student, one month into their visit, was given a single previously unseen piece of text to examine for 10 minutes, then asked to read it aloud under laboratory conditions. This typically took 6—10 minutes. The texts used were a selection from «Modern Phonetics Texts» [1]. Each recording was carefully analysed for deviations from the British model of Received Pronunciation (RP).

This form of assessment was selected rather than analysis of free conversation so that pronunciation between students could be analysed systematically. However the findings were supported by assessments in the classroom during a course in phonetics and by general impression gained from conversations with the students.

Results. Deviations from RP made by Soviet students. We shall classify errors according to whether they affected vowels, consonants or supra-segmental characteristics.

Vowels. In very general terms there was not sufficient distinction between

i. tense (or long) vowels and diphthongs.

ii. lax (or short) vowels.

The tense vowels were made too short, and in the case of diphthongs the second element was too weak. These two factors made the tense vowels and diphthongs sound too much like their lax counterparts. In the case of two vowels there was actual possibility of confusion: (i:) pronounced too short, without diphthongal glide, and retracted after non-palatal consonants, occasionally sounded like (i), and (ɔ:) pronounced too short and too open, occasionally sounded like (ɔ).

The lax vowels were in turn often made too long, hence sounding too much like the tense vowels.

Occasionally the vowels (ɤ) and (ɛ) were pronounced identically. Almost no-one produced a recognisably native quality for the diphthong (u), the first element was generally too far forward, too rounded and too long.

Consonants. (w) was usually well pronounced, but was occasionally overused instead of (v); the distinction between these two consonants was not clear enough. (h), presumably through a desire to use this consonant correctly, was occasionally pronounced too strongly, or used in context where a native speaker would not normally use it, e. g. in the weak forms of «him» or «her».

Voiceless stop consonants (/p/, /t/, /k/) were usually much too strongly aspirated after (s) and word-finally, where there is no aspiration in most accents of English. One speaker even aspirated fricative consonants. This was doubtless a correction for the lack of aspiration in Russian. Some speakers did show the, perhaps more expected, absence of aspiration of voiceless stop consonants. Some speakers failed to distinguish voiced stops in the word-final position, in word pairs such as «had» and «hat».

In the case of dental fricatives (θ) and (δ) some speakers confused these with the alveolar fricatives (s) and (z).

Preconsonantal (r), a feature of General American Pronunciation, or of many non-RP British pronunciations, was often used in what was otherwise a British RP pronunciation. Dark (l) was often too strongly velarized.

Suprasegmental features. Stress and Intonation. Most speakers showed a rather foreign intonation pattern over all. There was in general not sufficient distinction between stressed and unstressed syllables, which made the rhythm of speech sound distinctly foreign, and slightly hard to follow for an English-speaking listener. This reduction of the distinction was caused by:

- a) insufficient difference in energy of articulation between the two syllable types, stressed syllables being too weakly articulated, unstressed syllables too strongly,
- b) insufficient pitch differences between the two syllable types,
- c) too many pronunciations characteristic of stressed syllables, occurring in unstressed syllables, for example, pronunciation of (h) in weak:forms (see above), lengthening of lax vowels (see above), occasional pronunciation of vowels suggested by the spelling (e. g. $l\lambda$, $l\lambda$, $l\lambda$) in those unstressed syllables where most native speakers would use (ə).

Juncture. Many speakers failed to show characteristic English word-boundary phenomena, e. g. partial devoicing of initial and final voiced sounds, and glottal onset of accented initial vowels. This coupled with the faults of stress and intonation often made it difficult for the listener to locate word-boundaries.

Discussion. The general standard of English pronunciation was high, in that few of the errors made seriously impeded comprehension. However, many errors were sufficiently serious to produce a strong «foreign accent», and to require English-speaking listeners to pay particular attention to avoid any misunderstandings. Although there is a considerable variation in pronunciation among the English population, for the purposes of this article the analysis is based on RP.

RP is perceived here as most appropriate for would-be teachers of English for the following reasons:

- i. as future teachers of the language they will serve as the standard for their students in pronunciation.
- ii. great divergence from RP may cause loss of credibility for the teacher.

The widely used approach to improving pronunciation is «to concentrate on those features of English which are not found in the learner's native language» [2, p. 305]. For example, it is well recognised that double vowels and diphthongs in English are a source of difficulty for Russians. A number of these diphthongs do not appear in the Russian language, i. e. (ou , $e\text{ə}$, $i\text{ə}$) and the learners are trying to substitute for them monophthongs or the Russian sounds. This is a typical example of «mother tongue interference in second language learning. However our analysis shows that an equally important problem is that of overcompensation in the pronunciation patterns of the second language combined with a lack of confidence in accentual and intonation patterns.

Our view is that making errors is an integral part of learning and not all deviations from RP should have equal ranking as errors. Remedial action should be concentrated on those pronunciation deviations which are systematic and/or are likely to lead to confusion as to meaning in a listener.

References: 1. *Bark T.* Modern Phonetic Texts. Berlin, 1973. 2. *Gimson A. C.* An Introduction to the Pronunciation of English. London, 1980.

Поступила в редколлегию 12.12.89

Л. Г. ВАСИЛЬЕВ, канд. филол. наук

ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Анализ лингвистической теории, как, впрочем, и любой другой, представляет собою сложную рефлексивную процедуру, в которой анализирующий выполняет разнообразные действия. Учитывая, что в реальных условиях анализи-

рующий имеет в своем распоряжении чаще всего текст как след деятельности автора, деятельность анализатора близка к деятельности человека, просто читающего текст научного характера ради пополнения знаний. Вместе с тем анализатор, как представляется, обязан выдать результат своего анализа в той или иной форме. Следовательно, в данном случае мы можем вести речь о совокупности рефлексивной и продуктивной деятельностей.

Анализируя текст, лингвист обязан учитывать его двустороннюю сущность, как результата самоэксplikации и экстериоризации действий автора. С а м о э к с п л и к а т и в н а я сторона направлена на подготовку феноменов когнитивной сферы к реализации в семиозисе, а э к с т е р и а л ь н а я служит целям знакового оформления сигнификатов слов, предложений и текстов. Экстериальная сторона текста подчиняется принципу сопряженности личностных смыслов: «в речевой коммуникации формируется и функционирует определенная коммуникативная общность, носитель специфического межличностного, а также интегративно-межличностного, субъекта коммуникации, не сводимого ни к субъекту отправителя, ни к субъекту адресата, ни к простой сумме субъектов отправителя и адресата сообщения. Именно к этой специфической области коммуникативной субъективности относится и сопряженный личностный смысл, замещаемый и моделируемый текстом» [2, с. 21]. Однако, на наш взгляд, интегративно-личностный мотив (с компонентами «сообщить», «узнать»), является не примарным, а производным от экстериальной стороны текста и поэтому не в состоянии отразить семиологическую картину создания текста в полной мере. Ведь семиозис текста проходит на основе дознаковых процессов, имеющих место в когнитивной области, самоэксplikативной стороне текста. Иными словами, чтобы передать кому-то нечто, надо это «нечто» сначала создать в общем виде, и лишь потом «преломить» с учетом требований получателя в виде определенным образом организованного набора языковых знаков — текста. Поэтому утверждение Е. В. Сидорова, что предметом речевой коммуникации является взаимосвязь деятельности коммуникантов [2, с. 23] — утверждение, которое, в общем, трудно подвергнуть сомнению — нуждается в уточнении: каких именно деятельностей? Во всяком случае, семиотическая деятельность как компонент коммуникативной, нуждается в отдельном освещении.

Итак, анализатор лингвистической концепции «становится» в рефлексивную позицию и осуществляет в рамках деятельности анализа следующие действия. А) Действия, характерные для *сторонника* концепции. При этом происходит узнавание референтной области сигнификата текста, постижение десигнативной области конвенционального поля и декодирование индивидуального поля этого сигнификата. Б) Действия, характерные для *критика* концепции. Здесь анализирующий приводит в действие возникающие у него под влиянием текста индивидуальные поля сигнификатов текста, предложений и слов, и тем самым осуществляется интерпретация текста, или сравнение индивидуальных полей сигнификатов в тексте и имеющих у анализирующего текст человека. В) Действия, характерные для *популяризатора концепции*. Здесь осуществляется компрессия исходного текста, выбор основных и спорных постулатов и, возможно, оценка концепции в целом. Иными словами, происходит создание самостоятельного текста, в котором временно «подавляется» оценка текста исходного. Г) Действия, характерные для *популяризатора критики*. При этом производится метатекст как результат рефлексии над исходным текстом и его оценки; оцениваются обе стороны текста, но основное внимание, как правило, уделяется экстериальной стороне текста как «вещи для нас». В результате всего этого получается текст как отпечаток сложной четырехсторонней деятельности, в котором переплетены результаты названных действий, причем результаты действий В и Г не всегда четко (поабзацно) разведены, и часто за спорным постулатом следует текст-критика.

Цель деятельности анализирующего концепцию — создание текста как результата рефлексии. Осуществление этой цели предполагает следование некоторому набору стратегий и тактик. К числу с т р а т е г и й можно отнести следующие: 1) установление места анализируемой концепции в ряду специальных научных парадигм; 2) определение методологических истоков и принципов построения концепции; 3) установление теоретической адекватности — описательной и объяснительной — данной концепции или рамок, в которых она адекватна.

В числе тактик, подчиненных названным стратегиям, можно выделить следующие. Для стратегии 1: а) определение историко-лингвистического фона создания анализируемой концепции; б) установление лингвистических «предшественников»; в) анализ базовых понятий концепции, если они сходны с понятиями в теориях-предшественниках или конкурирующих концепциях. Для стратегии 2: а) показ исторически сложившейся к моменту создания анализируемой теории философской доктрины или доктрин, доминирующих в данном обществе; б) перечисление основных принципов этих доктрин и сравнение с ними принципов, на которых зиждется разбираемая концепция — иными словами, это подведение лингвометодологических принципов под общеметодологические; в) в случае неадекватности философской парадигмы — установление причин, которые потенциально могут влиять на адекватность разбираемой концепции. Для стратегии 3: а) установление объекта и предмета концепции и ее границ; б) определение общей организации теории; в) анализ ее понятийного аппарата; г) установление внутритеоретических недостатков и противоречий. Заметим, что в лингвистической критике зачастую отсутствует реализация стратегии 2. Происходит это, видимо, в силу того, что некоторые теории, неадекватные с философских позиций, оказываются рабочими, т. е. описательно (если не объяснительно) приемлемыми для вполне определенной области. Это характерно и для лингвистических концепций, многие из которых не претендуют на философские обобщения — но здесь уже нужно вести речь о полноте и глубине таких построений.

Конкретная реализация названных принципов и стратегий может быть показана на анализе теорий американской тагмемики, и в частности, концепции Р. Лонгейкера [7].

Американские теории вообще и тагменная, в частности, разрабатываются, как правило, в рамках двух господствующих методологий — неопозитивизма и прагматизма. Черты неопозитивизма, проявляющиеся в лингвистических концепциях, — это отрыв языка от действительности и примат логических построений, стремление к формализации теории. Из прагматизма в лингвистические теории заимствовано стремление к созданию концепции при принижении роли собственно теории.

Наряду со стратификационной грамматикой американская тагмемика сохранила свои особенности и место в языкознании США в период господства «хемскианской революции». Теоретическим истоком тагмемики [см.: 8] явился дескриптивизм, из которого заимствовано само понятие тагмемики как грамматической конструкции, рассматриваемой в единстве формы и содержания. Тагмема состоит из таксемы (грамматической формы) и эписеммы (грамматического значения); тагмемы — это, как правило, субъектно-предикатные конструкции [1, с. 174, 290]. Принцип исследования предложения в единстве формы и содержания составил альтернативу теориям, восходящим к порождающей грамматике в которых примат отдается либо форме (синтаксису — интерпретирующая семантика), либо содержанию (генеративная и особенно падежно-ролевая семантика). В этих моделях поверхностная структура предложения считается асемантической: организация поверхностной структуры ничего не дает для понимания порождения смысла предложения, он восстанавливается лишь на основе применения к поверхностной структуре некоторых логических процедур, восходящих к субъектно-предикатной (в случае интерпретивизма) и к предикатно аргументной логике (в генеративной и падежно-ролевой семантике).

Лингвометодологические же принципы тагмемики позволяют отнести ее к особому разряду научных парадигм. Эти принципы сводятся к следующим. Все уровни предложения, включая поверхностный, насквозь семантически. Этот принцип проистекает уже из самого понятия тагмемики, ибо с позиции тагмемики «формальная» конструкция является таковой лишь условно — таксеме нельзя рассматривать в отрыве от эписеммы. Придание поверхностной структуре семантического статуса преследует и другую цель — противопоставить тагмемику как теоретически адекватную концепцию иным моделям. Здесь на вооружение берется тезис прагматизма о пропорциональности простоты и адекватности концепции: семантизация поверхностной структуры «разгружает» глубину, ибо ее перегруженность ведет к методологической неадекватности [7, с. 256].

Общая организация теории Р. Лонгейкера такова. В основе семантики предложения лежит взаимодействие понятийной, грамматической и фонологич-

ческой структур. Они описываются как а) глубинный лексикон с концептуальными лексическими категориями, б) глубинная грамматика, содержащая падежные рамки, глубинные флексии (временные и пространственные координаторы вид и модальность), сращения (словосочетания), комбинации предикаций и сюжет (при деривации текста), в) глубинная фонология, содержащая фонетические матрицы и сигналы фонологических границ. Глубинная структура как результат взаимодействия (а) и (б) — мы не рассматриваем здесь фонологию — подвергается уточнению (фокусировке), и на ее выходе образуется слепок (concretion). Слепок подвергается дальнейшей модификации за счет выделения в нем Актора, Субъекта и Объекта. Так образуется поверхностная структура. Особенность ее в том, что в ней определяется идиотнический характер и коммуникативная релевантность предложения (ирония, намеренное искажение смысла и т. п.).

Проанализируем теперь принципы организации теории. Ее важнейшим моментом Р. Лонгейкер считает различение понятий и концептуальных лексических единиц типа *dog*. Последние, в отличие от концептуально-деривационной теории У. Чейфа [4], на которую опирается Р. Лонгейкер, входят в глубинный лексикон, но не в грамматику. Исходными для грамматики полагаются именно понятийные категории [7, с. 11—13]. Это разграничение, на наш взгляд, принципиально для тагемики, ибо в таком случае понятийные категории как единицы универсальные являются собственно тагемными составляющими (ср. понятия как эписеммы и их грамматическая организация как таксемы), а самой теории придается статус универсальной. Единицы же глубинного лексикона — это не эписеммы, а лексические составляющие — лексемы. Отсюда напрашивается вывод о неуниверсальности глубинного словаря и лексической системы языка в отличие от грамматической, образованной по законам тагемики. Видимо поэтому единицы глубинного лексикона выбираются Р. Лонгейкером произвольно, и в их число входят *brown paper*, *inegag* и т. п., которые могли бы быть сведены к более общим категориям. Так завуалированно преподносится преимущество тагемной теории над другими.

Глубинная грамматика представлена в тагемике в основном в виде пропозиций с экспликацией актанных функций. Для описания семантики пропозиции используются идеи Ч. Филлмора [3], У. Чейфа [4] и Дж. Андерсона [5]. Предикаты описываются согласно идеям У. Чейфа с выделением Состояния, Процесса, Действия и Действия-Процесса. Из категории признаков исключена экзистенция, составляющая лишь условие для предикации [7, с. 90]. Из этого утверждения трудно понять, является ли экзистенция необходимым условием предикации (признака, по Р. Лонгейкеру): если да, то из категории признака нужно последовательно вывести подкатегорию экзистенциального признака и оставить лишь подкатегорию признака-качества (для одноместного предиката) и признака-отношения. Из категории признаков исключена также принадлежность к классу, т. е. свойства. По-видимому, принципом установления семантики предиката является тогда протяженность во времени, ибо для экзистенции и свойства этот признак нерелевантен, так как они не имеют семантики предельности. Семантика основных типов предикатов детализируется на основе деривационных признаков AMBIENTности, ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНОСТИ, ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ, КОМПЛЕМЕНТАРНОСТИ, ВЕКТОРНОСТИ, «ФИЗИЧЕСКОГО», СТЕПЕНИ, ЛОКАТИВНОСТИ, СОСТОЯНИЯ, ДВИЖЕНИЯ, ОБЛАДАНИЯ и ИНТЕНЦИИ. Однако подробной разработки деривационного соотношения основных типов предикатов, как это следовало бы из концепции У. Чейфа, автор не дает, чем обедняется деривационное описание.

Характеристика основных предикатных типов [7, с. 44—49] содержит ряд моментов, с которыми трудно согласиться. Во-первых, автор не проводит четкого разграничения между Состоянием и Процессом, хотя примеры показывают, что оно может быть установлено уже на основе признака ± изменение, причем для Процесса может presupпозироваться начальное Состояние, которое затем изменилось. Во-вторых, нечетко разграничены Действие и Действие-Процесс. Так, семантически идентичные предложения *Bill hurt John* и *John hit Bill (with his fist)* трактуются соответственно как Действие-Процесс и экспериментальное действие. Непонятно, на каком основании отнесены к Действию, а не к Действию-Процессу все транзитивные предикаты в падежных рамках [Агенса + Экспериментер /Инструмент/], [Агенса + Цель/Инструмент/], [Агенса + Цель], а также

некоторые глаголы в рамках [Агенс + Сфера] (ср.: Indians make many artifacts), [Агенс/Цель + Пациенс/Источник] (ср.: George grabbed the book from John) и [Агенс/Путь + Пациенс + Цель + Источник] (ср.: John picked it up for me). В этом примере сомнение вызывает и правильность падежной рамки в целом. Классификация падежных рамок у Р. Лонгейкера во многом обесценена нечеткой характеристикой предикатов.

Падежи (семантические роли, по У. Чейфу, тагменные функции, по Дж. Платту) в тагмемике являются «интуитивно определяемыми» и задаются дедуктивно, как и во всех падежно-ролевых теориях. Р. Лонгейкер выделяет следующие глубинные падежи: Экспириенцер, Пациенс, Агенс, Сфера (Range), Инструмент, Мера, Локатив, Источник, Путь и Цель. Четыре последних основаны на системе Дж. Андерсона. В принципе, в локалистических теориях дальнейшее уточнение глубинных падежей необязательно, так как их смысл сводится к противопоставлению исходных и замыкающих предметов оформления мысли. В тагмемике же локалистические падежи уточняются нелокалистическими. Тем самым признается возможность существования кореферентных ролей (незаметно для самого автора!), что свидетельствует о большей сингификативной нагруженности падежей, нежели в теориях, не допускающих кореференции.

В основе классификации падежей у Р. Лонгейкера отсутствует единый принцип. В группе локалистических падежей Источник и Цель выделяются на основе признака дирекциональности. Локатив как «место предикации» немаркирован в отношении дирекциональности и является своего рода гиперролью в этой группе; его можно трактовать и в качестве внешнего падежа (в терминологии Ч. Филлмора), т. е. факультативного для пропозиции. Путь подобно Локативу также может считаться факультативным падежом. В группе нелокалистических падежей наиболее широкой семантикой обладает Экспириенцер, определяемый как одушевленная сущность, психологически воспринимающая событие. Под Экспириенцером понимается: а) тот, кто реагирует на окружающую среду; б) тот, кому приписывается определенное эмоциональное состояние; в) тот, кто претерпевает какой-либо психологический процесс; г) тот, кто подвергается физическому воздействию; д) объект действия, при котором его физическое состояние или местоположение не обязательно меняется, но при котором он испытывает чье-либо насилие, воздействие и т. д.; е) тот, кто узнает или изучает что-либо; ж) тот, кто обучается — при глаголах с семантикой обучения; з) тот, кто испытывает желание, любовь, влечение; и) тот, кто представляет кого-либо; к) тот, кто оценивает кого-либо; л) тот, кто подвергается осмеянию, унижению и т. п.; м) субъект глаголов ощущения; н) адресат глаголов речи [7, с. 27—28]. Такая подробная классификация признаков Экспириенцера проистекает из того, что они выделены у Р. Лонгейкера на основе конкретизации основных типов предикатов (значения б—н), чего не наблюдается в отношении других падежей. Признак (а) выделен на ином основании — по семантике самого предмета. При желании можно подвергнуть семантику Экспириенцера дальнейшей проверке на адекватность, но и из того, что сказано, ясно, что классификация эклектична, что, конечно, не свидетельствует в пользу концепции.

Пациенс определяется как \pm одушевленная сущность, состояние и местоположение которой описывается. Следовательно, семантика Пациенса очень широка и характеризуется со стороны 1) семантики предиката (Действия-Процесса), 2) семантики аргумента — ср. признак \pm одушевленность (ср. признак + одушевленность для Экспириенцера как также признак аргумента), 3) с локалистических позиций. По признаку (1) Пациенс смешивается с Экспириенцером в значении (г). Агенс определяется на основе 1) семантики предиката, ибо употребляется в падежных рамках с Действием и Действием-Процессом, 2) семантики аргумента, имея признак + инициативность. Инструмент описывается на основе семантики предмета (признак — инициативность). Сфера определяется на базе семантики предиката, уточняя его, что напоминает трактовку Дополнения у У. Чейфа. Мера дополняет и квалифицирует падежную рамку, являясь тем самым факультативным падежом. Итак, эклектичность в классификации падежей налицо.

Пропозициональные и модификационные характеристики глубинной семантики предложения устанавливаются на основе флексий: пропозициональные — по семантике предиката, модификационные — по глубинной структуре

в целом. Однако в концепции отсутствует экспликация уровня и механизма соединения этих характеристик.

Выбор поверхностной структуры интенциогенен, и первый шаг к ее формированию происходит на уровне слепка, структурируемого Фокусом. Фокус не является членом противопоставления Данное — Новое. Накладывание Фокуса на глубинную структуру может определять ее падежную рамку, т. е. здесь имеет место обратная связь, ср. пример инструментального Фокуса: *The key opens that door.*

Поверхностный Актор придает некоторым предложениям с предикатами Действия и Действия-Процесса оборотную семантику активности, не задаваемую Агентом, ср.: *The key opens that door.* — *The door opens; The fabric washes well* [7, с. 269]. В последнем примере автор неправомерно усматривает Действие: в глубинной структуре это — Свойство, а в поверхностной — лишь иллюзия Действия, создаваемая Актором.

Субъект сходен с Данным и Темой [6], причем «предмет речи» и «старая информация» часто не разграничиваются. Очевидно, что функция субъекта — коммуникативная, отличная от функции Актора.

Под Объектом понимается то, на чем заканчивается референция глагола [7, с. 287]. Однако термин референция строго не определен. Если это «область действия», то понятие Объекта лишнее, ибо тогда речь идет о валентности предиката, определяемой в глубинной структуре.

По Р. Лонгейкеру, дихотомическая трактовка глубинной и поверхностной структур должна смениться пониманием их как полюсов единого целого. Такая оценка справедлива, ибо поверхностная структура не исчерпывается содержанием глубинной, что удачно показано автором.

Итак, важнейшие теоретические просчеты концепции Р. Лонгейкера происходят из игнорирования связи «реальность — классификация». Основная положительная черта теории — изучение предложения с точки зрения единства формы и содержания.

Список литературы: 1. Блумфилд Л. Язык. М., 1968. 2. Сидоров Е. В. Личностный аспект речевой коммуникации и текста // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 16—25. 3. Филмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10. Лингвистическая семантика. С. 396—495. 4. Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975. 5. Anderson J. The grammar of case: towards a localistic theory. London, 1971. 6. Halliday M. Notes on transitivity and theme in English. Part I. // Journal of linguistics, 1967. No. 3. P. 137—181. 7. Longacre R. An anatomy of speech notions. Lisse, 1976. 8. Platt J. Grammatical form and grammatical meaning: a tagmemic view of Fillmore's deep structure concepts. Amsterdam, 1971.

Поступила в редакцию 10.10.89

Г. В. ЕЙГЕР, канд. филол. наук

О СТИЛЕ МЫШЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Под стилем научного мышления в современной философии понимается совокупность характерных для определенного исторического периода норм мышления, общепринятых представлений о научном знании и целесообразных с позиции данного периода способов получения этого знания. Содержательно-психологической особенностью лингвистического мышления (ЛМ) является направленность на решение лингвистических задач, а его структура определяется спецификой вербальных объектов, являющихся носителями предметной (экстралингвистической) информации. Компонентами этой структуры являются лингвистические понятия и наглядно-структурные отно-

шения вербальных элементов в системе языка. Операционной особенностью ЛМ является актуализация этих понятий и схем в сознании лингвиста с целью их дальнейшего интегрирования в лингвистическую теорию (или ее фрагмент) и/или в практику.

Сущность стиля ЛМ раскрывается посредством диалектического единства предметной и познавательной деятельности, заключающейся в их операционном характере. ЛМ является логическим отражением языкового отражения действительности и представляет собой результат творческой деятельности общества в целом.

На основе анализа информационных потоков за 35 лет (лингвистическая литература, отраженная в основных информационных источниках), изучения монографической литературы и периодики можно выделить следующие черты стиля мышления в современной лингвистике, отражающие общие тенденции в развитии ряда наук и находящие специфическое преломление в лингвистических исследованиях.

1. *Антропоцентризм*. Эта черта находит свое выражение а) в концентрированном внимании к человеку как носителю языка, б) в акцентировании коммуникативной функции языка при исследовании его аспектов и в специальных исследованиях реализации этой функции, ведущихся под флагом «коммуникативной лингвистики», в образовании пограничных наук и областей исследования, анализирующих как сам процесс речевой деятельности, так и его результат (психолингвистика, теория речевой деятельности, прагматическая лингвистика, лингвистика текста и др.).

2. *Системно-структурный подход*, выражающийся в исследовании языка на основе объединения языковых элементов или выражаемых ими значений в различные, связанные определенными отношениями уровни, функционально-семантические поля, «пространства» и т. п.

3. *Моделирование* — от отдельных языковых структур и их комбинаций до текста и структур речевого общения. На этом пути способом «обратного моделирования» создаются особые лингвистические миры типа универсальных объектов, которые позволяют охватывать и возможные структуры языка, соответствующие имманентным законам в данной области явлений.

4. *Кибернетизация*. Язык рассматривается в этом случае как кибернетическая система, характеризующаяся устойчивостью, самосохранением и развитием, как система с противоположными свойствами — надежная в «большом» и ненадежная в «малом». В этом аспекте изучаются процессы функционирования языка. С другой стороны, кибернетизация заключается в адаптации языка для целей автоматического анализа. Кибернетический подход используется и при анализе различных форм речевого взаимодействия.

5. *Единство целого и дискретного* выражается в членении языковых структур на их формальные и семантические компоненты (например, компонентный анализ) с последующим синтезом полученных данных в рамках целостной структуры. При этом язык в целом и языковые структуры рассматриваются как эмергентные системы, значения и функции которых непосредственно не определяются значениями и функциями компонентов.

6. *Усиление взаимодействия лингвистики с другими дисциплинами.* Для науки второй половины XX века вообще характерно стирание границ между ее дисциплинами, появление на ее стыках новых направлений, научных школ и т. п., что во многом определяется мощным воздействием диалектики на научное мышление. Роль этого фактора в лингвистике объясняется также сложной и комплексной природой языка, требующего для своего изучения привлечения данных других наук; в свою очередь развитие последних требует учета лингвистических данных, поскольку с языком связан огромный комплекс явлений. В результате появляются новые дисциплины или области исследования (этнолингвистика, праксеолингвистика, геоллингвистика, биоллингвистика, социоллингвистика и др.) в лингвистике, а также в других науках (лингвобионика, лингвоэргономика, лингвострановедение и др.). Взаимодействие наук проявляется также в использовании лингвистикой приемов исследования и некоторых понятий и идей других наук (с соответствующей экспликацией), например, «поле», «инвариант», «валентность», «нечеткое множество».

7. *Увеличение методологической функции философии* объясняется бурным становлением и развитием перечисленных стилевых черт, требующих частой экспликации основных понятий лингвистики и проникновением в ее понятийный аппарат общенаучных понятий. Серьезные мировоззренческие проблемы нередко приходится решать при разработке лингвистического обеспечения искусственного интеллекта, вообще требующего тесного взаимодействия фундаментальных и прикладных исследований.

8. *Объективизация методов лингвистического исследования* определяется логикой развития лингвистики и влиянием «точных наук», с которыми она взаимодействует. Речь идет здесь не столько о строгости в применении математического или логического аппарата, сколько о выработке критериев точности исследования, вытекающих из специфики языка как общественного явления.

Каждая из рассмотренных стилевых черт прошла или проходит стадию редуционизма: «всесторонность» информации для некоторого этапа развития науки реализуется лишь на ее последующем витке, отражающем последовательное углубление объективной истины. (Это положение применительно к психологии выдвигается в работах В. П. Зинченко).

Рассмотрим проявление указанных черт ЛМ на конкретном примере — теории перевода. (Данный раздел написан в соавторстве с Г. Я. Узилевским).

Вслед за А. Швейцером мы полагаем, что теория перевода еще не сформировалась [2] и носит мозаичный характер. На протяжении последних 30 лет появился ряд различных подходов к изучению процесса и результатов процесса перевода. Следует отметить, что в настоящее время усиленно развивается изучение перевода как процесса «межязыкового и межкультурного общения», прослеживается междисциплинарный подход к исследованию проблем переводческой деятельности, несомненно способствующий «разработке теоретических основ теории перевода» [3, с. 4—5].

Это натолкнуло нас на мысль рассмотреть некоторые стилевые черты теории перевода с целью выявления общего контура ее развития.

1. *Антропоцентризм*, проявляющийся в изучении человека как творца переводческой продукции, его вербального и невербального мышления, механизмов восприятия, понимания и порождения текстов на ИЯ и ПЯ. Это происходит как в связи с определенными когнитивными процессами в переводческой среде, так и в связи с тем, что переводческой деятельностью в мире занимаются сотни тысяч людей, и появилась потребность в исследовании профессиональных черт переводчиков. С другой стороны, результатами переводческого труда пользуются десятки миллионов людей в мире, что вызвало необходимость в переориентации сообщения на ПЯ на соответствующую аудиторию, в приспособлении его для восприятия носителями не только другого языка, но и другой культуры [2, с. 1,4].

2. *Системно-структурный подход* характеризуется сопоставительным изучением системы и структуры ИЯ и ПЯ, уровней эквивалентностей и т. д.

3. *Моделирование* как отдельных структур ИЯ и ПЯ, текстов на ИЯ и ПЯ, так и структур речевого общения для получения данных о переводимости, адекватности и эквивалентности языковых единиц составления представлений о механизмах вербального и невербального мышления и др.

4. *Кибернетизация*, заключающаяся в рассмотрении ИЯ и ПЯ как знаковых самоорганизующихся систем, с целью создания автоматизированных словарей, авторедакторов текстов и т. д.

5. *Усиление взаимодействия теории перевода с другими научными дисциплинами*, объясняющееся как факторами внутренними (сложная природа естественных языков, вербального и невербального мышления, трансформации текстов на ИЯ и ПЯ), так и внешними (разработка новых критериев качества перевода, удовлетворяющих требованиям конечных пользователей, влияние научно-информационной деятельности и т. п.). Обнаруживается тесная связь теории перевода с общим языкознанием и психолингвистикой. В последние годы прослеживаются ее связи с этно- и социолингвистикой, прагматикой, семиотикой культуры. Следует отметить взаимодействие теории перевода с информатикой, кибернетикой, психосемиотикой и другими дисциплинами.

6. *Объективизация методов исследования* определяется логикой развития теории перевода и влиянием наук, с которыми она взаимодействует. Здесь речь идет в первую очередь о выработке критериев точности исследования, вытекающих из специфики процесса перевода, вербального и невербального мышления, особенностей человеческого общения и т. д.

7. *Увеличение роли методологической функции философии* объясняется становлением перечисленных стилевых черт, требующих экспликации основных понятий теории перевода как междисциплинарной науки.

Ввиду развития вычислительной техники, предстоящего насыщения рынка персональными компьютерами кардинально изменится тех-

нология работы переводчика в нашей стране. В связи с этим гораздо большего внимания к себе требуют такие слабо изученные стилиевые черты теории перевода, как антропоцентризм, моделирование, кибернетизация.

Список литературы: 1. Сорокин Ю. А. Проблема перевода с психолингвистической точки зрения // Тетради переводчика. М., 1984. Вып. 21. С. 14—18. 2. Швейцер А. Д. Возможна ли общая теория перевода? // Тетради переводчика. М., 1985. С. 35—46 (Уч. зап. № 7). 3. Швейцер А. Д. Новые задачи «Тетрадей переводчика» // Тетради переводчика. М., 1987. Вып. 22. С. 3—6.

Поступила в редколлегию 28.09.89

Е. В. ТАРАСОВА, канд. филол. наук, Л. Н. ЧЕРНОВАТЫЙ,
канд. пед. наук

О ДИДАКТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОГО ПОЛЯ

Развитие методики обучения иностранным языкам в последние десятилетия не оставалось в стороне от прогресса общелингвистических представлений о языке, возникающих новых концепций и методов лингвистических исследований. Как всякая языковедческая дисциплина лингводидактика, естественно, испытывает на себе влияние общетеоретических инноваций.

Одной из основных идей, которые методика пыталась заимствовать из различных лингвистических концепций, является идея сведения всего многообразия грамматических явлений к некоторым более крупным категориям (например, к частям речи в традиционной грамматике). В структурной грамматике [15, 19, 20] была предпринята попытка «укрупнить» категории за счет введения понятий «классов слов» и «функциональных слов». Структурная грамматика в своих различных вариантах приобрела значительную популярность среди преподавателей благодаря точности, объективности разработанных в ее русле описаний, а также в связи со стремлением некоторых структуралистов показать, как функционирует язык в целом [9].

Структурная грамматика составила лингвистическую основу аудиолингвального метода обучения, в рамках которого предпринимались попытки обучить языку за счет применения системы упражнений (аудирование, имитация, подстановка и пр.), направленных на преимущественно механическое манипулирование грамматическими структурами.

Несмотря на ряд преимуществ структурной грамматики, ее существенным недостатком является ограниченность анализа поверхностными структурами, в то время как для обучения языку не меньшее значение имеют глубинные семантические функции усваиваемых единиц и структур. Причем, вероятно, такие функции даже более важны в обучении, поэтому группировка грамматических явлений по формальному признаку (или на основе их способности выполнять формально-грамматические функции членов предложения) вряд ли может рассматриваться как единственно правильный подход с точки зрения педагогической грамматики [8].

Попытка расширить обсуждаемый подход была предпринята в рамках генеративно-трансформационной теории, в частности, в двух моделях трансформационной грамматики Н. Хомского [12, 13], где была предложена идея разграничения поверхностной и глубинной структур, причем число глубинных (пропозициональных) структур оказалось гораздо меньшим, чем количество поверхностных. Казалось, что обучение языку, основанное на глубинных структурах, должно протекать значительно эффективнее по сравнению с обучением, строящимся на усвоении огромного количества разнообразных поверхностных структур. Однако на практике оказалось, что идеи трансформационной грамматики,

хотя и имеющие большую ценность для методики в качестве фонового знания, трудно воплотить в реальном процессе обучения, так как их нельзя применять, не усвоив достаточно сложных правил перехода от глубинной к поверхностной структуре [9, с. 66].

Идея глубинной и поверхностной структур развивается, как известно, в частности, в «падежной грамматике» [14], причем глубинная структура в этой теории еще более удалена от поверхностной структуры, чем в концепции Н. Хомского. Практически «падежная грамматика» сводила все многообразие грамматических форм к восьми глубинным падежам, с помощью которых можно объяснить по мнению автора, появление любого предложения с любой поверхностной структурой. Например, глубинная структура «break (of) your window (by) us (with) our ball» может выражаться в поверхностной структуре по-разному:

- (a) We broke your window with our ball
- (b) Our ball broke your window
- (c) Your window was broken by our ball
- (d) Your window got broken
- (e) Your window broke

Различная группировка компонентов глубинной структуры в (a) — (e) позволяет говорящему концентрировать внимание слушающего на разных компонентах семантики предложения. Последовательность предложений (a) — (e) представляет собой «парадигму нарастания безответственности» [9, с. 71]. При движении от (a) к (e) говорящий все больше скрывает свое собственное участие в происшедшем путем концентрации внимания собеседника на других компонентах глубинной структуры. Такие факты, вскрытые «падежной грамматикой», позволяют показать разницу между «пропозициональным значением» (глубинная структура) и «ситуационным значением» (предложения (a) — (e) и, безусловно, могут быть использованы при построении педагогической грамматики [9, с. 71].

Сходный подход можно обнаружить в функциональной теории Халлидея [16, 17], где автор, хотя и отрицает термин «глубинная» и «поверхностная структура», оперирует такими понятиями, как «очень абстрактные системы» и «их конкретная реализация в речи». При этом, М. Халлидей описывает практически те же объекты, что и Ч. Филлмор, однако, если последний описывает язык «изнутри», оперируя грамматическим понятием падежа, то Халлидей использует социологическое понятие «семантической роли». Однако «падежи» Филлмора и «роли» Халлидея настолько сходны, что можно говорить об их практическом совпадении [9, с. 74].

Кроме пропозиционального компонента, который в грамматике Халлидея называется эмпирическим (experiential), он выделяет также межличностную и текстовую функции языка (первая соответствует намеренному, но не до конца разработанному Ч. Филлмором модальному компоненту). Данные понятия также могут быть учтены в педагогической грамматике. Текстовая функция, в частности, помогает понять разницу между предложениями, которые не отличаются ни с точки зрения глубинной структуры, ни по содержанию модального компонента. Например, предложения:

- (f) Jane was given a book
- (g) The book was given to Jane

являются почти идентичными во многих отношениях и обычно рассматриваются как полностью эквивалентные при обучении страдательному залого в английском языке. Между тем эти предложения отличаются в смысле выполняемой ими текстовой функции, т. е. по способности образовывать текст. Если мы проанализируем предложения:

- (h) Some children were given books, others — toys
- (i) I haven't got the book

то обнаружим, что предложения (h) и (f), а также (i) и (g) в случае их соединения образуют связный текст, в то время как (h) и (g), а также (i) и (f) — не образуют. Такого рода информация также является исключительно важной для построения педагогической грамматики.

На современном этапе в связи с прогрессирующим развитием коммуникативной лингвистики на первый план в лингводидактике также выдвигаются инструментальные концепции, ориентирующие на методологически обоснованное

и назревшее изучение иностранного языка как с точки зрения целостности и системности, так и с позиций коммуникативной целесообразности.

Как известно, в настоящее время последовательность введения иноязычного материала в процессе обучения иностранному языку определяется в основном канонизированной структурой так называемой «школьной» или «классической» грамматики, при которой грамматические явления вводятся по частям речи — отдельно по разделам «Существительное», «Глагол», «Прилагательное» и т. д. При таком способе репрезентации материала преобладает абстрактно-формальный подход, что создает серьезные препятствия на пути реализации коммуникативной цели обучения, в основе которой лежит функциональный принцип. Кроме того, такая формально ориентированная организация обучения, как показывают результаты специальных исследований [11], сказывается и на способе структурирования иноязычного материала в сознании учащихся.

Полученные экспериментальные данные свидетельствуют о том, что иноязычный грамматический материал организован в сознании учебных билингов по дискретным, сугубо формальным категориям (парадигматическим рядам) или, во всяком случае, такой способ организации является преобладающим. Это означает, что единицы и структуры изучаемого языка не объединены в сознании и памяти учащихся на единой концептуальной основе, не связаны общностью выполняемой ими коммуникативной задачи. Подобный подход не способствует быстрому и эффективному выбору из имеющихся в сознании и памяти билинга адекватных языковых средств в конкретной ситуации общения.

В данной статье мы попытаемся обосновать целесообразность обучения иностранному языку как реально функционирующей системе с учетом ее коммуникативных целей на основе теории языковых полей.

Понятие поля относится, как известно, к числу опорных понятий функционального направления. В лингвистике полевой подход полностью доказал свою плодотворность при описании различных сторон и аспектов языка (см. труды А. В. Бондарко, В. Г. Адмони, Г. С. Щура, А. В. Гулыги, Е. И. Шендельс и других). Полевое моделирование концептуально-языковых операций позволяет анализировать факты языка и речи по принципу «цель — средства», т. е. выяснять, какими средствами располагает данный язык для достижения определенной коммуникативной цели и в каких отношениях эти средства друг к другу находятся. Полевой интерпретации на материале различных языков подвергались средства выражения таких категорий, как модальность, аспектуальность, количественность, качественность, каузальность, темпоральность и др. Намечалась тенденция соединения полевого подхода с теорией речевых актов для описания различного рода коммуникативно-прагматических категорий — эмоционального усиления, убеждения, лжи и некоторых других.

Как лингводидактическая модель поле имеет, на наш взгляд, большую объяснительную способность, которая, несмотря на обширность литературы по полевой методике в отечественном языкознании, явно недооценивается. Остановимся на некоторых конкретных положениях теории языкового поля, которые могут иметь, по нашему мнению, определенную ценность для профессионально ориентированной методики преподавания иностранных языков.

1. Смысл полей, помогающих выявлению и объяснению действий внутренних объективных закономерностей во внешней «размытости» речи, заключается в фиксации инвариантных свойств явлений, с помощью которых категоризируются и упорядочиваются конкретные факты языка. Инвариантный подход проявляется в избрании какого-либо понятия (часто граничащего с универсальными понятиями категориями) и рассмотрении всевозможных форм его передачи в речи. Все изоморфные и алломорфные поверхностные варианты объединяются при этом «общей глубиной». Семантический стимул, лежащий в основе поля, так или иначе затрагивает всю его структуру, по-особому проецируясь на ее различных уровнях. По мере удаления от ядра основное инвариантное значение ослабевает, перекрываясь другими значениями вследствие пересечения различных полей языка. Так, в основе поля темпоральности, например, лежит обширная зона смыслов, различных по своей абстрактности, связанных с отражением в сознании говорящих на данном языке временных отношений объективной действительности.

В английском языке универсальная категория времени, лежащая в основе поля темпоральности, имеет широкие семантические границы и сопряжена с целым комплексом дополнительных значений. Они включают модальные значения (характерные для микрополей настоящего и особенно будущего времени), ограничение и дробление временных отрезков (наиболее ярко выраженное в структуре микрополя прошедшего времени), видовые значения, дополнительно характеризующие протекание действия во времени (в чем ярко проявляется взаимодействие грамматических и лексических компонентов всех временных микрополей), разграничение абсолютного и относительного употребления временных форм.

Полевая интерпретация темпоральности выявляет также широкое пересечение и взаимоналожение семантических пространств, образующих семантические инварианты основных микрополей темпоральности, в чем в свою очередь находит отражение нерасчлененность времени в языковом сознании, понимание времени как некоторого континуума, в котором моменты прошедшего, настоящего и будущего взаимосвязаны и взаимопроникают друг в друга.

Языковое поле базируется, таким образом, на общности некоторого инвариантного признака в семантике взаимосвязанных обслуживающих потребности коммуникации средств и выступает как содержательно ориентированное понятие, направленное на поиски глубинных семантических структур, управляющих их поверхностным разнообразием.

2. Известно, что важное место как в общей практике языкознания, так и методике обучения языку занимают проблемы таксономии. Поле потому и обладает большой эвристической силой, что выступает как чрезвычайно *эффективный инструмент классификации и систематизации*, что в учебной практике позволяет последовательно осуществлять метод системно-обобщенной подачи языкового материала. Полевой принцип предполагает внутреннюю качественную и количественную стратификацию конститuentов на основе определенных признаков и, следовательно, максимально полную регистрацию средств передачи избранного значения.

Так, поле темпоральности в английском языке следует рассматривать как сложную систему взаимодействующих компонентов (и подсистем), обладающую определенной организацией, упорядоченностью и устойчивостью. Конституенты английского поля времени имеют «ярусное» расположение. Максимально абстрактные (морфологические) единицы составляют ядро поля, точнее, ядра составляющих его микрополей — настоящего, прошедшего и будущего; за ними располагаются частично грамматизованные элементы, а наиболее конкретные образуют самую отдаленную периферию соответствующих микрополей. Максимально абстрактные единицы, сосредоточенные в ядре, относятся к грамматике, периферийные единицы, передающие временные значения настоящего, прошедшего и будущего, — к лексике. Между ними располагается медиальная прослойка конкретизированных единиц, занимающих промежуточное положение между лексикой и грамматикой.

Проблематика полевого изучения темпоральности в английском языке включает также вопросы функционального характера: взаимодействия лексических и грамматических средств выражения временных понятий, синтаксической, контекстуальной и ситуативной обусловленности употребления временных форм. К числу актуальных теоретических и методических задач относится также определение степени синонимического сближения между основными категориальными формами времени и периферийными образованиями, изучение того «напряжения», которое существует между морфологическими ядерными элементами и лексической периферией в каждом из трех временных микрополей в составе общего макрополя.

Есть основание считать, что полевая интерпретация языкового времени как комплексного функционально-семантического образования позволяет избежать некоторой несогласованности противоречий между имеющимися в науке теоретическими описаниями системы времени в английском языке и реальной практикой общения на нем.

3. Специфика структурной организации поля, позволяющая подойти к проблеме классификации форм, служащих для выражения исходного понятия с точки зрения их распределения на ядерные, околядерные и периферийные,

состоит в иерархическом характере составляющих его компонентов. В этом смысле поле — это модель, которая максимально отражает системный характер как языка, так и речи. Поле складывается в оптимальном случае из единиц всех уровней — лексического, морфологического, синтаксического и фонологического. В процессе обучения языку это позволяет, в частности, выделить более «грамматизированные» и менее «грамматизированные» понятия, т. е. обращать внимание студентов на градуальный характер грамматичности изучаемых единиц и структур, отражающих динамику «межуровневых» взаимодействий.

Применительно к избранному здесь в качестве иллюстрации полю времени в английском языке следовало бы, например, отметить то обстоятельство, что микрополе прошедшего времени в этом языке, отражающее время опыта, материализовавшегося в сознании говорящего, является максимально грамматизированным и чтой специфика отражения данного временного понятия средствами разных уровней проявляется в большей степени самостоятельности морфологических ядерных компонентов в темпоральной организации высказывания, в результате чего характерным для микрополя прошедшего оказывается слабое развитие лексической периферии.

С другой стороны, следует обратить внимание обучаемых на повышенную по сравнению с другими временными сферами степень лексикализации микрополя будущего времени, проявляющуюся в явном функциональном приоритете лексических средств — особенно модальных глаголов и конструкций, служащих для передачи будущего действия, окрашенного субъективной модальностью — при сравнительно небольшом удельном весе морфологического ядра.

4. Актуальность выделения полей как дидактических моделей описания языковых категорий проявляется также в присутствии им гибком диалектическом единстве содержательного и формального, что позволяет глубже проникнуть в процессы речемыслительной деятельности. Как межуровневые объединения единиц, воплощающих в своей семантике одну и ту же смысловую категорию, поля дают возможность осуществлять при обучении иностранному языку процесс интеграции, проявляющийся прежде всего в том, что усвоение различных аспектов языка — его грамматики, лексики, синтаксиса, даже в ряде случаев фонетики — происходит не по дискретным разделам или «кускам», а интегрированно и цельносистемно.

Разумеется, как во всякой модели в языковом поле присутствует известная доля абстрактности, ибо речевой материал структурирован в нем несколько обобщенно. Однако исследование взаимодействия между центром и периферией во многом способствует раскрытию сложной динамики происходящих в языке и речи процессов. Важный фактор, характеризующий поле как открытую динамическую систему, заключается в своеобразии взаимодействия между его компонентами, при котором ядро поля выступает как центр притяжения для периферийных элементов. Тракуемое лишь как совокупность компонентов вне функционирования поля является своего рода абстракцией. Но как система, состоящая из множества элементов, находящихся в определенных отношениях и характеризующаяся целостностью и определенным поведением в «окружающей среде», система, которая реализует свое исходное значение в виде различных вариантов, поле перестает быть абстракцией и конкретизируется в реальных формах существования.

5. Важным в данном случае представляется то обстоятельство, что в отличие от большинства используемых в лингвистике и лингводидактике моделей, имеющих преимущественно описательно-спекулятивный характер, поле — модель экспериментально-теоретическая, основанная на массовой обработке эмпирического материала — реального употребления слов, форм, структур. Поэтому важным преимуществом полевого подхода к описанию языка в учебных целях является то, что на первый план в нем выдвигается речевая деятельность говорящего, которая начинается с некоторого внеязыкового содержания и заканчивается определенными средствами языкового выражения. При этом основная цель состоит не в простой регистрации фактов, а в установлении закономерностей.

Будучи основана на конкретном исследовании обширного текстового материала, полевая грамматика является по своей логико-методологической природе и системной, и функциональной. Ибо с одной стороны, языковые категории

объясняются в ней с точки зрения того, как в них реализуются понятийные категории, с другой — появляется возможность систематизировать факты речи, в которых закрепляются, как правило, не одноразовые, а типовые обстоятельства общения людей, говорящих на данном языке. Осуществляя таким образом синтез системного и функционального подходов, полевая грамматика направлена на изучение в равной мере и языка, и речи в их неразрывной взаимосвязи. Благодаря тому, что полевая методика имеет по сути дело с тремя величинами — мышлением, языком и речью, она позволяет осуществлять более быстрое образование механизма коррекции системы значений и обобщенный подход к анализу и структурированию вербального материала на изучаемом языке, что обеспечивает формирование способности к быстрой ориентации в выборе синонимов [1, с. 127].

6. Все сказанное дает нам возможность охарактеризовать полевую концепцию как разновидность теории «языка как системы выбора» [7, 16], когда определенный участок (область) языка представлен в качестве ресурса для выражения выбранного значения. В методическом смысле поле выступает как некоторая система логических возможностей, вариантов выбора из арсенала языковых единиц, служащих для передачи определенного внеязыкового содержания, и некоторая система правил, регулирующих варьирование средств. В таком толковании поле следует рассматривать не как абстрактное построение формальной грамматики, гипотетический конструкт, оторванный от носителя языка, но как необходимый фон для формирования иноязычно-речевой компетенции.

В процессе обучения языку эта динамическая операционная модель обеспечивает гармоническое сочетание семасиологического и ономасиологического подходов. При этом, если анализ ведется в направлении от формы к значению, то он моделирует речевую деятельность слушающего; если же на «выходе» смыслы, а на «выходе» — формы, то моделируется речевая деятельность говорящего [5, с. 6]. Таким образом полевая концепция удовлетворяет основному требованию, предъявляемому к педагогической грамматике, которая должна заниматься прежде всего развитием коммуникативной способности [10].

7. Языковые знаки, включаясь в процесс общения, имеют, как известно, различную функциональную значимость. В поле как системном образовании все варианты являются равноценными, однако в речевой реализации его компонентов неизбежно выделяются более или менее престижные варианты, принимаемые большинством речевого коллектива в качестве традиционных, образцовых. Важным преимуществом поля, выгодно отличающим его от ряда других научно-прикладных моделей, используемых в учебных целях, является присущий ему *квантитативный атрибут* [6], предполагающий выражение количественных соотношений между определенными качествами. Это следует понимать в том смысле, что всякая полевая модель, в нашем представлении, должна включать количественные характеристики составляющих ее компонентов.

Введение количественного параметра продиктовано тем, что он позволяет определить степень интенсивности проявления тех или иных признаков рассматриваемых единиц в языке и речи, выявить характер смещения коммуникативной нагрузки компонентов у различных коммуникантов, в различных видах текстов, условиях общения и т. д. Разумеется, количественные параметры поля имеют статус сугубо прикладных, тем не менее в любом объекте действительности, включая и такие явления, как язык и речь, как известно, качество и количество соответствуют друг другу взаимно и обоюсторонне. Поэтому характеризуя количественную определенность составляющих его компонентов, выявляемую парадигматически и синтагматически, полевые описания позволяют выделить в выражении каждой конкретной семантической области коммуникативно важные формы. Дополнительную методическую ценность представляет и то обстоятельство, что обширные статистические выборки, на которых базируется то или иное языковое поле, могут быть представлены в виде своеобразной матрицы и вполне пригодны (или могут быть легко адаптированы) для обработки с помощью статистико-вероятностных методов, включая автоматизированные обучающие системы на базе ЭВМ.

Есть и другие прикладные аспекты, расширяющие, на наш взгляд, возможности педагогической эксплуатации полевого анализа.

8. В решении многих практических вопросов преподавания особую роль играют, как известно, различного рода контрастные описания. Универсальный характер поля, обусловленный его концептуальной основой, делает его эффективным инструментом практической «обучающей» типологии. Использование поля для межъязыковых сопоставлений дает возможность на практическом уровне определить соизмеримые и несоизмеримые элементы родного и иностранного языков, оперируя при этом такими понятиями, как соответствие, соотношение, эквивалентность и т. д. То обстоятельство, что такого рода полевой контрастный анализ подкрепляется статистическими данными, усиливает его педагогическую ценность, делая поле удобным инструментом тестирования уровня иноязычной компетенции учащихся. Данная методика позволила бы среди прочего охарактеризовать количественные и качественные различия в речевых стратегиях говорящих — носителей данного языка и лиц, для которых он является иностранным. Этот подход, вполне вероятно, помог бы оценить и степень речевой компетенции студентов языковых вузов на различных стадиях обучения иностранному языку. Методика полевого моделирования может быть полезной также при прогнозировании интерференции и ошибок. В частности, она могла бы способствовать более глубокому методическому обоснованию природы ошибок (errors of avoidance and abundance) в речи на иностранном языке [18, с. 106].

Изложенное выше не претендует, разумеется, на исчерпывающее теоретическое обоснование дидактической роли полевого концепции как универсальной модели обучения иностранному языку. Мы ставили своей целью показать, что теория языковых полей и методика преподавания иностранных языков могут эффективно взаимодействовать в области пересечения актуальных исследовательских задач, относящихся к мышлению, познанию и речевому поведению человека. К тому же в последние годы появились убедительные доказательства того, что поля (в частности, функционально-семантические) из субъективной единицы лингвистического анализа превратились в объективную: их существование, группировка языковых единиц в памяти человека по полемому принципу были теоретически и экспериментально обоснованы в конкретных исследованиях [2, 3, 4].

Поэтому есть основания рассматривать полевою грамматику как перспективную программу исследования в области когнитивно и коммуникативно ориентированной методики преподавания иностранных языков. Представляется, что последовательная реализация этой программы могла бы существенно облегчить языковую адаптацию студентов в языковом вузе и создать надежную базу для их будущей профессиональной деятельности.

Список литературы: 1. Гохлернер М. М., Ейгер Г. В. Системность языковых форм и значений и проблема переноса навыков и умений при обучении второму языку // Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. М., 1972. С. 122—130. 2. Залевская А. Л. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (на материале межъязыкового сопоставления результатов ассоциативного эксперимента): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980. 3. Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979. 4. Никитина Ф. А. Моделирование языковой действительности с помощью функционально-семантических полей // Проблемы бионики. 1988. Вып. 41. С. 80—84. 5. Степанов Г. В. Соотношение общенаучных и частных методов // Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке: Сб. науч. трудов. М., 1986. С. 3—16. 6. Тарасова Е. В. О функциональной ориентации полевых исследований в области контрастной типологии // Вестн. Харьк. ун-та, 1985. № 274. С. 84—87. 7. Черноватый Л. Н. Семантическая сеть как основа построения алгоритма // Вестн. Харьк. ун-та, 1987. № 312. С. 87—90. 8. Allen J. P. B. Pedagogical Grammar // The Edinburgh Course of Applied Linguistics. Vol. 3. London, 1979. P. 59—92. 9. Allen J. P. B., Widdowson H. Grammar and language teaching // The Edinburgh Course in Applied Linguistics. Vol. 2. London, 1975. P. 45—97. 10. Candlin C. On Status of Pedagogical Grammars // C. J. Brumfit, K. Johnson (eds). The Communicative Approach to Language Teaching. Oxford Univ. Press, 1979. P. 72—81. 11. Chernovaty L., Maslennikov E. Principles of the Native / Foreign Language Material Organization in the Bilingual Brain // 24 th International Conference on Polish-English Contrastive Linguistics, Blazejewko, 1989, 4—6 May.

12. Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague, 1957. 13. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, 1965. 14. Fillmore Ch. The Case for Case // E. Bach and R. T. Harms (eds). Universals in Linguistic Theory. New York, 1968. P. 22—54. 15. Fries C. C. The Structure of English: An Introduction to the Construction of English Sentences.— New York, 1952. 16. Halliday M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. London, 1985. 17. Halliday M. A. K. Notes on transitivity and theme in English. Journal of Linguistics, 1967. N 3. P. 37—81, 199—244; 1968. N 4. P. 179—215. 18. Krzeszowski I. P. Quantitative Contrastive Analysis // Studia Linguistica 35, 1981. N 1—2 (CWK Gleerup). P. 98—110. 19. Nida E. A. A Synopsis of English Syntax. The Hague, 1968. 20. Pike K. L. Language in Relation to a Unified Theory of Human Behaviour. The Hague, 1967.

Поступила в редколлегию 23.01.90

Н. В. КОНОНЕНКО

**О НЕОБХОДИМОСТИ ВКЛЮЧЕНИЯ
АЛГОРИТМИЗИРОВАННЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ
ИНСТРУКЦИЙ ВО ФРАНЦУЗСКО-РУССКИЕ УЧЕБНЫЕ
СЛОВАРИ**

На эффективность преподавания иностранного языка оказывают существенное влияние многие факторы, среди которых определенную роль играет рациональное построение переводного словаря.

Как правило, двуязычные словари фиксируют лишь одну из словоформ данного слова. Однако очень часто возникает необходимость установления значения какой-либо иной словоформы, отличной от словарной. На начальном этапе обучения, при еще недостаточном знании грамматики получение необходимой информации требует от учащегося дополнительных усилий и затрат времени. В принципе, составитель словаря ориентируется на уровень грамматических знаний своего потенциального читателя и прилагает к словнику грамматический очерк, в котором описаны принципы приведения несловарных форм к словарным. Однако эта информация обычно касается регулярных форм. Что же касается форм нерегулярных, здесь возникают немалые трудности [2].

При изучении французского языка особую сложность представляет глагольная система. В отличие от английского и немецкого языков, где существуют три базовые глагольные формы — инфинитив, простое прошедшее время, причастие прошедшего времени, во французском языке их целых шесть: к трем вышеперечисленным добавляются еще настоящее время изъявительного наклонения, настоящее время сослагательного наклонения и простое будущее время. Все глагольные формы французского языка имеют развитую систему личных окончаний, что тоже представляет определенную трудность для учащихся. Особые же затруднения вызывает широко распространенный супплетивизм неправильных глаголов, так называемых глаголов 3-й группы. Их насчитывается около 300, и все они распределяются между 78 различными типами спряжений. При спряжении по лицам и числам в пределах одной временной формы глаголы 3-й группы могут иметь до пяти вариантов основ. При этом внешнее сходство с инфинитивом

в ряде случаев бывает весьма отдаленным: faire — font; avoir — as; venir — viennent и т. д. Установить же эти формы с помощью словарного алфавитного списка невозможно, поскольку французско-русские учебные словари в словнике содержат только инфинитив [3,7]. Заметим, что англо-русские и немецко-русские словари содержат все три базовые формы [5,6].

Поскольку значительная часть глаголов 3-й группы относится к числу наиболее распространенных во французском языке, усвоение этого учебного материала представляет особую важность. Однако для студентов неязыковых, в частности, физико-математических, специальностей это превращается в серьезную проблему. Студентам и специалистам в области точных наук сравнительно сложнее овладеть материалом, требующим механического запоминания, поскольку их память носит явно выраженный логический характер [1].

В принципе, в конце каждого французско-русского словаря помещена специальная сводная таблица базовых глагольных форм, могущая быть подспорьем для изучающих французский язык при работе со словарем (к таблице прилагается полный список неправильных глаголов). В ней отражены все особенности спряжения глаголов 3-й группы [3, с. 905—911; 7, с. 660—671]. Однако эта таблица имеет довольно сложную структуру, никаких же пояснений к ней словарь не содержит. Как показывает наш опыт преподавательской работы, учащиеся, причем не только студенты, но и дипломированные специалисты, изучающие французский язык как иностранный — аспиранты, соискатели, стажеры и т. д. — пользоваться этой таблицей не умеют и даже не знают о ней. По-видимому, в средней школе при обучении работе со словарем учащихся с таблицей базовых глагольных форм неправильных глаголов не знакомят. В результате складывается следующая ситуация.

Для студентов неязыковых факультетов, особенно физико-математических, удержать в памяти 78 типов спряжений в подавляющем большинстве случаев оказывается нереальным (вопрос о 78 типах спряжений является в определенной степени дискуссионным: в некоторых зарубежных источниках называются несколько иные цифры, но на наши выводы это существенно не влияет). Трудности, однако, на этом не заканчиваются. Французская глагольная система насчитывает более 20 личных и неличных форм. Шесть из них, как уже упоминалось, являются базовыми, остальные — производные от них. Для того, чтобы с помощью словаря суметь установить значение какой-либо производной глагольной формы, необходимо знать, какая из шести является «ее» базовой формой. Кроме того, типов спряжения неправильных глаголов 78, но самих неправильных глаголов порядка 300. Следовательно, требуется еще помнить, к какому именно типу спряжения относится конкретный глагол.

Все вышесказанное служит, на наш взгляд, достаточным основанием для широкого использования в учебном процессе на неязыковых факультетах таблицы базовых глагольных форм неправильных глаголов. Это особенно желательно на факультетах физико-математического профиля, поскольку, в силу профессиональных особенностей, спе-

диалисты в области точных наук предпочитают воспринимать информацию в наглядно-символической форме, т. е. в виде формул, схем и таблиц.

Мы в нашей преподавательской деятельности практиковали работу с таблицей, причем не только на факультетах точных наук, но и гуманитарных. Реакция студентов была, как правило, положительной, поскольку работа со словарем значительно облегчалась. Однако наш опыт говорит также и о том, что следует не просто знакомить учащихся с таблицей при помощи конкретных примеров, но и проводить специальные тренировки с ней, т. к. поначалу допускается немало ошибок. Этому вопросу мы посвятили отдельную статью (уже сданную в печать), поскольку в процессе обучения работе с таблицей и примыкающим к ней списком возникают свои специфические проблемы. Однако одна проблема стоит особняком, суть которой излагается ниже.

Чтобы студенты могли работать с таблицей и в аудитории, и самостоятельно, им необходимы инструкции к ней, причем в письменной форме, чтобы к ним всегда можно было обратиться в случае необходимости. Но, как уже было сказано, в словарях они отсутствуют, в силу чего преподавателю приходится составлять их самому, а затем предлагать их студентам записать под диктовку (инструкции должны быть подробными и проиллюстрированы примерами). На это уходит немало учебного времени. Поэтому с точки зрения организации учебного процесса было бы гораздо эффективнее, если бы инструкции и пояснения содержались во французско-русском словаре в готовом виде (при этом наш опыт показывает, что целесообразнее их составлять не в описательной форме, а в виде алгоритмов). Такую задачу — составление текста алгоритмизированных инструкций к таблице базовых глагольных форм неправильных глаголов и примыкающему к ней полному списку неправильных глаголов французского языка — могли бы взять на себя составители французско-русских словарей с возможным привлечением специалистов по программированному обучению. Хотя наличие пояснений и не избавит от необходимости специальных тренировок, но облегчит их и сэкономит учебное время.

Инструкции такого типа могут также оказаться полезными и на факультетах иностранных языков в группах, где французский язык изучается в качестве второго языка. Мы провели выборочный опрос студентов английского отделения факультета иностранных языков Харьковского государственного университета, а также преподавателей английского и немецкого языков, изучавших в свое время французский язык как иностранный, и встретили положительный отклик с их стороны.

Наличие в словаре готовых инструкций к таблице базовых глагольных форм тем более желательно, что в настоящее время проблема самостоятельной работы является очень актуальной и ее удельный вес в учебном процессе значительно увеличился.

Необходимо также, на наш взгляд, учитывать и интересы достаточно широкого круга читателей, уже закончивших обучение в вузе, но пользующихся французско-русским словарем в процессе профессио-

нальной деятельности, а также интересы «переводчиков ad hoc» (по выражению [2]).

Суммируя вышесказанное, мы полагаем, что французско-русские словари должны включать: 1) подробное описание структуры таблицы базовых глагольных форм глаголов 3-й группы; 2) алгоритмизированные инструкции по поиску словоформ для всех базовых форм в отдельности, желательно с конкретными примерами; 3) пояснения относительно дополнительного списка глаголов 3-й группы; 4) указания о связи всех производных форм с базовыми, то есть сообщения типа: «для Imparfait базовой формой является Présent», «для Conditionnel Présent базовой формой является Futur Simple» и т. д.

Список литературы 1. Бейдер Е. И., Цветкова З. М. Условия рациональной организации работы памяти при обучении иностранному языку студентов факультетов точных наук // Психологические механизмы памяти и ее закономерности в процессе обучения: Материалы I Всесоюзного симпозиума по психологии памяти. Х., 1970. С. 16—19. 2. Берков В. П. Вопросы двуязычной лексикографии. Л., 1973. С. 27—38. 3. Гаяшина К. А. Французско-русский словарь. 8-е изд., стер. М., 1979. 4. Кононенко Н. В. Использование простейшей математической символики при обучении французскому языку специалистов в области точных наук // Вестн. Харьк. ун-та. 1986. № 290. С. 126—128. 5. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. 14-е изд., стер. М., 1969. 6. Немецко-русский словарь / Под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. 6-е изд., стер. М., 1971. 7. Потоцкая В. В. Французско-русский словарь. 16-е изд., стер. М., 1978.

Поступила в редколлегию 09.02.90

С. Г. МАЩЕНКО, О. И. ДЕНИСОВ

ОПЫТ ОБУЧЕНИЯ МОДАЛЬНЫМ ГЛАГОЛАМ НА ОСНОВЕ АЛГОРИТМА

Анализ основных учебных пособий и методов, применяемых при обучении модальным глаголам (МГ) в языковом вузе, обнаруживает ряд недостатков как методического, так и лингвистического характера. Методическим недостатком следует считать, во-первых, отсутствие дифференцированного подхода к компонентам данного явления, представляющим различную трудность для усвоения. Так, при обучении случаям типа «I can skate; You must read much» (I тип трудности по методической типологии грамматических явлений [1]) необходимо учитывать возможность полного переноса навыка, тогда как в случаях типа «He was to have come yesterday; He must have come yesterday» (VI тип трудности) нужна корректировка навыка по функции и образование новой формы. Во-вторых, традиционно применяемый метод обучения МГ по схеме «объяснение морфологических и функциональных характеристик — демонстрация речевого образца — тренировочные упражнения» оказывается малоэффективным для данного явления, особенно при обучении более сложным его компонентам. После завершения обучения студенты продолжают испытывать затруднения при определении функции, а также в продуцировании формы явлений IV—VI типов. Кроме того, серьезным недостатком является

отсутствие, как правило, упражнений коммуникативной направленности.

Недостатки лингвистического характера находят выражение в таких моментах, как нечеткость в описании морфологических и функциональных характеристик МГ и отсутствие описания экстралингвистических факторов, обуславливающих употребление того или иного МГ.

С учетом вышеизложенного было выдвинуто предположение о том, что более эффективным методом обучения студентов специального факультета употреблению английских МГ в речи могла бы стать система упражнений, в которой в качестве ориентировочной основы грамматического действия используется алгоритм.

Для проверки этого предположения в двух группах студентов II курса иностранных языков ХГУ (в каждой группе 10 человек) было подготовлено и проведено экспериментальное обучение. Одновременно две аналогичные группы обучались данному явлению по традиционной схеме и были использованы в качестве контрольных.

Для проведения эксперимента было выполнено следующее: 1) уточнена семантика английских МГ, дифференцированы основные стилевые и экстралингвистические характеристики их употребления; 2) построен ветвящийся алгоритм для каждого из модальных значений; 3) разработана система упражнений с опорой на алгоритм; 4) изготовлен и размножен раздаточный материал (текст упражнений). Экспериментальное обучение проводилось в течение 10 занятий по 2 часа каждое. Распределение материала выглядело следующим образом: Урок 1. Request. Урок 2. Permission. Урок 3. Prohibition. Уроки 4—5. Possibility. Урок 6. Probability. Уроки 7—8. Obligation. Урок 9. Volition. Урок 10. Письменная контрольная работа (послеэкспериментальный срез). Домашнее задание к каждому уроку состояло из 2—3 типов упражнений, текст которых был размножен и выдавался каждому студенту в конце урока. Структура каждого из уроков 1—9 в целом аналогична структуре уроков пособия [2]. Наиболее существенным отличием является лишь то, что в настоящих уроках алгоритм не предъявляется испытуемым в готовом виде, а выстраивается непосредственно на занятии по мере ввода новых вариантов данного модального значения. Студенты пользуются полным алгоритмом лишь на этапе тренировки всего комплекса вариантов модального значения.

Наблюдение за ходом экспериментального обучения показало, что испытуемые в целом хорошо воспринимают методику работы с алгоритмом. Этому, вероятно, способствовал и тот факт, что обучаемые приобрели соответствующие навыки в процессе обучения употреблению артикля по пособию, построенному по аналогичному принципу [2]. В ходе экспериментального обучения английским МГ подтвердились наблюдения, сделанные при обучении артиклю и изложенные в [3]. Кроме того, было отмечено, что эффективность данной методики возрастает, если обучаемым предлагается не только использовать готовый алгоритм, но и участвовать в его «развертывании», т. е. последовательном наращивании все новых шагов. Такой подход позволяет создать в сознании учащихся модель процесса накопления языкового опыта в виде алгоритма, который в дальнейшем поможет

им ориентироваться в поиске нужного решения, как бы проходя по шагам алгоритма уже в обратном направлении — от целого к частному.

На заключительном этапе обучения в экспериментальной и контрольной группах был проведен послеэкспериментальный срез, в котором предлагалось перевести с русского языка на английский предложения, содержащие различные модальные значения и их варианты. Результаты среза, выраженные в виде коэффициента усвоения МГ (Кмг), а также необходимый для сравнения коэффициент успеваемости по английскому языку (Кя) показаны в таблице.

Коэффициент	Группа					
	экспериментальная			контрольная		
	подгр. 1	подгр. 2	средн. К	подгр. 3	подгр. 4	средн. К
Кя	0,82	0,90	0,86	0,80	0,84	0,82
Кмг	0,88	0,93	0,91	0,78	0,79	0,79

Как видно из таблицы, все четыре подгруппы имеют примерно равный Кя, позволяющий считать их достаточно подготовленными. Сравнение Кмг у экспериментальных групп с Кмг у контрольных групп (средние Кмг, соответственно, 0,91 и 0,79) обнаруживает значительный «разрыв», свидетельствующий о более высоком уровне усвоения данного явления экспериментальной группой.

Кроме того, у контрольной группы Кмг несколько ниже Кя (средний К, соответственно, 0,79 и 0,82). Это свидетельствует о том, что английские МГ труднее предыдущего материала. С другой стороны, у экспериментальной группы Кмг выше, чем Кя (средние К, соответственно, 0,91 и 0,86), что свидетельствует о возможности преодолеть трудности, возникающие при освоении МГ с помощью исследуемого метода.

Таким образом, проведенное экспериментальное обучение позволяет сделать вывод о том, что английские модальные глаголы являются достаточно сложным явлением с методической точки зрения и, следовательно, требуют более эффективного подхода. Проведенное в ходе эксперимента исследование подтверждает предположение, что одним из способов повышения эффективности обучения данному явлению может быть система упражнений с использованием алгоритма.

Список литературы: 1. Черноватый Л. Н. Соотношение типов учебной информации в процессе формирования иноязычных грамматических навыков: Дис. ... канд. пед. наук. Х., 1980. 2. Черноватый Л. Н., Мащенко С. Г. Методические указания по развитию навыков употребления английского артикля для студентов II—III курсов факультета иностранных языков. Х., 1980. 3. Черноватый Л. Н., Мащенко С. Г. Экспериментальное обучение английскому артиклю на основе алгоритма // Вестн. Харьк. ун-та. 1983. № 243. С. 87—92.

Поступила в редколлегию 28.09.89

В современной методологии науки активно изыскиваются возможности развития коммуникативного аспекта познавательной деятельности [4]. В этой связи весьма актуальным является исследование т. н. «коммуникативного провала», возникающего вследствие различия фоновых знаний коммуникантов, непонимания кода, культурных различий и т. д. При изучении этого явления представляется оправданным выйти за чисто лингвистические рамки и рассматривать процесс коммуникации в общем контексте теории познания.

Развитие научной дисциплины приводит к появлению и накоплению новых задач, которые не находят своего решения в рамках парадигмы, принятой научным сообществом. Оно оказывается в состоянии кризиса. Научное сообщество, так субъект познания, раскалывается на отдельные группы ученых, приверженных той или иной позиции. Внутри научного сообщества происходит отбор посредством конфликта пригодного способа будущей научной деятельности [3, с. 217]. В революционном кризисе происходит качественное преобразование знания, а осуществляемый переход от одной парадигмы к другой является необходимым условием развития науки.

Наличие конфликтующих парадигм предполагает наличие различных исследовательских позиций у самих объектов познания. Эти различные позиции отражают разное восприятие объектов и явлений действительности. Восприятие в процессе познания опосредовано способностью субъекта группировать объекты и явления действительности в сходные системы исходя из определенных критериев, характерных для данной парадигмы. Во время кризиса происходит пересмотр этих критериев и поэтому объекты, которые до революции были сгруппированы в одну и ту же систему, группируются после нее в различные системы, и наоборот [3, с. 252]. В условиях, когда помимо качественных различий в самой предметной области обнаруживается неоднородность и различия в исследовательской позиции самого субъекта познания, научное познание представляет собой интерпретационную деятельность, в ходе которой вырабатываются и изменяются социальные значения. Эти значения варьируются от субъекта к субъекту. Познающий субъект в таких ситуациях не может выступать просто как ученый, свободный от сложившихся научных парадигм [1, с. 53]. Представители конфликтующих парадигм начинают видеть вещи по-разному, работая в различных мирах. Споры и борьба между конфликтующими парадигмами на том или ином этапе предполагают коммуникацию между противостоящими и утверждающими себя сторонами. Однако общение между ними будет затруднено, т. к. понимание в ходе коммуникации будет неполным либо отсутствовать вообще. Перед угрозой самоизоляции групп ученых и исчезновения коммуникации как фактора, обеспечивающего консенсус, научное сообщество начинает осознавать ее значимость.

Поскольку новые парадигмы рождаются из старых, они обычно вбирают в себя большую часть словаря и приемов, которыми старая

парадигма пользовалась ранее. Но эти элементы редко используются традиционным способом. В рамках новой парадигмы старые термины, понятия и эксперименты оказываются в новом отношении друг к другу, наполняются качественно отличным содержанием. С точки зрения теории коммуникации в ходе общения между представителями различных парадигм будут использоваться одни и те же термины, но каждая из сторон будет связывать их со значениями (содержаниями) соответственно ограниченными семантическим полем каждой из парадигм, или другими словами, контекстом действительности с точки зрения того или иного научного сообщества. Значение, которое одна парадигма связывает с данным термином, будет отлично от значения, которое этот термин получает в контексте другой парадигмы. Значения, будучи по существу объективными, в каждом отдельном случае могут получать индивидуальную «парадигмальную» трактовку. При одной и той же предметной отнесенности термин на различных этапах онтогенеза может иметь различные значения. Явление многозначности терминов нередко отражает процесс исторического развития научного знания, все более глубокое проникновение в сущность объектов и явлений действительности. Поэтому трудности в понимании, возникающие при общении между представителями различных научных сообществ, объясняются тем, что каждая парадигма связывает с одними и теми же терминами различные по своему семантическому наполнению значения, которые составляют основу формирования понятий в условиях функционирования данной парадигмы. Причем, ни одно из значений, актуальных в той или иной парадигме, нельзя считать приоритетным. Они сосуществуют в общественном сознании на равных условиях с той лишь разницей, что каждое из них реализуется только в определенном «парадигмальном» контексте.

Людам, испытывающим ломку коммуникаций, тем не менее приходится решать проблему взаимопонимания. Существует предположение, что избежать трудностей в понимании при коммуникации представители различных научных сообществ могут, используя некий нейтральный язык наблюдений. Однако до сих пор такой язык еще не создан, но даже если это произойдет, то, с учетом постоянной эволюции научных знаний, он вряд ли сможет удовлетворять предъявляемым к нему требованиям в течение сколько-нибудь долгого времени. Его функционирование будет обусловлено необходимостью его постоянного совершенствования что создаст лишь новые трудности. К тому же, нейтральный язык не может полностью раскрыть то значение, которое данная парадигма связывает с тем или иным термином; использование такого языка может только лишь выявить причины возникших трудностей в коммуникации между представителями различных научных сообществ, но отнюдь не устранить их.

Преодолеть трудности во взаимопонимании участники ломки коммуникаций могут, осознав друг друга как членов различных языковых сообществ, выступив затем в роли «переводчиков» с одного языка на другой [3, с. 254]. Именно в процессе «перевода» может быть решена проблема презентации знаний и достигнуто понимание. Каждый сможет «переехать» теорию другого и ее следствия на свой собственный

язык и в то же время описывать на своем языке тот мир, к которому применяется данная теория. «Перевод» позволит не только преодолеть трудности, возникшие при коммуникации, но и раскроет некоторые из достоинств и недостатков точек зрения коммуникантов, следовательно, он представляет собой мощное средство убеждения и переубеждения.

Однако, «перевести» — это не значит просто переложить с одного языка на другой, с языка, который раньше был чужим. Это значит сделать теорию или представления о мире принадлежностью данного сообщества, перенять их, раскрыть, как она мыслится и работает. Проблема «перевода» будет всегда возникать там, где признается социальная обусловленность познания и многомерность субъекта. Для осуществления процесса «перевода» представители различных парадигм должны овладеть теми значениями, которые каждая конкретная парадигма связывает с теми или иными терминами.

Усвоение значения термина нельзя представить как овладение готовым продуктом, который, хотя и существует в сознании членов одного научного сообщества, все же не может быть передан членам другого научного сообщества иначе как в виде устных или письменных текстов. Текст оказывается тем «средним термином», в пределах которого происходит встреча языка с мыслью, и где, следовательно, могут наблюдаться их взаимные связи и отношения [1, с. 5]. Поскольку под значением понимается совокупность смысловых содержаний данного термина, возникших в процессе его эволюции, то выявление семантики любого термина может быть осуществлено при анализе текстов, в которых он используется, уяснении и синтезе смыслов как индивидуальных значений термина, выделяющих из объективной системы связей те, которые актуальны в данный момент [2, с. 39]. Это значит, что индивид, анализируя тексты, должен собственным интеллектуальным усилием отделить социальное и общезначимое для данного коллектива.

Такой подход к изучению явления «коммуникативного провала» оправдан при условии рассмотрения процесса коммуникации в общем контексте теории познания.

Список литературы: 1. Васильев С. А. Синтез смысла при создании и понимании текста. К., 1988. 2. Ерахтин А. В. Диалектика становления мышления и сознания. Свердловск, 1989. 3. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. 4. Шкода В. В. Познание: синтез определений // Вестн. Харьк. ун-та. 1987. № 303. С. 87—89.

Поступила в редколлегию 28.01.90

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ

А. Л. БЕЛОГҮБ, канд. филол. наук

К ВОПРОСУ О КВАНТИТАТИВНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТЕРМИНОЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ УЧЕБНО-СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ПОЛИТЭКОНОМИИ)

Квантитативные методы исследования подъязыка научной прозы все шире привлекают к себе внимание, особенно за последние два десятилетия, как советских, так и зарубежных лингвистов [1]. Кроме теоретического, эти работы имеют большое практическое значение, т. к. педагогическая наука с ее вопросами о том, чему и как учить, получает поддержку со стороны лингвистической, вернее, терминологической науки.

Задачей нашего исследования является: на материале выборочной совокупности установить процентное соотношение между общеупотребительной и терминологической лексикой в исследуемых текстах, между исконными и заимствованными терминами, а также определить частоту употребления всех встречающихся в выборках лексических единиц.

Выборочная совокупность объемом в 5000 лексических единиц извлекается в результате собственно-случайного отбора из немецкой учебно-справочной литературы по политэкономии, всего нами отобрано пять тематически однородных выборок объемом 10 тысяч печатных знаков каждая, относящихся к одному временному интервалу. В результате квантитативной обработки фактического материала была получена следующая таблица данных, в которой термины и терминологизированные слова, общенаучная и узко специальная терминологическая лексика отдельно не выделяются.

Таблица 1

Общеупотребительные	Термины		Всего
	прилагательные	существительные	
2839	217	1944	5000

В группу «общеупотребительные слова» включаются союзы, предлоги, числительные, местоимения, отрицания, вспомогательные глаголы в самостоятельном употреблении. Артикли отдельно не рассматриваются, а изучаются вместе с именем существительным.

Определенные трудности возникают при анализе глагола, особенно в составе словосочетания, где он играет подчиненную роль и становится носителем функции без собственного значения. Глагол в подъязыке научной прозы подвергается, как известно, десемантизации. Лексическое значение его ослаблено, и он может быть заменен связкой или же выступает как часть семантически целого, получает

свое терминологическое значение только в сочетании с существительным; такие глаголы терминологизируются только в контексте. Глаголы в чисто терминологическом значении встречаются в выборках в таком ограниченном количестве, что среди терминов не целесообразно их выделять в отдельную группу. Всего из 5000 зафиксированных нами лексических единиц встречается 452 глагола, что составляет лишь 9 %. Эти данные совпадают с результатами исследования Бенеша (Benes), согласно которым доля глагола в научно-технических текстах составляет 9,4 %, в то время как в общеразговорном языке — приблизительно 14 % [2, с. 10].

В немецкой учебно-справочной литературе по политэкономии глагол теряет свое значение и растет роль номинации, что объясняется высокой информативностью основных носителей информации при одновременно экономном использовании языковых средств. Номинативный характер учебно-справочной литературы в подъязыке политэкономии выражается в ≈ 50 % доле существительных и прилагательных в тексте. После них третье место в тексте занимают полнозначные глаголы.

Хотя прилагательные образуют лишь детерминирующие компоненты и получают специфическое значение только в научном контексте, мы все же попытались чисто субъективно произвести отбор терминологизированных слов. В группу прилагательных были включены из-за их малочисленности и причастия в функции определения.

Итак, термины-существительные в подъязыке политэкономии (с учетом повторяемости лексики) составляют 33,88 % \pm 21,42 %, в то время как прилагательные и причастия — 11,34 %. Если сравнить полученные нами результаты с данными проф. Л. Гофмана, то различия окажутся совсем незначительными. По Л. Гофману, доля существительных в немецких подъязыках составляет до 44 % всех слов по сравнению с 28 % в общеразговорном языке, а процентная доля прилагательных 16,2. Мы поддерживаем сформулированное Гофманом правило, согласно которому «число существительных в тексте обратно пропорционально числу глаголов» [3, с. 110]. Сравнение между такими различными сферами, как общественные и естественные науки, не дают (по Гофману) в этом отношении существенных отклонений.

В связи с растущей интернационализацией терминологии среди терминов-существительных велика доля заимствований. В результате статистической обработки данных получаем следующие показатели, характеризующие соотношение между исконной и заимствованной лексикой в выборочной совокупности (см. табл. 2).

Таблица 2

Термины-существительные			
исконные	заимствованные	гибриды	всего
1296 66,7 %	370 19,0 %	278 14,3 %	1944 100 %

Среди терминов-существительных заимствования, включая гибриды, составляют почти 33 %. Чтобы исключить субъективный подход к оценке количественного состава иноязычных терминов в анализируемых текстах, было вычислено и среднее квадратическое отклонение. В среднем на каждую выборку приходится 74 ± 33 заимствования и 56 ± 13 гибридных образований, а исконные термины составляют 259 ± 33 ; иными словами, средняя величина, характеризующая количество заимствованных терминов в стандартной выборке, составляет 130 терминов-существительных. Данные, полученные на материале публикаций по политэкономии, полностью совпадают с нашими данными, относящимися к немецкой технической терминологике, состоящей (по данным выборок) также на 1/3 из иноязычных образований.

Известно, что любая генеральная совокупность — в нашем случае язык — состоит не только из постоянно повторяющихся случайных переменных, но из многих иногда сильно отличающихся по признакам случайных переменных. Известно также, что небольшое число случайных переменных генеральной совокупности составляет подавляющее большинство во всех выборках. Так, на материале полученной выборочной совокупности предпринимается попытка изучить частоту употребления всех лексических единиц. Частотный словарь составляется в результате сплошной фиксации всех слов изучаемых немецких текстов; тексты расписываются вручную. Артикли отдельно не считаются, отделяемые приставки присоединяются к глаголу и в отдельную группу не выделяются. Имена собственные, единицы измерения, цифры из рассмотрения исключаются (см. табл. 3).

Таблица 3

Частотное распределение слов

общая частота	сколько раз слово встречается в тексте	количество разных слов
1721	от 179 до 22	34
575	от 22 до 12	37
532	от 11 до 7	62
340	от 6 до 5	63
260	4	65
327	3	109
490	2	245
755	1	755
5000		1370

Как видно из таблицы, 1370 разных слов дают 5000 словоупотреблений, из них 1000 слов встречается в текстах 1—2 раза и во внимание могут не приниматься, остальные 370 слов дают частоту употребления 3755, причем 34 первых слова встречаются в текстах 1721 раз, а первые 70 слов (первый и второй ряд) встречаются 2396 раз,

т. е. они дают почти половину всех словоупотреблений в анализируемых текстах.

Иногда мы наблюдали у разных авторов в этом вопросе определенные отклонения, значительное рассеивание данных вокруг среднестатистической величины. Абсолютной границы между более и менее часто употребляющимися словами в языке вообще нет.

Если абстрагироваться от небольшого числа лексических единиц, которые есть в любом тексте и при статистических исследованиях всегда регистрируются с высокой частотой употребления, то частота других лексических единиц всегда зависит от тематики текста. Если сравнить частотные словари, основанные на выборках из художественной литературы и прессы, с материалом естественно-научных и технических текстов, то совпадение составляет приблизительно 25—30 % в верхней частотной зоне первой тысячи единиц. При сужении области исследования в частотный словарь попадут лексические единицы, которые в этой отрасли играют большую роль. Было бы ошибкой предполагать, что можно было обойтись при сужении сферы коммуникации лишь тематически релевантной лексикой, т. к. без часто употребляющихся слов, которые могли бы появляться в разных сферах коммуникации, не было бы связи между основными носителями информации, т. е. текст или речь говорящего были бы непонятны. На родном языке эта наиболее часто встречающаяся лексика всем доступна, внимание концентрируется на носителях информации, на правильном употреблении термина. На иностранном языке студенту неизвестны и те, и другие слова. Число часто встречающихся слов ограничено, их можно легко усвоить за короткий отрезок времени. Они образуют ядро, которое в каждом новом тексте лишь дополняется небольшим числом носителей информации. Носители же информации весьма многочисленны даже в пределах одной отрасли науки. Отраслевая терминология насчитывает миллионы единиц, намного превышая общеупотребительную лексику соответствующего языка. Именно термины несут высказывание и создают отраслевые подязыки. Эту лексику за ограниченный период учебы в вузе изучить почти невозможно. Как быть в этом случае? Лингвистическое обоснование предполагает и методический вывод.

Известно, что чем чаще слово встречается, тем меньше информации оно несет, тем нужнее его знать; чем реже слово, тем важнее оно в смысловом отношении. Противоречие между частотностью и информативностью преодолевается в методике преподавания тем, что истину находят между двумя экстремумами. Принцип частотности до сих пор недооценивается при отборе лексики в учебных целях. А для учебных целей тексты должны подбираться с более благоприятным соотношением между общим числом слов и числом разных, повторяющихся слов. Словари-минимумы составляются для учебных целей нередко на субъективной основе, а лингвостатистические данные, полученные как отдельными авторами, так и целыми научными коллективами, те немногие частотные словари, составленные на базе научно-технической литературы, в практике обучения студентов используются еще недостаточно. Поэтому задачей ближайшего будущего

является более широкое использование в методике обучения студентов иностранному языку в неязыковых вузах данных частотных словарей, составленных на материале отраслевых подязыков, при одновременном увеличении их тиража.

Список литературы: 1. Григорьева М. В. Количественный и качественный анализ немецкой лексики (подязык технологии стекла): Автореф....канд. филол. наук. Львов, 1975; Мансуров М. П. Опыт моделирования лексики немецких математических текстов: Автореф. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1974; *Статистика речи и автоматический анализ текста*. Л., 1973. 2. Gordana Iričanin Häufige Schwierigkeiten im Fremdsprachenunterricht Deutsch als Fremdsprache // «Zielsprache Deutsch». 1987. 18 Jg. № 2. S. 9—10. 3. Arntz R., Picht H. Einführung in die Übersetzungsbezogene Terminologearbeit. Georg Olms Verlag, 1982. Hildesheim, Zürich, New-York.

Т. А. ВАКУЛЕНКО

ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ

С точки зрения формально-синтаксической организации вопросительные предложения включают не только свободно моделируемые образования, но и предложения разной степени устойчивости, в том числе и такие, в которых явления собственно грамматические выступают в неразрывном единстве с явлениями лексико-фразеологическими. Предложения последнего типа, члены которых связываются идиоматически, а не по действующим в языке синтаксическим правилам, обычно квалифицируются как «синтаксические фразеологизмы», «синтаксические идиоматизмы», предложения фразеологизированной структуры. Например: Why not take a chance on it? ср. также: русск.: Почему бы не воспользоваться случаем? укр.: Чому б не скористатися з нагоди? франц.: Pourquoi ne pas profiter d'une occasion? нем.: Warum nicht zu nutzen dieser Fall?

От свободно моделируемых анализируемые предложения отличает то, что они «не активно и каждый раз заново возникают в языке как реализация его живых синтаксических возможностей, а используются как готовый материал, «обновляемый» говорящим лишь в части знаменательного слова» [2, с. 94]. Подобные предложения строятся не по свободно наполняемым любым словесным материалом абстрактным схемам, а представляют собою застывшие идиоматические конструкции с незаменяемым словопорядком. Общее типовое значение таких предложений не «составляется» непосредственно элементами структуры, а как бы закрепляется за всей структурной схемой.

Вопросительные предложения фразеологизированной структуры включают местоименные и неместоименные предложения. Местоименные вопросительные предложения фразеологизированной структуры образуются по моделям:

What/how/about + N/Ger...?
What + N/of...?
How dare + Pr + V + Obj...?
Why not V...?

What about going for a walk?
What kind of man is he?
How dare you speak to your mother like that?
Why not stop here? и т. д.

Неместоименные вопросительные предложения фразеологизированной структуры образуются по моделям:

Do/would you mind + Ger...?
Might + Pr + V...?
Will/would/would'nt you + V...

Would you mind opening the window?
Might I leave a little earlier tonight?
Will you be quiet? и т. д.

Вопросительным предложениям фразеологизированной структуры, образуемым по моделям:

What/how/about + N/Ger...?
What would you say/to/ + N/Ger...?
What's wrong with + N...?
Why don't/aren't/couldn't + Pr/N + V...?

свойственно варьирование прагматических функций, которое может быть полным и частичным. Полное прагматическое варьирование состоит в способности предложения употребляться в контекстах реальных речевых актов с разными иллокутивными силами. Диапазон полного прагматического варьирования исследуемых предложений определяется свойственным им набором значений, фиксируемым в словах [1, 3, 4].

Например, вопросительные предложения фразеологизированной структуры, образующиеся по модели What/how/about + N/Ger...? в разных контекстах могут функционировать с иллокутивными семантиками:

1) собственно вопроса, значение которого сводится к запросу об информации и побуждению собеседника к заполнению информационной лакуны. В данном случае интенциональная направленность предложения соответствует его структурно-семантической модели, т. е. вопросительное предложение фразеологизированной структуры реализует прямой иллокутивный акт спрашивания. Необходимо подчеркнуть, что информация, которую адресат желает узнать от адресата, может быть самой разнообразной. Это может быть информация: а) о фактических событиях, которые происходили, происходят или будут происходить в прошлом, настоящем или будущем: «What about his wife, is she still alive?» — «He never married». (Una Mary Parker «Riches», 127); б) о мнении адресата по тому или иному поводу: «How about the other side beating us last night by three goals? Полное прагматическое варьирование нередко является результатом транспонирования предложений в категориально несвойственные им области

употребления. Например, вопросительные предложения фразеологизированной структуры, образующиеся по модели *What/how/about + N/Ger...?* могут использоваться с иллокутивными силами, выражающими различные значения побуждения:

2) предложение (чего-нибудь): *How about another piece of cake?*

3) приглашение: *How about going for a walk?* Важно отметить, что анализируемые предложения используются тогда, когда надо выразить не просто побуждение, а выявить вместе с тем эмоциональное отношение к событию.

4) Вопросительные предложения фразеологизированной структуры, образующиеся по модели *What/how/about + N/Ger...?* могут реализовать иллокутивную силу утверждения, опровергающего предыдущее высказывание собеседника: «*The twentieth century has produced no great statesmen*» — «*How about Sir Winston Churchill?*» Последнее предложение не дублирует функций утвердительного предложения, а выражает эмоциональное отношение говорящего к высказываемому.

Если во втором и третьем примерах анализируемые предложения проявляют иллокутивный синкретизм, совмещая иллокутивную силу вопроса и предложения (чего-нибудь), вопроса и приглашения, то в четвертом примере происходит вытеснение вопросительной семы, ориентированной на структурно-семантическую модель предложения и активизация вторичной семы утверждения.

Прагматическое значение вопросительных предложений фразеологизированной структуры, образующихся по модели *What/how/about + N/Ger...?* может сводиться к выражению различных эмоций:

5) удивления: «*I'm off to Africa next week?*» «*Well, how about that?*»

6) раздражения: «*What about your offer of taking me out to dinner?*» «*What about it?*»

В реагирующей реплике предложение *What about it?* звучит как довольно грубый ответ на вопрос.

7) Вопросительные предложения фразеологизированной структуры анализируемой модели могут использоваться для выражения напоминания: *What about your library books? Have you returned them yet?*

Частичное прагматическое варьирование состоит в способности предложения к модификации иллокутивной силы. Например, вопросительные предложения фразеологизированной структуры, включающие интенсификаторы типа *in the world, the hell, for God's sake, on earth* выражают уже не явный вопрос, а и неодобрение, критику, возмущение, удивление и т. д. Например: «*What the hell are you driving at?*» (James Joyce). «*What on earth have you been buying?*» (Una Mary Parker «*Riches*», 276).

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что изучение прагматического варьирования предложений необходимо проводить с учетом их структурно-семантических особенностей а также конкретных условий их функционирования.

Список литературы: 1. Медведева Л. М. О прагматическом варьировании предложения // Проблемы вариативности в германских языках. М., 1988. С. 88—90. 2. Шедова Н. Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // ВЯ. 1958. № 2. С. 93—100. 3. Cowie A. P., Mackin R., Cowie A. P. Oxford dictionary of current idiomatic English. Oxford University Press, 1984. V. 2. 4. Manser M. H. A dictionary of contemporary idioms. Pan Books, London and Sydney, 1983.

Поступила в редколлегию 02.02.90

М. А. ВОЗНАЯ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПТАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Оптимативные предложения как самостоятельный коммуникативный тип предложений выражают значение желательности / нежелательности какого-либо действия или состояния для говорящего, адресата или третьего лица. В современном английском языке такие предложения представлены как свободно моделируемыми предложениями, так и предложениями фразеологизированной структуры разной степени устойчивости.

К свободно моделируемым оптимативным предложениям относятся сложные и простые предложения, образованные по моделям:

(1) I wish + N/Pron + V_{subj}, «I wish somebody would tell me something sometimes» (I. Murdoch);

(2) I want/wish + N/Pron + Inf, «I want you to understand that I have nothing against Major Jones» (G. Greene);

(3) I want/wish + Inf/N, «I only want to talk», she lied to me gently (G. Greene) ИЛИ «I want your advice» (A. Christie);

(4) V_{imper} + N, «Have a nice time in London» (I. Murdoch);

(5) V_{subj} + N/Pron, «Accursed be the Fauns of the woodland and accursed be the singers of the seal» (O. Wilde).

Прагматическим или модальным субъектом, т. е. субъектом желания, в оптимативных предложениях является сам говорящий. Предложения, образованные по приведенным моделям, различаются, в частности, по способу представления прагматического субъекта. Для предложений, построенных по моделям 1, 2 характерна обязательная выраженность прагматического субъекта; называющие его местоимение «I» является моделиобразующим членом предложения. В предложениях, построенных по модели 3, прагматический субъект сливается в своем выражении с субъектом желаемого действия, т. е. пропозициональным субъектом. В предложениях, построенных по последним двум моделям, прагматический субъект остается невыраженным. Наибольшую вариативность субъекта желаемого действия, соотносимого с разными референтами, допускает модель 1. В предложениях, построенных по этой модели, субъектом желаемого действия может выступать: а) сам говорящий; б) адресат; в) группа лиц — участников коммуникативной ситуации; г) третье лицо, не являющееся участником коммуникативного акта, например:

а) «I wish I had met him when he was younger» (G. Greene);

б) «I wish you wouldn't call him Major» (G. Greene);

в) «I sometimes wish we were more normal and bouncing...» (N. Coward);

г) «Oh, Charles, I wish she'd been a cheap, loud-voiced cat — it would have been funny then» (N. Coward).

Примечательно, что пропозициональное содержание предложений-высказываний типа (а) (сореферентность субъекта главного и придаточного предложения, как в приведенном случае, не является, однако, обязательной) относится к плану прошедшего времени, вследствие чего «невыполнимое» желание является, фактически, сожалением. Предложения, субъектом желаемого действия которых является адресат или группа лиц, к которой он себя относит, выступают

косвенным способом выражения побуждения, просьбы, маркированной в плане вежливости.

Оптативные предложения фразеологизированной структуры представляют собой гетерогенную группу предложений варьирующейся степени устойчивости. Здесь находим предложения с константным инициальным элементом и варьирующейся остальной частью высказывания и предложения большей степени устойчивости, фиксируемые словарями, допускающие лишь ограниченную вариативность структурной организации и лексического наполнения.

Первая группа оптативных предложений фразеологизированной структуры представлена предложениями, образованными по следующим моделям:

(1) Let + N/Pron + Inf. Коммуникативная семантика предложений такой организации сводится к выражению желательности лишь в том случае, если субъектом желаемого действия является а) третье лицо, не участвующее в коммуникативном акте, например: *Let them live quietly and hide away their money under our protection...* (R. Kipling); б) неодушевленный предмет: «...*Let the schoolroom of life be a light-airy well-lighted place!*» (I. Murdoch); в) субъект желаемого действия — третье лицо эксплицитно не выражен: «*Very well, Howden conceded, «Let the meeting be recorded...»*» (A. Hailey). Оптативно-побудительная коммуникативная семантика отличает предложения такой организации, если в них субъект желаемого действия совпадает с прагматическим субъектом, например: «*Then let's go on talking nonsense*» (R. Kipling).

(2) May/Might/Could + N/Pron + Inf. Предложения, построенные по данной модели, характеризуются обязательной инверсией подлежащего и модального глагола. Для них характерен как эксплицитный, так и имплицитный способ представления субъекта желаемого действия, что достигается при помощи активной/пассивной формы инфинитива. Сравним, например! «*Could we only look forward in life and see as clearly as we do looking backward in memory!*» G. Curme и «*May I be forgiven if I've done wrong!*» (R. Kipling).

(3) Would that/I would that/Would God that/I would to God that + N/Pron V_{subj} , например: «*It's true, and I would that I had not told thee of it,*» she cried... (O. Wilde).

(4) That + N/Pron + V_{subj} , например: «*Oh, that I could be near my beloved!*» (M. Manser).

(5) If/If only + N/Pron + V_{subj} . Предложения, построенные по данной модели, характеризуются синкретизмом коммуникативной семантики, передавая значения желанья и сожаления одновременно, независимо от того, отнесено ли пропозициональное действие к плану настоящего или прошедшего времени, например: «*If I could hope to hurt you one-tenth as much as you have hurt me to-night*» (R. Kipling) и «*If only we'd been in the same outfit during the war*» (G. Greene). Это характерно как для предложений с эксплицитно выраженным субъектом желаемого действия, соотносимым с различными референтами, так и в случае имплицитного представления субъекта желаемого действия, что достигается употреблением пропозиционального глагола в пассивном залоге, вводным оборотом *there is*, употреблением безличного местоимения в качестве формального субъекта, например: «*If only it were over, done, without the awful doing of it*» (I. Murdoch).

В предложениях, образованных по моделям:

(6) Damn/God damn/Blast/Hang/Confound + N/Pron;

(7) The hell with/to hell with + N/Pron;

(8) Away with/Down with/Up with/Hooray for/Oh for + N/Pron субъект желаемого действия всегда имплицитен: в предложениях, образованных по моделям 6,7, подразумеваются «бог» или другие сверхъестественные силы, упоминание которых в выражениях проклятий считается нежелательным, в предложениях, образованных по модели 8, субъект желаемого действия обобщенно-неопределен. Объект же желаемого действия представляет собой варьирующийся компонент модели и может быть выражен существительным, местоимением или целым предложением, например: «*Blast that American manager!*» (S. Maugham); «*Hooray for him*» (A. Hailey); «*The hell with what the doctor said*» (E. Hemingway).

(9) I'll be hanged/darned/bound/dashed + if + N/Pron + V. В предложениях, образованных по данной структурно-семантической модели, субъект желаемого действия всегда имплицитен по той же причине, что и в предложениях

по модели 6,7; объектом желаемого действия является сам прагматический субъект, т. е. говорящий. Придаточное предложение условия представляет собой варьирующийся компонент высказывания с собственным субъектом желаемого действия, например: «...And I'll be damned if I see how you got within a mile of her unless you brought the groceries to the back door» (F. Fitzgerald).

Все приведенные выше структурно-семантические модели оптативных предложений фразеологизированной структуры (за исключением нескольких вариантов моделей 3 и 6) не содержат прагматический субъект в поверхностной структуре высказывания.

Предложения с эксплицитным прагматическим субъектом образуются по моделям:

(10) I/we would/had rather/better/sooner + (N/Pron) + Inf;

(11) I should/would like/love + (N/Pron) + Inf.

В плане коммуникативной семантики предложения, построенные по данным моделям, выражают значение желательности, если субъект желаемого действия совпадает с говорящим, например: «I'd better see the police», said Ducane (I. Murdoch) или им является третье лицо, не участвующее в коммуникативной ситуации: «I would like *him* to have a proper grave» (G. Greene). Побудительно-желательное значение выражают предложения с субъектом желаемого действия — адресатом, например: «I'd like *you* to understand that, Sir. I was real fond of Mr. Radeechu» (I. Murdoch) и предложения, в которых субъектом желаемого действия является как адресат (адресаты, так и сам говорящий, т. е. группа лиц, от имени которых говорит прагматический субъект: «A point I'd like *us* to hold in mind, Jim — you too, Arthur — is that time is against us» (A. Hailey).

Оптативные предложения фразеологизированной структуры большей степени устойчивости представлены предложениями-фразеологизмами, как правило, фиксируемые словарями. С точки зрения их коммуникативной семантики такие предложения включают:

а) заклинания: *God preserve us! May God forgive you!* (N. Coward);

б) благословения: «For your life and your love — ride, Gaddy! — and God bless you!» (R. Kipling);

в) проклятия: *Confound it!*» (A. Hornby);

г) тосты: «*Here's to your health!*» (P. Selver);

д) поздравления: «*A Merry Christmas, Andrian*» (A. Hailey);

е) приветствия: «*Good morning*, Alan said, «my name is Maitland» (A. Hailey), выражаемые в современном английском языке односоставными именными предложениями (образовались от полных оптативных предложений типа: I wish you good afternoon).

Таким образом, оптативные предложения в современном английском языке с точки зрения их формально-синтаксической организации представляют собой гетерогенный класс предложений, в которых находим сложные, простые, в том числе и односоставные именные предложения. Оптативные предложения выделенных типов включают свободно моделируемые предложения и предложения фразеологизированной структуры различной степени устойчивости, допускающие варьирующиеся способы представления прагматического субъекта и субъекта желаемого действия. Дальнейшее изучение оптативных предложений необходимо связывать с особенностями их использования в конкретных ситуациях речевого общения.

Поступила в редколлегию 02.09.89

Л. М. ГРИГОРЬЕВА, Т. В. КОЛБИНА, канд. филол. наук
К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРИЗАЦИИ
В ПРЕДЛОЖЕНИИ И ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Для выражения источника (автора) передаваемой речи в немецком языке существует обширная, но недостаточно исследованная система языковых средств. Сущность авторизации заключается в том, что

в высказывание, «содержащее определенную информацию об объективной реальности, вводится другой структурно-семантический план, указывающий на источник информации, «автора» речи, его восприятие, оценку передаваемого сообщения [1, с. 263].

Средства авторизации в немецком языке представлены разнообразными структурно-грамматическими вариантами — от отдельных языковых единиц (наречий, частиц, междометий, модальных слов и т. д.) и предикативных единиц с модально-оценочным значением (например, вводных и вставных конструкций) до самостоятельных предложений, отделенных графически от основного сообщения точкой. При использовании лексико-семантических средств авторизации релевантным признаком выступает стиль речи. Цель настоящей статьи состоит в анализе особенностей функционирования языковых средств авторизации чужой речи в художественной литературе и публицистике.

Передача чужой речи представляет собой именно ту область, где особенно часто проявляется субъективно-оценочное отношение говорящего (автора) к чужим высказываниям. Специальной формой выражения точки зрения автора в составе конструкций с чужой речью является авторский ввод (АВ) — структурно-семантическое образование, как правило, предикативного характера (АВ можно свести к инварианту «он сказал»). В тексте АВ выполняет определенную прагматическую функцию — влияние на восприятие читателя тем, как он интерпретирует передаваемое высказывание. Семантическими составляющими АВ могут быть указание на автора и адресата речи, характеристика участников коммуникации, описание обстановки речи, настроения, чувств и эмоций говорящих и т. п. АВ, следовательно, — это своего рода «ситуативный контекст» [2, с. 101], сопутствующий произнесенной речи. Например: «Weißt du», sagte eines Tages Siegfried Glaubitz zu ihm, Wehrpflichtiger im ersten Diensthalbjahr, neunzehn Jahre alt und ebensolange in der Kompanie wie Ludz, weißt du, daß mit der Armee ist so eine Sache» (P. Vogel).

Модально-экспрессивная оценка «автором» передаваемого высказывания часто выражается в семантике глагола ввода чужой речи как структурно-семантического ядра АВ, а также в семантике его актантов. Наряду с нейтральными глаголами ввода чужой речи (sagen reden, mitteilen, berichten, erzählen, feststellen) в художественной литературе существует большое число глаголов (для ввода прямой речи, например, мы установили 430 лексических единиц), которые могут комментировать: 1) эмоциональную сторону передаваемого сообщения, чувства, внутреннее состояние, настроение говорящих (klagen, jammern, stöhnen, jubeln, flehen, schimpfen, fluchen, prahlen, scherzen, trösten, sich freuen); «Wir können doch nicht», erregte er sich, «Wie-sener angreifen, weil er sich an Prinzipien hält...» (L. Feuchtwanger); 2) звуковую сторону передаваемого высказывания, произносительные особенности говорящих (flüstern, murmeln, brumen, zischen) ächzen, bellen, flöten, stammeln, stottern, grollen, lallen, schreinen), «Ich lasse mir nicht das Maul zubinden», grollte Bartschon» (J. Brezan); 3) мыслительные процессы, связанные непосредственно с говорением

(meinen, behaupten, grübeln, beurteilen, lügen, gestehen); «Der Artikel erscheint», bestand geröteten Kopfes stur und drohend Sepp, «oder ich gehe» (L. Feuchtwanger); 4) мимику, жесты, движения, и т. п. говорящих (lächeln, schlucken, nicken, aufatmen, schmunzeln, die Schultern heben); «Ich auch, Herr Hauptsturmführer, nur...», er schob schlau die Augenbrauen hoch, «nur — unter veränderten Bedingungen» (B. Apitz).

В отличие от художественной литературы в языке прессы главным образом реализуется принцип достоверности и объективности передаваемых сообщений и событий. Для передачи чужой речи служат только нейтральные глаголы ввода в составе АВ (sagen, berichten, betonen, hervorheben, erklären, feststellen, meinen), которые не выражают никакой субъективной оценки ее со стороны «автора» (или источника) сообщения. Средствами авторизации называется источник сообщаемой информации, могут приводиться подробные данные об «авторе» (источнике) сообщения, указываться на отправителя сообщения, место, время и обстоятельства речи (события) и т. д.

«Die SED» schrieb «L'Humanité' Dimanche» am Wochenende in einem Beitrag zum XII. Parteitag, «will die Einheit von Wirtschafts- und Sozialpolitik bewahren» (Neues Deutschland).

Для выражения авторизации чужого высказывания используется также определенный набор лексико-семантических средств, большинство из которых превратилось в устоявшиеся формы обозначения авторизации. Назовем некоторые из них: 1) вводные предложения типа wie es heißt, wie (er) sagte (betonte, feststellte, bekanntgab, meldete, konstatierte), wie aus (Presseberichten) hervorgeht, wie mitgeteilt wurde, wie (die Zeitung «...») berichtet, wie (TASS) meldete, wie es bekannt wurde; «Wie 'Unita' in einem Bericht feststellt, gehört Fasano zu einem Gebiet der krassen sozialen Gegensätze» (Neues Deutschland); 2) словосочетания nach Worten (Meldungen, Angaben, Berichten, Ermittlungen, Berechnungen, Einschätzung); «Nach jüngsten Berichten kämpften die Patrioten gegenwärtig in allen Provinzen des Landes» (Neues Deutschland); 3) nach Ansicht (Meinung); «Nach seiner Meinung sei das außenpolitische Hauptziel der Sowjetunion die Erhaltung des Friedens» (Neues Deutschland); 4) laut Angaben, Bericht, Kommunique, (TASS), Statut; «Die Verhandlungen bestätigten laut TASS das beiderseitige Bemühen um den Ausbau der bilateralen Beziehungen» (Neues Deutschland); 5) zufolge dem Bericht. (TASS, PAP), Radio ..., Angaben; «Radio Beirut zufolge forderte der Überfall mindestens 25 Tote unter der Zivilbevölkerung» (Neues Deutschland).

В газетных текстах функцию авторизации нередко выполняет самостоятельное предложение, называющее источник (автора) речи сообщаемой информации. В данном случае отношение авторизации выявляется в последовательности самих высказываний. Например: «Indonesien hat 140 Millionen Einwohner. Das wurde vom Ministerium des Landes mitgeteilt» (Neues Deutschland).

Как видим, в современном немецком языке выработана довольно обширная и сложная система средств выражения авторизации, в том числе и тех субъективно-модальных отношений, которые возникают

в процессе передачи «автором» чужих высказываний. Языковые средства авторизации, обособленные в предложении грамматически и по содержанию, представляют собой вторичный структурно-семантический слой по отношению к собственно сообщению и служат для интерпретации передаваемой информации.

Авторизованные формы передачи чужой речи являются важнейшим компонентом публицистики и стиля художественной литературы, для которых характерно использование определенных лексических средств, «инвентаризация» которых составит перспективу дальнейшего изучения.

Список литературы: 1. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 2. Wunderlich D. Bemerkungen zu den Verben dicendi // Muttersprache. 1969. H. 4. Jg. 29. S. 97—107.

Поступила в редколлегию 28.09.89

П. Т. ГУСЕВА

КОНСТРУКЦИИ С МЕЖСОБЫТИЙНЫМИ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫМИ ПРЕДИКАТАМИ-СВЯЗКАМИ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ТЕКСТА

Появление и становление такой области исследований как текст объясняется возможностью раскрыть на нем как более емкой единице языка суть многих грамматических явлений. Лингвистика текста, по мнению О. И. Москальской [4, с. 3], является той отраслью языковедения, которая позволяет исследовать и объяснить грамматические явления, не укладывающиеся в рамки традиционного рассмотрения предложения, осмыслить их роль в построении целого, значительного в коммуникативном плане, речевого произведения, все компоненты и части которого служат единой цели — передаче некоторой информации.

В нашем исследовании речь идет о межсобытийных причинно-следственных предикатах-связках, т. е. группе лексических средств при которых должны быть как минимум два компонента (правое и левое окружение), называющие только процессы (события). Один из этих компонентов называет причину, а другой — следствие действия, выражаемого данной конструкцией. Характеризует такую конструкцию наличие предиката-связки, соединяющего между собой названия этих событий и организующего структуру «событие — предикат — событие». (В термин «связка» мы вкладываем, отмежевываясь от синтаксического членения, значение коммуникативного коннектора [7, с. 127]). К таким лексическим средствам относятся глаголы: auslösen, beitragen, behindern, bewegen, einleiten, fördern, führen, veranlassen, verursachen, zwingen и т. п., субстантивно-глагольные сочетания: der Anlaß (der Grund, die Folge, das Motiv, die Ursache) ist, zum Anlaß nehmen, zur Folge haben и т. п. [5, 8].

Будучи универсальной, причинно-следственная связь пронизывает все виды текстов и все его части, и наличие причинно-следственных конструкций с межсобытийными предикатами-связками служит всегда

созданию таких признаков текста как цельность и связность повествования.

Вслед за И. Р. Гальпериным [1] мы называем в числе признаков текста также завершенность, информативность, модальность и т. д. В нашей статье о модальности [2] мы рассмотрели данный признак текста, в частности, на изменении коннотативной окраски одного и того же имени при употреблении его с межсобытийными предикатами-связками, входящими в разные группы по наличию модальной семы. Не всякое сообщение несет в себе информацию. Как справедливо отмечают О. И. Москальская, А. Мартине, термины «информация» и «коммуникация» не совпадают. Они относятся к разным уровням и не исключают друг друга. Участвуя в процессе создания текста (т. е. в коммуникации), межсобытийные причинно-следственные предикаты-связки активно содействуют формированию смысла отдельных единиц высказывания, сообщая дополнительную информацию, например, благодаря коннотации. Так, при предикатах-связках *behindern* и *verhindern* в одной из позиций употребляется название события с положительными, а в другой — с отрицательными коннотациями. Пресуппозиция имени, называющего один из компонентов, содержит отрицательные для выполнения действия условия, хотя это имя не содержит сему «отрицательность».

В данной статье мы хотим остановиться на некоторых аспектах функционирования межсобытийных причинно-следственных предикатов-связок как составляющих текста.

Рассмотрим выражение причинно-следственных отношений следующими предложениями и последовательностями предложений.

1) Weil der französische König hingerichtet war, brach die britische Regierung die diplomatischen Beziehungen mit Frankreich ab.

2) Der französische König war hingerichtet. Die britische Regierung brach die diplomatischen Beziehungen mit Frankreich ab.

3) Der französische König war hingerichtet, deswegen brach die britische Regierung die diplomatischen Beziehungen mit Frankreich ab.

4) Die Hinrichtung des französischen Königs führte zum Abbruch der diplomatischen Beziehungen der britischen Regierung mit Frankreich.

Эти конструкции являются эквивалентными: они содержат тот же состав элементов, трансформация не ведет к искажению их семантического содержания. Объяснение предпочтения тому или иному средству для передачи данной экстралингвистической ситуации следует искать, видимо, и на уровне прагматики. Так, если мы возьмем предложение: Die Hinrichtung des französischen Königs fand statt, то сделаем вывод, что оно не может предшествовать 2-му, 3-му и 4-му из-за равенства его предложению или актанту, стоящим в препозиции. Оно может быть употреблено лишь перед 1-м, т. к. лишь в этом случае мы можем рассматривать содержащуюся в нем информацию как пресуппозицию и по содержанию и по занимаемому этим предложением месту в левостороннем контексте. К содержанию высказывания в этом случае относится не только то, что выражено причинно-следственное отношение, но и то, что в нем отражена действительная реализация этого отношения. К тому же сложноподчиненное предложение с его

подчиненностью одного предложения другому имеет особенно большую текстообразующую потенцию и позволяет автору использовать некоторое суждение в качестве опоры для дальнейшего повествования, что предполагает и соответствующий порядок следования предложений (опорное занимает тематическую позицию).

Информация, содержащаяся в таком предложении, размещенном перед сложноподчиненным предложением, подчеркивает отмеченную Л. Хермодссоном способность сложноподчиненных предложений с *weil* «информативно выделять причину действия» [6, с. 23].

При сочинении же пресуппозиция не может быть выражена подобным образом. Т. е. следует учитывать такие ограничения как распределение информации между пресуппозицией и утверждением, порядок и тип речевых актов и т. п. Так, во 2-м второе предложение можно считать вытекающим из первого. Можно предположить, что в некотором другом контексте было бы возможным обратное расположение их, т. е. здесь акцентируются не факты и их связь, а интерпретация информации в целом. В 3-м получает выражение как связь между предложениями, так и акцентируется временная и логическая последовательность действий, не позволяющая допустить мысль о возможной перестановке их.

Когда же суждение выражается независимым предложением, в частности, причинно-следственной конструкцией с межсобытийным предикатом-связкой, где первый компонент (событие — причина/событие — следствие) представляет свернутую пропозицию, и таким образом, характеризуется левосторонней коммуникативной зависимостью [4, с. 153], оно попадает в особенно сильный фокус [3, с. 279]. Именно этот фактор надо учитывать в случае 4-м, где причинно-следственное отношение выражено межсобытийным предикатом-связкой.

Поскольку в тексте каждое предшествующее предложение является пресуппозицией для последующего в том смысле, что является предпосылкой для следующих предложений, то в каждом конкретном случае выбор их взаимосвязан. Во-первых, они дополняют друг друга, во-вторых, разнообразят синтаксический рисунок текста, в-третьих, переход к новому сообщению заставляет автора зачастую менять перспективу сообщения, а следовательно, выбирать наиболее подходящее в данном конкретном случае средство выражения причинно-следственного отношения.

Таким образом, можно констатировать наличие достаточно большого числа выражений, которые можно рассматривать как более или менее синонимичные. Выделяя среди них причинно-следственные конструкции с межсобытийными предикатами-связками, мы можем сделать вывод о том, что они занимают свое место в ряду средств выражения причинно-следственных отношений, позволяя разнообразить их выбор с целью максимальной адекватности изложения экстралингвистической ситуации и замыслу автора. Следовательно, речь в данном случае идет о конструкциях, существенных для языковой коммуникации.

Список литературы: 1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 2. Гусева П. Т. О модальности конструкций с межсобытийными причинно-следственными предикатами-связками. [В печати]. 3. Т. А. ван Дейк. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. '8. С. 259—336. 4. Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981. 5. Прокопчук А. А., Гусева П. Т. Предложения с межсобытийными причинно-следственными предикатами // Вестн. Харьк. ун-та. 1982. № 231. С. 71—76. 6. Hermodsson L. Semantische Strukturen der Satzgefüge im kausalen und konditionalen Bereich. Uppsala. 1978. 7. Conrad R. (Hrsg.), Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini. Leipzig, 1985. 8. Gussewa P. Zur Charakteristik ausgewählter Verben/verbaler Wortverbindungen, die eine Grund — Folge — Beziehung zum Ausdruck bringen // DaF. 1987. Hf. 3. S. 165—169.

Поступила в редколлегию 28.09.89

В. А. ДМИТРЕНКО

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ В ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Рассмотрим присоединительные конструкции (далее — ПК) [1, с. 23—25] в плане соотношения лексико-грамматических форм между ее компонентами (а именно, между основополагающим высказыванием и присоединяемой частью) и проследим закономерности употребления членов предложения в них, семантической и синтаксической сочетаемости частей.

Выделим два основных признака, из которых первый выражает тождество лексико-грамматических форм в частях ПК, а второй — лексико-грамматическое противопоставление, т. е. отсутствие тождества в частях исследуемой конструкции.

1. Признак тождественности лексико-грамматических форм ПК.

а) ПК могут представлять моносубъектную конструкцию, в которой выражено тождество денотатов. Полное тождество денотатов проявляется в лексическом дублировании, грамматически выраженном подлежащими обеих частей: *You' ll live for a long time. And you' ll travel across the sea* (Вугне). В данном случае имеет место так называемая «идентичная» повторная номинация: при повторном наименовании денотат получает то же наименование, что и ранее. В таких структурах наблюдается также синтаксический параллелизм частей. Так, в обеих частях приведенной ПК употребляется Future Indefinite и одинаковый набор членов предложения: подлежащее — сказуемое — обстоятельство (в первой части — обстоятельство времени, во второй — обстоятельство места);

б) в рамках ПК обнаруживается также монопредикатная организация, когда повторная номинация выражена формами сказуемого: *I think the man looks like Lessing. But Bright thinks he looks like Cross* (D. Byrne).

Полное тождество предикатов может быть представлено имплицитно: сказуемое ни в одной из частей ПК не эксплицировано. В этом случае мы имеем дело с репрезентацией или опущением. Имплицитные части ПК удастся восстановить только с помощью более широкого контекста:

— Is he *married*?

— I don't think he is. But I'm not sure (D. Byrne);

в) выделяется группа референтных моносубъектных конструкций, когда антецедент и слово-заместитель обозначают один и тот же денотат. Референтность подлежащих обуславливает употребление анафорического местоимения во второй части ПК: Yes, Joan, you tell *mother* that, if she objects. But *she* won't, though (J. Priestley). В данном случае использован прием вариативной повторной номинации, то есть во второй части ПК денотат получил наименование, отличное от предыдущего;

г) референтами в ПК выступают также дополнения: в этом случае дополнение второй части выражено анафорическим местоимением-субститутом *it*: People laugh at me in the street when they see me. But as you say, *it's* my own fault (Osborne). Этот пример иллюстрирует кореферентное соотношение лексических единиц: референт выражен всей первой частью ПК. Данный случай — пример повторной номинации целого объекта, ситуации или факта;

д) антецедент и слово-заместитель обозначают разные денотаты. Это случай мнимого тождества «моносубъектов». Примеры такого рода требуют обращения к контексту:

— I left my coat and bag in your bedroom, Joan.

— And I left my coat too (D. Byrne).

В примере разносубъектные денотаты употреблены при формальном тождестве подлежащих;

е) взаимосвязь частей ПК осуществляется путем логического сложения подлежащего и дополнения в первой части, которые затем в обобщенном виде представлены анафорическими местоимениями во вторых частях: I didn't want to talk to *Felstead* there. So *we* went for a ride in my car (D. Byrne);

ж) наиболее регулярным явлением в рамках ПК оказывается взаимосвязь, проявляющаяся в тождестве дополнения первой части и подлежащего второй. В этом случае происходит взаимопереход дополнения первой части в подлежащее второй части ПК, что указывает на крепкую спаянность частей конструкции: I showed *them* to him. but *they* didn't interest him very much (Byrne).

2. Признак лексико-грамматического противопоставления грамматических форм в частях ПК. Данный признак предполагает отсутствие, несовпадение лексико-грамматических форм в частях ПК. Т. С. Карпенко справедливо отмечает, что «за счет парадигматической связанности лексем обеспечивается лексическая связность противочленов, а с другой стороны, — за счет синтагматической противопоставленности лексем создается микрооппозиция» [2, с. 31].

а) оппозиции в выражении субъектов:

— субъектно-объектные подлежащие в частях ПК: Arnie, *you* have a decent home. And *it* could be even better if you'd let me (D. Storey). В первой части ПК употребляется одушевленное подлежащее, во второй — неодушевленное, дополняющее основополагающее высказывание;

— субъектно, — субъектные, подлежащие в составе ПК: в частях конструкции субъекты, выраженные подлежащими, разные: I do the

encouraging. But you will make me a handsome settlement (O. Wilde). В данном противопоставлении противочленов наблюдается диалектическая взаимосвязь;

б) оппозиции в выражении предикатов: — в рамках ПК употребляются сказуемые, выраженные антонимическими средствами, выражающие существенные различия между двумя противопоставленными частями. Как показывает следующий пример, антонимы выполняют роль уточнителей, они наиболее полно характеризуют описываемое событие или факт, состоящий в соположении в синтагматической цепочке контрастных, противопоставленных действий: Jack Felstead went to prison for 12 years. — But now they're all free men (D. Byrne).

Рассмотренные признаки тождественности или нетождественности лексико-грамматических форм в частях ПК способствуют объединению частей в единое смысловое целое, создают внутреннюю целостность ее компонентов.

Список литературы: 1. Дмитренко В. А. Структурно-семантические особенности и функции сложных предложений и присоединительных конструкций с сочинительной связью (на материале английских диалогических текстов): Дисс. ... канд. филол. наук. Одесса, 1989. 2. Карпенко Т. С. Лексические средства связности в противительных структурах // Вестн. Киев. ун-та. Романо-герм. филология. 1986. Вып. 20. С. 28—31.

Поступила в редколлегию 29.09.89

П. Н. ДОНЕЦ, канд. филол. наук
К ПОНЯТИЮ ИНОКОММУНИКАЦИИ

С возникновением и развитием коммуникативной лингвистики в языкознании значительно возрос интерес к отдельным типам коммуникации. Хотя уже выделено и описано немало самостоятельных разновидностей коммуникации, исчерпывающей ее типологии пока не создано.

Очевидно, что типология коммуникации, как и всякая типология может строиться на выявлении и противопоставлении интегральных и дифференциальных признаков, присущих классифицируемым объектам. Какие же признаки могут рассматриваться в качестве типобразующих в отношении различных видов коммуникации? На наш взгляд, на такую роль вправе претендовать прежде всего коммуникативные факторы, отдельные слагаемые коммуникативного акта.

Количество коммуникативных факторов (как, впрочем, и их терминологические обозначения) варьируют от автора к автору. Наиболее часто встречаются, пожалуй, следующие факторы: Коммуниканты, Мотив, Интенция, Тема, Ситуация, Код, Тезаурус (Фонд знаний о мире), Канал. Некоторые из перечисленных факторов прямо фигурируют в названиях уже предлагавшихся типов коммуникации, ср. оппозиции: вербальная/невербальная коммуникация (фактор Код), интенциональная/неинтенциональная коммуникация (фактор Интен-

ция), письменная/устная коммуникация (фактор Канал). В других же случаях типобразующий признак носит комплексный характер, состоя из нескольких коммуникативных факторов. К таковым можно отнести, например, признак «Жанр текста» (ср. художественная специальная коммуникация, который образован комбинацией коммуникативных факторов Коммуниканты — Код — Тема, а также, возможно, и некоторых других).

Несколько особняком в ряду выделенных к настоящему времени типов коммуникации стоят ее осложненные формы, которые можно было бы обозначить термином «межкоммуникации», или — в латинизированном варианте — «интеркоммуникации», поскольку в их определениях прямо или косвенно присутствует словообразовательный компонент «меж-»: межъязыковая, межкультурная, межлитературная, межпоколенная коммуникации, коммуникация с использованием двух языков, двуязычная коммуникация и т. п.

На первый взгляд, выявить здесь коммуникативный фактор, выступающий в роли типобразующего, достаточно просто — это, очевидно, фактор Коммуниканты. Так, межъязыковая коммуникация есть не что иное, как коммуникация между носителями различных языков, межкультурная — соответственно, между носителями различных культур и т. д. В действительности, однако, дело обстоит гораздо сложнее, прежде всего в связи с тем, что принадлежность коммуникантов к разным языковым и культурным сообществам приводит к изменениям и внутри других членов коммуникативной цепочки, т. е. коммуникативных факторов. Подробнее эти изменения будут затронуты ниже.

Предлагаемое в данной статье понятие «инокоммуникация» сопрягается с категориями межъязыковой и межкультурной коммуникаций, являясь в большинстве случаев их составной частью, в связи с чем представляется необходимым остановиться на них подробнее.

Термин «межъязыковая коммуникация», как подсказывает уже его внутренняя форма, применяется для обозначения общения между носителями различных языков. По логике вещей, коммуникация в подобном случае оказывается возможной лишь через переводчика. Тем не менее к межъязыковой коммуникации нередко, если не чаще, относят и различные ступени поли- и билингвизма [1, с. 7]. Что же касается коммуникации с переводом, то она сейчас, как правило, называется двуязычной коммуникацией, либо коммуникацией с использованием двух языков [2, с. 8—9].

Насколько же оправдано применение термина «межъязыковая коммуникация» в отношении общения на одном языке, но который для одного из коммуникантов является иностранным? Думается, что такой подход в целом оправдан, учитывая, что иностранный язык как таковой представляет собой особый модус существования языка и, хотя и тесно связан с языком-прообразом, все же в большинстве случаев весьма далек от него. Общеизвестными отличиями иностранного языка, понимаемого как фактор Код в модели межъязыковой коммуникации, являются ограниченный набор единиц лексикона, охватывающий, как правило, наиболее употребительную лексику; затрудненное владение специфическими грамматическими конструкциями и узу-

альными речевыми структурами; интерференция, обусловленная привязкой иностранного языка к родному; актуализация внутренней формы языковых единиц и т. д. Другими словами, Код иностранного языка противопоставляется Коду языка-источника как ограниченный, отчужденный и амальгамированный (ввиду интерференции) вариант последнего.

Понятие межкультурной коммуникации по своему объему гораздо шире, нежели межъязыковая коммуникация, включая в себя, в частности, и различные формы невербального общения. Кроме того, коммуникация между носителями различных культур осуществляется зачастую опосредованно, через представителей собственной культуры (статьи зарубежных корреспондентов, путевые заметки, страноведение и т. д.). Иначе говоря, межкультурная коммуникация есть не всегда общение между носителями разных культур, но и также иногда сообщение соотечественникам информации о некоторой чуждой культуре, которое, правда, предполагает накопление данной информации, что невозможно без интенсивного общения с носителями соответствующей культуры.

Категории межъязыковой и межкультурной коммуникации зачастую используются параллельно, но на самом деле они находятся друг с другом в довольно сложных взаимоотношениях, пересекаясь лишь частично: не всякая межкультурная коммуникация является межъязыковой, и наоборот. Так, нельзя считать межъязыковыми только что упомянутые виды межкультурной коммуникации, относящиеся к типу «сообщение». Не относится к таковым и восприятие переводных текстов, принадлежащих иной культуре.

В свою очередь не все виды межъязыковой коммуникации являются одновременно межкультурными. Например, учебная интеркоммуникация, т. е. общение между преподавателем и учащимися (либо между учащимися) на занятиях по иностранному языку представляют собой в большинстве случаев межъязыковую коммуникацию, но не межкультурную.

Рассмотрев категории межъязыковой и межкультурной коммуникации, можно перейти к понятию, вынесенному в заголовок. Чем же обуславливается необходимость введения категории «инокоммуникация»? Дело в том, что межъязыковой и межкультурной коммуникация, как правило, является лишь для одного из коммуникантов, для другой же стороны она может ничем принципиальным не отличаться от обычного общения. Исключение в этой связи, быть может, составляет ситуация направленной интеркоммуникации, когда продуцируемый текст специально предназначен для распространения в пределах какой-либо другой культуры (реклама, внешнеполитическая пропаганда и т. п.). Сюда же можно причислить и непосредственное («живое») межкультурное общение, которое в целом обладает или способно обладать рядом специфических черт социопсихологического или культурологического характера (особые прагматические взаимоотношения между коммуникантами, проявляющиеся иногда идеологические, национальные и расовые предрассудки, специальный тематический репертуар и т. д.).

Для подавляющего же большинства других типов интеркоммуникации верно сделанное ранее наблюдение о том, что их специфические особенности проявляются лишь на одном коммуникативном полюсе, а именно там, где происходит использование иностранного языка и/или контакт с инокультурным текстом. Как раз для этого сегмента интеркоммуникации и предлагается термин «инокоммуникация».

Как представляется, этот термин удачно вписывается в словообразовательный ряд (иностранный, иноязычный, иноземный и т. п.) и наилучшим образом передает отчужденный, остраненный характер иностранного языка и текста, вышедшего за пределы культуры-источника.

Возможно два толкования понятия инокоммуникации: а) расширительное — как использование в общении иностранного языка (и в рецептивном, и в продуктивном аспектах), а также б) узкое — как восприятие текста, предназначенного для использования в рамках другой культуры. В последнем случае речь, естественно, может идти лишь о рецептивном владении иностранным языком.

Как уже отмечалось выше, инокоммуникация характеризуется потенциальным сдвигом практически всех звеньев коммуникативной цепочки. Изменения по линии фактора Код уже затрагивались выше в связи с обсуждением категории межъязыковой коммуникации. Сдвиг в плоскости фактора Мотив проявляется среди прочего в том, что огромное количество текстов, произведенных в пределах некоторого лингвокультурного ареала, не представляет интереса для носителей другой культуры (сводки локальных новостей, рекламные объявления и т. п.). Если инокоммуникация здесь и возможна, то лишь под каким-либо специальным углом зрения, что, впрочем, и означает смену изначального мотива коммуникации. В аспекте теории перевода об этом явлении уже писал А. Нойберт [3, с. 198]. Непонимание авторской Интенции при восприятии художественных произведений в инокоммуникации неоднократно регистрировалось в литературе по лингвострановедению [4, с. 169]. Сдвиг в плоскости Тезауруса обнаруживается двояко: а) на уровне текстовой пресуппозиции (затекста) и б) на уровне составляющих текста, номинативных единиц — в виду имеются имена реальных и имена собственные, мало или неизвестные за пределами культуры-источника.

Эти и другие, не затронутые за недостатком места, изменения в структуре инокоммуникации дают основания ставить вопрос о новом качестве Текста в инокоммуникации, в связи с чем он может быть обозначен как Инотекст.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в рамках коммуникативной лингвистики должен иметь место раздел, посвященный изучению инокоммуникации, а ее лозунг «исследование языка в действии» необходимо толковать и в смысле «исследование иностранного языка в действии». В свою очередь текст, как основной объект коммуникативной лингвистики, должен изучаться и в функции инотекста.

Список литературы: 1. Копанев Б. И., Ввер Ф. Теория и практика письменного перевода. Ч. 1. Минск, 1986. 2. Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания, М., 1988, 3. Нойберт А. Прагматические вопро-

сы перевода // *Вопр. теории пер. в зарубеж. лингвистике*. М., 1978. С. 185—201.
4. *Исаева Э. А.* Использование произведений художественной литературы в целях страноведения // *Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам*. М., 1974. С. 165—171.

Поступила в редколлегию 20.01.96

А. И. ДОРОДНЫХ, канд. филол. наук

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМАЛЬНОГО И СЕМАНТИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Здесь рассматривается формальное и семантическое варьирование категориальных форм, поэтому варьирование произношения и написания, свойственное существительным как словам, а не словоформам, остается за пределами данного описания.

Не обсуждается и вопрос о сокращении многосложных существительных или замена их на более короткие синонимы, т. е. процессе, подчиняющемся статистическому закону Дж. Ципфа [4, с. 33, 38].

Сочетаемость является важным признаком существительного как части речи, поэтому изменениям в дистрибуции существительных будет уделено должное внимание.

Случаев чисто формального варьирования категориальных форм существительного сравнительно немного — в основном варьирование форм множественного числа наблюдается у существительных, заимствованных из других языков, и вызвано тенденцией к англизации этих слов. Иногда формы множественного числа сосуществуют как свободные варианты (*stadiums, stadia*), иногда подвергаются дифференциации — например, в значении «физическая, химическая формула» употребляются *formulae* и *formulas*, а в значениях, появившихся уже на британской почве («клише», «рецепт») употребляется только *formulas* [3, с. 571].

Есть иной вариант развития заимствованных существительных. Форма множественного числа *data* почти вытеснила форму единственного числа *datum* и может сочетаться с формой как множественного, так и единственного числа глагола, причем даже в письменной речи филологов: *Macaulay's data, like Trudgill's, suggests that* (Coates, p. 67).

Вариации, связанные с формой притяжательного падежа.

Случаи употребления «группового генетива», хотя и не многочисленные, дали некоторым лингвистам повод говорить о том, что «s» постепенно теряет статус морфемы и превращается в своего рода частицу. Ср.: *the man I met at Birmingham's idea* (Robertson, p. 514). *The blond I had been dancing with's name was Bernice* (Salinger, p. 89).

Для сравнения обратимся к примерам усечения глаголов, в результате чего окончание глагола оказывается присоединенным к неглагольным основам. Ср.: *What'd you do with it?* (Hammett, p. 291). *There's nothing anyone could do* (Deighton, p. 139). Как известно, эта особенность не вызывает у лингвистов сомнений относительно статуса данных морфем.

Там, где форма притяжательного падежа утратила связь с определяемым существительным (главным образом, при «абсолютном» употреблении притяжательного падежа), эта форма, неотличимая от формы множественного числа в устной речи, часто интерпретируется как форма множественного числа и в письменной речи, ср. *Selfridge's, Woolworth's* (Пум и др., с. 379, 458) и *Selfridges (Observer 8.4.73, p. 31), Woolworths (Delaney, p. 38)*. Возможно такие вариации приводят к колебаниям формы числа глагола — *Harrods is/are very good for clothes* [2, с. 94].

В современном английском языке встречаются примеры полной утраты маркера притяжательного падежа, ср. *Like waiting at the bloody dentist, he though (Le Carre, p. 147)*.

Более знакома тенденция к утере окончания притяжательного падежа существительными в атрибутивной позиции: *the Bush budget (MS, 11.2.89, p. 12); successive Thatcher administrations (MS, 27.1.89, p. 3); at her parents assumptions (Golding, p. 60)*. Если приведенные конструкции легко трансформируемы в сочетания с атрибутивным существительным в форме притяжательного падежа, то такая операция вряд-ли возможна в случаях типа «*the Hu-Nakasone talks (VOA, 24.11.83)*».

В следующих примерах — «*a usual Enderby day (Burgess, p. 76); a Kurt Weil winter in New York (Observer, 13.4.80, p. 37)*» — последний не может быть трансформирован в конструкцию с притяжательным падежом, так как *Kurt Weil* не активный участник событий, потому что речь идет не о пребывании Вейля в Нью-Йорке, а о популярности его музыки в ту зиму в Нью-Йорке.

Информанты могут не видеть различия между «*the Maugham legend (Observer, 13.4.80, p. 33)*» и «*Maugham's legend*», но исходя из контекста и фоновых знаний можно определить, что *the Maugham legend* не трансформируемо в *Maugham's legend*, так как это не легенда, придуманная Моэмом, а легенда о нем самом.

Стирание различий между падежными формами существительного в атрибутивной функции (*the Reagan administration — Reagan's administration*) не свидетельствует с определенностью о тенденции к вытеснению форм притяжательного падежа. Напротив, несмотря на известное правило, форму притяжательного падежа существительных, означающих неодушевленные предметы, можно обнаружить не только в художественных произведениях, где это можно было бы объяснить особенностями стиля, но и в научных текстах и газетных материалах, ср.: «*the metal's thickness was 1 inch (Forsyth, p. 441); the earth's magnetic field (Daily Telegraph, 14.8.79, p. 3); his inventions' value (Rapoport 1962, p. 37); a sentence's meaning (Devitt, Sterelny 1987, p. 19)*».

Тем не менее, для существительных, означающих неодушевленные предметы, в атрибутивной позиции намного более частотна немаркированная по падежу форма. При этом наблюдается две тенденции.

Первая — это утеря окончания множественного числа, причем элемент «*-s*» теряют даже существительные, принадлежащие к группе «*plurality tantum*», ср. «*from the trousers pocket (Chandler, p. 107)*»;

«from his trouser pocket» (Forsyth, p. 26). Сосуществование этих вариантов свидетельствует о том, что данная тенденция не достигает регулярности правила. Одна из возможных причин — смысловозначительная нагрузка элемента «—s»: «my economics correspondent» (Times 30.3.76, p. 16) отличается от «my economic correspondent своим значением, так же как и «his singles match» (Daily Telegraph 14.8.79, p. 23) от «his single match».

Вторая тенденция — сохранение оппозиции числа, ср. «a Contracts Manager» (Daily Telegraph, 14.8.79, p. 22); «the BBC's programmes complaints commission» (Times, 30.3.76, p. 4).

Как видим, даже на первый взгляд «чисто» формальное варьирование связано с подвижностью семантики существительных и их грамматических форм. Имеются и примеры более тесной связи между семантическим и формальным варьированием существительных.

Характерной особенностью частей речи в английском языке является легкость внутрилексемного перехода из одного семантического разряда в другой, ср.: «Anyway, they're spoiled. Too much mama and papa, too much money» (Shaw, p. 159); «Evie was girl, much girl» (Golding, p. 51); «there was not enough of the patient to go around...» (Heller, p. 192). Эти примеры иллюстрируют переход из разряда исчисляемых в разряд неисчисляемых, но есть также примеры перехода из разряда неисчисляемых в разряд исчисляемых, ср.: «Make that two coffees (Bond, p. 108); «I can offer you ... a large gin» (Golding, p. 145). Собственно этот тип перехода уже завершился сосуществованием двух вариантов в словаре (см., например, Cobuild). То же можно сказать о вариантах типа talk — a talk: «That's ugly talk, General». «during an extended private talk, Scott said ... the conditions had further deteriorated» (Knebel, Bailey, p. 291, 293).

Если следовать критерию зафиксированности в словарях, то можно сказать, что более обычен переход из разряда неисчисляемых в разряд исчисляемых существительных.

Но наличие или отсутствие неопределенного артикля не всегда свидетельствует о переходе из одного разряда в другой, поэтому такие случаи в словарях не фиксируются. Возьмем существительное beauty: в соответствующем гнезде словаря Cobuild все примеры с неопределенным артиклем иллюстрируют исчисляемые варианты данной лексемы. В то же время вполне обычны употребления типа «I like nothing better than to admire a good First Division side running out on to the pitch ... I think there is a beauty in it (Viewpoints, p. 160).

В последнем случае следует, по-видимому, говорить не о вариативности лексемы beauty, а о реализации другого значения неопределенного артикля (в переводе было бы «по-моему, это красиво»).

В следующих примерах исчисляемые существительные употреблены без артикля, хотя и остаются идентичными самим себе: «The morning's play was filled with incident» (Times 30.3.76, p. 8); «I stood in the hall, gloves on, scarf hanging down over chest and back, and was consumed with ... a sort of stage fright» (Golding, p. 205). Однако в примере «interchangeability between rail, road and ship» (Times, 30.3.76, p. 17) ощущается некоторое изменение в семантике подчеркнутых существи-

тельных, а именно — нейтрализация признаков «конкретность». «исчисляемость».

В некоторых употреблениях следует говорить об опущении артикля: «Grand game!» (Storey, p. 77); «Jenny: Cigarette? — Jack: Thanks» (Cooper, p. 179); «Gay, crowd, eh?» (Wesker, p. 38).

Приведенные факты противоречат утверждению о том, что опущение артикля характерно только для газетных заголовков и телеграмм [1, с. 30]. Правда в этих примерах опущение артикля связано с явлением эллипса, т. е. кроме артикля опущены и другие элементы It's a grand game; Would you like a cigarette?; They are a gay crowd.

Употребление неопределенного артикля с некоторыми существительными *pluralia tantum* стало настолько обычным, что нашло отражение в современных грамматиках [2, с. 78]. Поэтому такие употребления следует рассматривать не как курьез, а как отражение изменения в представлении о предмете, ранее воспринимавшемся как расчлененный, ср.: «she ... pulled out a nail scissors, and clipped a couple of hairs from my head» (Mailer, p. 227); «Teacher: I've got a cutter here.— Pupils: It's like a pliers.— Teacher: Like a pliers, yes» (Sinclair, Coulthard, p. 95).

Встречаются также случаи утраты существительным *pluralia tantum* окончания «-s», т. е. полного их уподобления обычным исчисляемым существительным: «Hands up every girl, who has a knicker like this» (O'Halley, p. 12).

Неопределенный артикль перед именем собственным — весьма распространенное явление и отражает несколько семантических процессов.

Иногда наличие неопределенного артикля указывает, что имя собственное приобретает функцию имени нарицательного, ср.: At least Mike had been easy. Two dozen golf balls with his name engraved on them, But Deel! What can you buy for a Deel?» (Susann, p. 25³).

Смысл сочетания а + N_{собств.} может определяться значением самого неопределенного артикля («какой-то», «некий» и пр.): «Here, go to this bank and ask for a Miss Anna Cole» (Susann, p. 10).

Неопределенный артикль употребляется при отражении физических или духовных перемен у носителя имени собственного, или же когда раскрываются новые стороны его характера или поведения: «A very sullen Patsy crossed the sidewalk ahead of Barbara and Auletta, then Fluhr followed behind them (Moore, p. 20²); «I couldn't get used to the idea of a dead Barney Barnes (Deighton, p. 148).

Анализ вариативности существительных позволяет заключить, что в пределах этой части речи наблюдаются следующие отношения между планом содержания и планом выражения:

1) существительное имеет форму единственного числа, но его референт мыслится как дискретное явление, поэтому оно может сочетаться с глаголом в форме множественного числа: «People don't know I am able to do that» (Mailer, p. 82);

2) существительное имеет форму множественного числа, но его референт мыслится недискретно, поэтому оно сочетается с глаголом в единственном числе. К известному списку таких существительных

можно добавить *headquarters*: «Headquarters was also pleased and decided to award a medal to the officer who captured the city» (Helle p. 132);

3) существительное может варьировать свою семантику и выступать попеременно в качестве исчисляемого или неисчисляемого, что формально проявляется в наличии/отсутствии морфемы множественного числа и сочетаемости с неопределенным артиклем, а также формами единственного и множественного числа глагола.

Существительные, описанные в (1) и (2) образуют немногочисленную группу и представляют собой стабильные варианты.

Существительные, описанные в (3), можно назвать динамичными вариантами, так как большое число исчисляемых существительных может иметь свой неисчисляемый вариант, и, наоборот, многие неисчисляемые существительные могут иметь свой исчисляемый вариант, причем не всегда зафиксированный в словарях, ср: «He was all out again» (Moore, p. 167); «I've had about fifty employers in my life, but this is the most employer of them all» (Wilder, p. 243); «a man in motor cycle leathers strolled up» (Forsyth, p. 430).

Особый интерес вызывает появление формы единственного числа у существительного *pluralia tantum* «goods», помеченного как таковое и в новейшем словаре Cobuild, ср.: «An exchange consists of the passing of a good from A to B. Thus, if two people exchange greetings or presents two goods are transferred» (Edmondson, p. 86).

Таким образом, *singularia tantum* и *pluralia tantum* перестают быть стабильными подклассами, подчиняясь общей тенденции к мобильности, полифункциональности лексем в английском языке.

Список литературы: 1. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981. 2. Кверк Р. Гринбаум С., Лич Дж. и др. Грамматика современного английского языка для университетов. М., 1982. 3. Collins. Cobuild English Language Dictionary. London and Glasgow: Collins, 1988. 4. Zipf, George K. The psycho-biology of language. Cambridge, Mass: 1936.

Поступила в редколлегию 20.01.9

Л. В. КОНОПЕЛЬЦЕВА

О НЕКОТОРЫХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ
ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКО «СОН»
(«НА ПАНЩИНІ ПШЕНИЦЮ ЖАЛА»)
НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

Стихотворение Т. Г. Шевченко «Сон» было одним из популярных у французских переводчиков. Рассмотрим один из вариантов перевода, выполненный прогрессивным поэтом Ш. Стебером.

Стихотворение имеет четкий план: 1) картина труда на барщине — действительность; 2) картина труда на своем поле — мечта (сон); 3) пробуждение и возвращение к действительности.

В 1-й части стихотворения — драматичная напряженная ситуация. Молодая мать показана в тот момент, когда она, вконец обессиленная

прервала работу, чтобы покормить проголодавшегося ребенка. Такое начало раскрывает не только содержание определенного события, но и драматизм переживаний героини стихотворения, противоречия между природными потребностями людей и жестокими условиями труда на барщине. Основная нагрузка при передаче этих противоречий ложится на фигуры градации (пішла — пошкандибала) и на противопоставление (не спочивать, а годувать). У Стебера градация отсутствует: ... *sedirigeait en paix* — она тихо (мирно, спокойно) направилась к снопам, что снижает интенсивность действия, его эмоциональную нагрузку. Противопоставительная конструкция не *спочивать, а годувать* передана Стебером адекватно:

Non pas se reposer, bien que lasse
Mais pour allaiter son enfant.

Крепостная крестьянка предстает перед читателем не только как утомленная тяжким трудом на барщине. Она прежде всего — мать. Несмотря на усталость, она *розповила, нагодувала, попестила* свое дитя. В оригинале глаголы употреблены в прошедшем времени. В переводе же, видимо, в виду отсутствия рифмы и для придания рассказу живости переводчик употребляет настоящее время: *démailotte, pourrit, berce, sajole, voit*.

Стихотворение написано четырехстопным ямбом. В первой части рифмуются непарные строки: 1—3—5—7—9. Сквозная рифма -а (жалз — пошкандибала — кричало — нагодувала — задрімала) пронизывает всю 1-ю часть стихотворения подчеркивая ее смысловую и интонационную завершенность, усиливая эмоциональные и логические акценты. Пятикратное повторение созвучия усиливает ассоциативную связь соответствующих слов. Напряженность ритма достигается с помощью синтаксического переноса и эмоциональных пауз в середине стихотворной строки. Здесь наблюдается часто встречающееся у Шевченко необычное членение поэтической фразы:

Втомилася; / не спочивать
Пішла в снопи, / пошкандибала
Івана сина годувать.

Конец 2-й строки и начало 3-й, конец 3-й и 4-я представляют собой расчлененные части одной фразы. В оригинале членение подчеркивается внешней рифмой: *спочивать — годувать*. Переводчик не уловил этого синтаксического переноса, что приводит к снижению эмоционального воздействия этого отрывка на читателя.

В целом ритм перевода становится более вольным по сравнению с оригиналом. Растет число слогов: с 8—9 до 10—12. Как известно, во французском языке трудно сохранить ритм, основанный на чередовании ударных и неударных слогов, как это наблюдается в украинском языке. Переход от украинской силлабо-тонической системы стихосложения к французской силлабичности с постоянным ударением на последнем слоге представляет сложную проблему при переводе, которую Стебер не смог решить в полной мере.

Действие 2-й части стихотворения — сон матери — также строится на фоне летнего дня, в разгар жатвы. Но основная идея этой части

стихотворения — противопоставление крепостной действительности сну, мечте о вольной и счастливой жизни:

І сниться їй той син Іван
І уродливий, і багатий,
Не одинокий, а жонатий
На вольній, бачиться, бо й сам
Уже не панський, а на волі,
Та на своїм веселім полі
Свою-таки пшеницю жнуть...

Главный образ этой части — образ будущего — неоднократно подчеркивается повтором и противопоставлением: мать — крепостная и жнет на барском поле, а сын с невесткой — свободны (уже не панський, а на волі, жонатий на вольній) и жнут *свою пшеницю на своїм полі*. Труд матери — тяжкий, безрадостный, а сын с невесткой работают *на веселім полі*.

En songe elle voit — très content de son sort —
Son Ivan ... beau et riche,
Libre et, semble-t-il marié.
De là vient bu'hardiment
Et le visage heureux ils moissonnent,
Sur leur propre champ, le blé...

В переводе, как и в оригинале, много определений: *très content de son sort, beau, riche, libre, marié, heureux*. Отсутствуют повторы, но переводчик, используя слово *hardiment* (гордо), частично компенсирует недостаточную интенсивность передачи главного образа (работают гордо и со счастливым лицом).

Эпитет *небога* подчеркивает сочувственное отношение автора к своей героине. В переводе он опущен, что является определенной потерей переводчика.

Во 2-й части стихотворения Шевченко использует охватывающую и смежную рифмы:

І уродливий, і багатий	І сниться їй той син Іван
Не одинокий, а жонатий	На вольній, бачиться, бо й сам...

Интонация перечисления и разделение строк на 2 части дают ускорение ритма и теснее объединяют строки. Несогласование между синтаксическим и ритмическим членением (жонатий На вольній, бачиться), бо й сам Уже не панський, а на волі) и соответствующие переносы эмоционально подчеркивают слова *на вольній, на волі*, которые являются лейтмотивом 2-й части.

В переводе также наблюдается перечисление: *beau et riche, libre et marié, et le visage ...*. Союз *et* (и) объединяет эпитеты, придает ускорение ритму.

Стебель сохраняет синтаксическое членение:

En songe elle voit — très content de son sort —
Son Ivan / ... beau et riche ...
Libre et, semble-t-il marié.

Интонационные паузы, которые появляются при синтаксических переносах, пунктуационно закреплены в переводе (многоточие после слова Ivan, выделение запятыми словосочетания sur leur propre champ на своем собственном поле). И все же это членение менее интенсивно, оно не сохраняет идейную нагрузку этой части стихотворения, не усиливает экспрессивность главного образа.

Переход от 2-й части стихотворения к 3-й драматичен:

Проснулася — нема нічого...
На сина глянула, взяла
Його тихенько сповила
Та, щоб дожать до ланового,
Ще копу дожинать пішла.

Автор возвращает читателя в исходную ситуацию. Жестокая действительность разбивает все мечты крестьянки о свободной и радостной жизни ее сына. Это достигается использованием глаголов *проснулася, глянула, взяла, сповила, дожать, пішла*, которые, рифмуясь, усиливают звучание концовки стихотворения. Даже в такой напряженной ситуации женщина не утратила своей материнской нежности, она сына *тихенько сповила*. К сожалению, в переводе эта деталь утрачена, а слово *vite* (быстро) придает действию несколько иной характер.

Mais elle s'éveilla... Oh c'était grave!
Vite, ayant enveloppé 'le petit dans ses langes,
Elle reprit la faucille, et s'en fut prestement
Achever sa tâche près du bourmestre.

Глагол *сповила* передается в переводе причастным оборотом *ayant enveloppé*, что, однако, органично вписывается в последнее четверостишие, не нарушая его целостности.

Ще копу дожинать пішла — эта деталь концовки стихотворения предметно изображает тяжесть барщины, которая возложена на героиню стихотворения. Ш. Стебер опустил эту деталь, закончив стихотворение более нейтральным по содержанию сочетанием *achever sa tâche* (завершить свою работу), которое не несет стилистической окраски.

Хотя переводчик сохранил построение стихотворения, его структуру, идею, он не смог адекватно передать богатство шевченковского произведения, идейно-художественную насыщенность его, напряженность и четкость ритма. В переводе много потерь, утрачен национальный колорит стихотворения, что делает его менее экспрессивным и эмоциональным.

Список литературы: 1. *Волинський П.* «Сон» («На панщині пшеницю жала») // Зб. праць 23-ї наук. шевч. конф. К., 1979. С. 74—85. 2. *Івакін Ю. О.* Коментар до «Кобзаря» Шевченка. К., 1968. С. 246—247. 3. *Чередниченко О. І.* Відтворення стилістичних особливостей першотвору в поетичному перекладі // Теорія і практика перекладу. К., 1979. С. 71—83. 4. *Чередниченко А. И., Бех П. А.* Лингвистические проблемы воссоздания образа в поэтическом переводе. К., 1980.

Поступила в редколлегию 20.01.90

Фразеологические единицы (ФЕ) существуют и развиваются в двух качествах: устойчивости и вариативности. Изучение этих свойств ФЕ имеет большое значение успешного решения практических и теоретических вопросов фразеологии, в частности, принципиально важного вопроса о тождестве и различии фразеологизмов. В последнее время большинство ученых-лингвистов не считают вариативность ФЕ отклонением от языковой нормы, какой-то лингвистической аномалией. Модификации ФЕ представляют собой естественную закономерность, необходимую для более полного и всестороннего проявления многообразия стилистических и эмоционально-экспрессивных оттенков ФЕ. Значительную роль в этом процессе играет фактор социальный.

Модификация позволяет фразеологической единице раскрыть до конца ее потенциальные возможности выразительности. Именно в результате модификации «обновленный» фразеологизм приобретает «второе дыхание», которое придает ему актуальность и определенную свежесть, новизну и необычность в процессе коммуникации.

Известно, что в состав фразеологической единицы входит не менее двух компонентов, и каждый из них (а также в комбинированной форме) в принципе допускает варианты. Это положение нашло свое практическое подтверждение в ходе исследования ФЕ современных газетных текстов ГДР. Широко дискуссирруемыми становятся те стороны проблемы, которые касаются глубины и диапазона варьирования фразеологических единиц, т. е. подвергаются ли ФЕ только второстепенным (формальным) изменениям, возможны ли изменения стилистического и семантического порядка. Трудно согласиться с мнениями тех фразеологов, которые допускают модификацию только формальных характеристик ФЕ. В результате модификации ФЕ появляются, как правило, новые оттенки значения, новая стилистическая окраска и эмоциональное воздействие. Действительно, конкретный анализ большого фразеологического корпуса современного немецкого языка показал, что в результате той или другой модификации ФЕ, даже семантической, нового значения не возникает, а лишь модифицируется первичное значение конкретной фразеологической единицы в языке. С другой стороны, мы солидарны с теми фразеологами, которые в появлении нового семантического значения видят возникновение в языке и новой фразеологической единицы, а не варианта уже существующей (Ср.: «сохранение семантического инварианта» [3] — «сохранение внутренней формы» [5, с. 135] и т. д.).

В процессе исследования ФЕ современных газетных текстов нами установлено более 27 приемов, в том числе комбинированных модификаций ФЕ. Модифицированные фразеологические единицы характеризуются широким диапазоном варьирования: от так называемых «формальных» вариантов фонетические, орфографические и пунктуационные изменения, варьирование предложно-падежной формы, за-

мена предложной формы безпредложной, опущение артикля, синтаксическое сжатие и т. д.) до стилистических и семантических вариантов (замена составных компонентов, вклинивание, лексическое наращивание, трансформация положительной формы в отрицательную и наоборот). Кроме вариации «второстепенного порядка» (Н. Н. Амосова, А. Д. Апресян (1)), под которыми названные авторы понимают полное совпадение стилистических и семантических функций фразеологических вариантов, ряд ученых допускает даже более глубокое варьирование, т. е. стилистическое и лексико-семантическое (Л. А. Болгова, Д. Бахтадзе, А. Г. Назарян, А. И. Смирницкий, Ч. Курбанов и др.).

Остановимся более подробно на обнаруженных нами приемах так называемого стилистического и семантического обновления фразеологических единиц современных газетных текстов. Приведем несколько примеров.

Обычное употребление ФЕ:

- ..«Spaß machen»..
- ..«in Betrieb nehmen»..
- ..«Hilfe leisten»..
- ..«auf die Straße setzen»..
- ..«in Verhandlungen treten»..
- ..«in die Lage versetzen»..
- ..«in die Tat umsetzen»..
- ..«in die Sackgasse führen»..
- ..«den Mantel nach dem Wind hängen»..
- ..«Die Morgenstunde hat Gold im Munde».. :
- ..«eine Rolle spielen»..
- ..«die Opfer bringen»..

Модифицированное употребление:

- ..«Bärenspaß machen» (ND.23.03.88)
- ..«in Probetrieb nehmen (setzen) (ND 4.01.88)
- ..«Schützenhilfe leisten» (ND.27.02.88)
- ..«auf die Straße werfen (fliegen) (ND.3.03.88)
- ..«in direkte politische Verhandlungen treten» (ND.5.02.88)
- ..«in die Lage eines Spaziergängers versetzen» (ND.27.02.88)
- ..«in praktische Taten umsetzen» (ND.2.01.88)
- ..«in die Sackgasse gesellschaftlicher Apathie führen» (ND.28.02.88)
- ..«die Fahne nach dem Wind hängen» (ND.27.02.88)
- ..«Die Abendstunde hat Eis im Munde» (ND.31.01.88)
- ..«eine Hauptrolle spielen» (ND.15.02.88)
- ..«die großen (sozialen Opfer bringen)» (ND.24.01.88)

В приведенных примерах модификации подвергаются не только формальные стороны, отчетливо видно обновление, преобразование стилистической и семантической сторон. К примеру в модифицированном фразеологизме: «in Probetrieb nehmen (setzen)» на наш взгляд в большой мере затрагивается содержательная сторона данной ФЕ, т. е. по сравнению с обычным употреблением ФЕ «in Betrieb nehmen» и устоявшимся эквивалентом в русском языке модифицированный фразеологизм в результате лексического наращивания приобретает дополнительный конкретизирующий оттенок значения этого фразеологизма. В русском языке следует понимать его следующим образом: «производить (осуществлять), пробный (испытательный) пуск (запуск)» и т. д. Игнорирование маркирующего элемента «Probe» в немецком языке и «пробный, испытательный» — в русском, может привести к неправильному пониманию содержания % семантики модифицированной

ФЕ и, как следствие, к искажению смысла всей статьи. Думается, не необходимости более подробно останавливаться на том, какие последствия может повлечь за собой уже в практической деятельности не правильная интерпретация фразеологизма модифицированного путем лексического наращивания. Модификация исходного фразеологизма «Hilfe leisten» также путем лексического наращивания обновляет общее значение ФЕ. Ибо обновленный фразеологизм «Schützenhilfe leisten» включает в себя не просто понятие «оказывать помощь», а в зависимости от контекстуальной ситуации — это может быть «необходимая помощь и защита (поддержка)».

На наш взгляд, на содержательную сторону еще более наглядно и ощутимо воздействует прием «трансформации положительной формы в отрицательную и наоборот. Ср.:

- ..«in die Länge ziehen».. — — — — — «nicht in die Länge ziehen»..
 (ND. 27.01.88)
 ..«die Hände in den Schoß legen»... — — — — — «die Hände nicht in den Schoß legen» (ND.11.03.88)
 ..«ein Blatt vor dem Mund nehmen».. — — — — — «kein Blatt vor dem Mund nehmen»
 (ND.9.— 10.01.88)

Модифицированные на стилистическом и семантическом уровне фразеологизмы, как правило, отсутствуют в лексикографических справочниках и вызывают определенные переводческие трудности. Наличие в современных газетных текстах подобных приемов, дает возможность рассматривать фразеологическую вариативность в более широком диапазоне, а не ограничиваться только пустой (холостой) подменой одной лексической единицы другой, которую можно считать неоправданным преобразованием в языке. Анализ конкретного языкового материала, сущности, функций и целей самой фразеологической вариативности говорит о возможности и необходимости стилистического варьирования.

Однако, несмотря на «глубокую» модификацию некоторых фразеологических единиц, несмотря на то, что нередко совершенствуется, конкретизируется и обновляется (иногда почти полностью) их стилистико-семантическая сторона, они все же остаются (так считает Н. Г. Назарянц и др.) только разными формами одного и того же исходного фразеологизма. Конечно, для определения фразеологического варианта при обычном модифицированном употреблении фразеологической единицы, необходимо повторение (сохранение) хотя бы одного общего лексического компонента. Его отсутствие говорит о пределе фразеологической вариативности и свидетельствует о возникновении совершенно нового значения ФЕ (В. Н. Телия и др.).

В таких случаях возможно проявление фразеологической синонимии, хотя очень сложно и невозможно провести четкую разграничительную линию между фразеологическими вариантами и фразеологическими синонимами. А. В. Кунин допускает возможность тесного переплетения вариативности и структурной синонимии, перехода одной категории в другую.

Таким образом можно сделать вывод:

1. Фразеологические варианты в современных газетных текстах немецкого языка характеризуются широким диапазоном варьирования: формальные стилистико-семантические варианты.

2. Модифицированные ФЕ могут отличаться друг от друга формой, структурой, лексическим составом, стилистической окраской и оттенком семантического значения.

3. Модифицированные на стилистико-семантическом уровне ФЕ способствуют значительному повышению коммуникативно-прагматического эффекта: являются оправданными языковыми «маневрами», вносят элемент новизны и необычности в процесс коммуникации.

4. При всей глубине и широте фразеологического варьирования, модифицированные фразеологизмы сохраняют свою «внутреннюю форму», общую содержательную ассоциацию и, по меньшей мере, один, сохраняющийся при модификациях, лексический компонент, что позволяет носителю языка безошибочно декодировать любые (даже семантико-стилистические) преобразования ФЕ в современном немецком языке.

Список литературы: 1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. М., 1963. 2. Наварян А. Г. Фразеология современного французского языка. М., 1987. 3. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М., 1972. 4. Кунин А. В. Основные понятия английской фразеологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1964. 5. Чернышева И. И. Коммуникативно-прагматический потенциал УСК современного немецкого языка // Лингвистические проблемы текста. М., 1983. № 127. С. 134—137.

Поступила в редколлегию 02.09.89

Н. А. КОСТИНА

СИСТЕМА КОСВЕННЫХ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ЭПОХИ ШЕКСПИРА

В современном английском языке реализация такой коммуникативной задачи, как побуждение, связана с развитой системой косвенных побудительных высказываний. В русском языке соответствующая система и в качественном, и в количественном отношении гораздо менее развита, но, с другой стороны, степень вежливости высказывания может также маркироваться варьированием местоимений «ты» и «вы» и окончанием *-te* в повелительном наклонении. Сходные системы местоименных обращений наблюдаются во многих современных европейских языках — французском, немецком, итальянском. В английском языке противопоставление *thou* и *you* утрачивается в XIX в., когда форма *thou* практически выходит из употребления. Если считать, что принцип вежливости является универсальной речевой взаимодействием, то следует ожидать, что носители языка должны были компенсировать эту утрату. Представляется целесообразным предположить, что такой компенсацией могло быть появление целой системы косвенных побудительных высказываний, реализующих принцип вежливости в речевом общении.

Цель данной статьи — охарактеризовать систему побудительных высказываний на рубеже XVI—XVII веков и параллельно рассмотреть варьирование *thou* и *you* на этом временном отрезке.

В древнеанглийском языке существовало четкое разграничение местоимений второго лица единственного числа *thou* (*pu*) и множественного *ye* (*ge*), позднее вытесненного формой объектного падежа *you*. В XVII веке этим местоимениям приписывались разные социальные значения. К незнакомым лицам, в официальных ситуациях общения обращались на *you* и, естественно, в таких ситуациях

ожидалось ответное you. Лица, близкие по социальному положению, друзья и родственники в условиях ролевого равенства пользовались взаимно обращением на thou. Но при асимметрии социальных ролей коммуникантов наблюдалась асимметрия в употреблении thou и you. При обращении к вышестоящему лицу полагалось употреблять you, а в ответ ожидалось thou. Переключение с you на thou в одной и той же ситуации общения служило выражением сочувствия, ласки, гнева и даже презрения [3, с. 106—110].

Система обращений с помощью местоимений, характерная для елизаветинской эпохи, может быть представлена следующим образом:

условия равенства	условия неравенства
you → you thou → thou	↓ thou ↑ you ↑

В нашей выборке соотношение thou и you в текстах этого периода следующее: thou 48 %, а you — 52 %, что несколько не совпадает с утверждением М. М. Морозова о том, что you начинает вытеснять thou в рассматриваемый период [1, с. 188]. Он также отмечает, что «в устах главных действующих лиц Шекспира thou часто имеет специфический оттенок и придает фразе особый колорит. Thou может выражать приятельское расположение, ... быть знаком возмущения, негодования, ненависти». Однако, можно привести ряд примеров из текстов Шекспира, иллюстрирующих чередование thou — you без видимых различий в эмоциональных оттенках/значения, т. е. наблюдается их свободное варьирование, а, как отмечает В. Н. Ярцева, свободное варьирование — предвестник изменений [2, с. 15].

Приведенная ниже таблица дает представление о системе побудительных высказываний рассматриваемого периода в количественном отношении:

Форма побудительного высказывания	Частотность, %
Прямые	84,3
«Смягченные»*	11,5
Косвенные	4,2

К группе «смягченных» побуждений относим следующие:

1) императив с обращением, предваряемым определением типа faithful, good, sweet, dear, gentle, gracious, bright, worthy, divine.

Ср.: Sweet Gertrude, leave us too. (Hamlet)

2) императив в сочетании с выражениями pray you (thee), prithe, beseech you, if you be merciful, so please you, etc.

Ср.: I pray you, go with me. (Hamlet)

3) императив при наличии как обращения с одним из указанных выше определений, так и одного из перечисленных выражений.

Ср.: ...but gentle nurse, I pray thee, leave me to myself to-night. (Romeo and Juliet)

Группа косвенных побудительных высказываний не отличается качественным разнообразием и включает в основном вопросительные и реже утвердительные по форме высказывания с модальными глаголами can (could), should, would, shall (shalt), will (wilt).

Ср.: But wilt thou hear me how I did proceed? (Hamlet)

'Tis almost morning; I would have thee gone

(Romeo and Juliet)

Gentlemen, can any of you tell me where I may

find the young Romeo?

(Romeo and Juliet)

Таким образом, полученные результаты в основном подтверждают целесообразность предположения о существовании взаимосвязи между исчезновением

* Под «смягченными» имеются в виду побудительные высказывания, имеющие форму императива, но снабженные «добавками», делающими побуждения к действиям менее категоричными,

противопоставления форм обращения *thou* — *you* и развитием системы косвенных побудительных высказываний. Однако, к окончательным выводам можно прийти только проведя исследование на других временных срезах.

Список литературы: 1. Морозов М. М. Комментарий к трагедии «Гамлет» // В. Шекспир. Две трагедии. М., 1985. С. 188—276. 2. Ярцева В. Н. Проблема вариантности на морфологическом уровне // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979. С. 12—26. 3. Leith D. A Social history of English. L.: Routledge and Kegan Paul, 1983. P. 106—110.

Поступила в редколлегия 29.09.89

В. П. КРИВЕНКО, канд. филол. наук

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОЗАМЕНЯЕМОСТИ ПРЕТЕРИТА И ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

При рассмотрении значений современного немецкого претерита германисты обратили внимание на то, что, кроме значений презенса и перфекта, он очень часто может принимать значение плюсквамперфекта. Причем такое употребление свойственно претериту не только в современном немецком языке, но и на более ранних этапах его развития, в частности, в средневерхненемецкий период. В этот период претерит употребляется для обозначения смены событий в прошлом, а также для обозначения предшествования [8, с. 365]. Следовательно, уже в древнем языке претерит имел значение, которое теперь имеет плюсквамперфект. Способность претерита выступать вместо плюсквамперфекта сохраняется вплоть до наших дней [7, с. 118], потому что немецкий претерит органически соединяет в себе те значения, которые в других языках передаются при помощи перфекта, плюсквамперфекта, имперфекта и аориста [12, с. 42]. Поэтому и в современном немецком языке у некоторой части глаголов (претерито-презенция) не выработалась способность образовывать форму плюсквамперфекта. Эти глаголы выступают в значении плюсквамперфекта, используя при этом форму претерита от вспомогательных глаголов.

Естественно, что и современные лингвисты не оставляют попыток объяснить причину того явления, что претерит очень часто выступает вместо плюсквамперфекта. Во многих грамматиках немецкого языка этот факт только констатируется, но никак не объясняется. Среди лингвистов достаточно широко распространено мнение, что претерит может выступать вместо плюсквамперфекта, потому что плюсквамперфект является более поздней временной формой [2, с. 287]. Действительно, претерит был раньше единственной формой времени для обозначения прошедшего, пока в ходе развития немецкого языка не появились формы перфекта и плюсквамперфекта, что позволило уже как-то дифференцировать прошедшие действия [10, с. 217—218].

По поводу употребления претерита вместо плюсквамперфекта существуют также и противоположные мнения. Отмечая, что немецкий претерит может употребляться точно так же, как и английский *past perfect*, Г. Керм констатирует факт частой замены в немецком языке плюсквамперфекта претеритом [4, с. 213], однако не дает этому явлению никаких объяснений. В. Адмони, наоборот, считает, что пред-

шествование обычно выражается формой плюсквамперфекта и очень редко формой претерита [1, с. 191].

Почти все без исключения лингвисты, отмечая способность претерита выступать в качестве плюсквамперфекта, подчеркивают очень тесную связь последнего с претеритом и способность плюсквамперфекта проникать в сферу употребления претерита, что является предпосылкой для перехода в связном повествовании от сложной формы плюсквамперфекта к претериту, в котором обычно ведется повествование [1, с. 190]. Таким образом, повествование, где одно действие сменяет другое, где между действиями имеется граница во времени, является, вероятно, одним из основных условий замены плюсквамперфекта претеритом, и наоборот. Плюсквамперфект, являясь довольно «стабильным» временем, легко подчиняется претериту, о чем свидетельствует возможность так называемого «свободного» употребления плюсквамперфекта, в том числе и в тех случаях, когда на его месте должен стоять претерит [9, с. 148].

При рассмотрении вопроса о взаимозаменяемости претерита и плюсквамперфекта следует также учитывать акциональность этих времен. В сложноподчиненных предложениях плюсквамперфект употребляется прежде всего благодаря своему значению завершенности не в смысле вида, а в том смысле, что действие больше не происходит в данный момент времени. При этом для сложноподчиненного предложения появляется четыре варианта употребления претерита и плюсквамперфекта в зависимости от того, рассматривается ли действие главного и придаточного предложения в его протекании или в его завершенности. 1). Действия главного и придаточного предложения могут рассматриваться как процесс, как протекание: *Die Vögel verstummten, bevor die Sterne am Himmel erschienen.* 2). Действие придаточного предложения может рассматриваться как завершенное, а действие главного как длящееся: *Die Vögel verstummten, bevor die Sterne am Himmel erschienen waren.* 3. Действие главного предложения рассматривается как завершенное, а придаточного предложения как длящееся: *Die Vögel hatten verstummt, bevor die Sterne am Himmel erschienen.* 4. Действия главного и придаточного предложения представляются завершенными: *Die Vögel hatten verstummt, bevor die Sterne am Himmel erschienen waren.*

Благодаря употреблению союзов, плюсквамперфект может получать не только значение предшествования, но и значение следования. Таким образом, если претерит употреблен в сложноподчиненном предложении времени с союзами *bevor* и *nachdem*, то он, следовательно, синонимичен плюсквамперфекту для выражения предшествования и следования.

Иногда претерит может как бы застывать в функции плюсквамперфекта, если до его употребления уже использовались сложные формы плюсквамперфекта, т. е. плюсквамперфект часто может заменяться претеритом, когда из контекста достаточно ясным становится предшествование и смена действий в прошлом [6, с. 154]. Действительно, для обозначения предшествования одного действия другому в прошлом необязательно употребляется плюсквамперфект. В этой

функции может выступать и претерит, если при помощи наречий времени и контекста можно судить о наличии временной дистанции между прошедшим действием и действием, предшествовавшим ему [5, с. 85].

Из всей пестроты объяснений возможности употребления претерита в функции плюсквамперфекта наиболее приемлемыми нам кажутся те объяснения, где говорится о претерите и плюсквамперфекте как о временах повествовательных. Повествование о прошлом часто начинается с употребления форм плюсквамперфекта, которые затем сменяются формами претерита, т. е. плюсквамперфект является чем-то вроде «пограничного сигнала», за которым начинается повествование о прошедших событиях [3, с. 345]. Причем, если между двумя действиями имеется очень малая временная граница, то в обоих случаях используются формы претерита. Если же временная граница между действиями увеличивается, то предшествующее действие обозначается плюсквамперфектом, а последующее — претеритом [11, с. 228—229]. Следовательно, и в том и в другом случае речь идет о повествовании, когда между отдельными действиями имеется (хотя бы минимальная) граница во времени.

О возможностях взаимозаменяемости претерита плюсквамперфекта свидетельствуют следующие примеры: (1) *Jetzt aber, nachdem die Sonne sich hinter die Hügel gesenkt hatte und Nebel aus dem See stiegen, hatten die Enten an ihren gewohnten Rastplätzen im Schilf wieder Ruhe gefunden* (E. Loest. Liebesgeschichten).

Пример (1) представляет собой сложноподчиненное предложение, где придаточное предложение является придаточным времени, соединенным с главным предложением при помощи союза *nachdem*. При использовании этого союза действие придаточного предложения происходит раньше, чем действие главного, т. е. по правилам нормативной грамматики в придаточном предложении должен стоять плюсквамперфект, а в главном предложении — претерит. Однако, как видно из приведенного выше примера, этого не происходит. В главном предложении вместо формы претерита употреблена форма плюсквамперфекта. Это связано скорее всего с акциональной окраской самой формы плюсквамперфекта, выраженной перфективным глаголом *finden*. Таким образом, для автора важна в данном случае завершенного действия. В придаточном предложении употреблены как претерит, так и плюсквамперфект. Оба глагола *sich senken* и *steigen* имперфективны, но употреблены в повествовательном контексте, который обладает способностью перфективировать имперфективные глаголы. Глагол *sich senken* употреблен в форме плюсквамперфекта, которая сама по себе имеет акциональную окраску. Кроме того, будучи перфективированным повествовательным контекстом, он приобрел значение результативности. Глагол *steigen* употреблен в форме претерита, имеющего совсем другую акциональную окраску. Так как этот глагол употреблен в повествовательном контексте, то он подвергся воздействию перфективации и получил значение ингрессивности, что равнозначно в данном случае конструкции *zu steigen begannen*. Следовательно, для автора здесь важна начинательность, а не результа-

тивность действия. (2) Paul konnte sich also Zeit lassen, und er ließ sich Zeit. Auch mußte er zunächst einmal völlig gesund werden. Die Wunde im Nacken *vernarbte* zwar schon, und auch die Armwunde *hatte sich geschlossen*, doch *war* offenbar eine Sehne *verletzt worden*, denn der Arm schmerzte bei jeder Anstrengung und war ständig wie eingeschlagen (F. C. Weiskopf. Lissy oder die Versuchung).

Из контекста становится ясно, что описываемые действия происходят раньше других действий в прошлом, т. е. все выделенные глаголы должны стоять в форме плюсквамперфекта. Однако же глагол *vergeben* употреблен в претерите, а не в плюсквамперфекте, как следовало бы ожидать. Это явление можно объяснить перфективностью данного глагола, который употреблен в повествовательном (перфективирующем) контексте, что делает излишним его употребление в плюсквамперфекте, т. к. и без этой формы глагол, стоящий в претерите, имеет значение завершенности. Таким образом, данный случай можно также рассматривать как средство языковой экономии. Употребление имперфективных глаголов *sich schließen* и *verletzen* в плюсквамперфекте вполне оправдано ввиду акциональной окраски самой формы плюсквамперфекта.

Проанализировав собранный фактический материал, можно прийти к выводу о том, что взаимозаменяемости претерита и плюсквамперфекта способствует много факторов. Основным же, по нашему мнению, является наличие повествовательного контекста, обладающего способностью к перфективации. Кроме того, употребление форм перфекта и плюсквамперфекта является результатом сложного взаимодействия повествовательного контекста, индикаторов, указывающих на предшествование, с категорией перфективности / имперфективности и акциональным значением форм претерита и плюсквамперфекта.

Список литературы: 1. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. L., 1972. 2. Behaghel O. Deutsche Syntax. Eine geschichtliche Darstellung. Bd. II. Heidelberg, 1924. 3. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1971. 4. Curme G. A. Grammar of German Language. New-York, 1952. 5. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 3. Aufl. Bd. 4. Mannheim (Wien) Zürich, 1973. 6. Glinz H. Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik. Bern — München, 1965. 7. Naumann H. Kurze historische Syntax der deutschen Sprache. Straßburg, 1915. 8. Paul H. Mittelhochdeutsche Grammatik. Tübingen, 1969. 9. Saltveit L. Synonymik und Homonymie im deutschen Tempusystem // Sprache der Gegenwart, Bd. 6. Düsseldorf, 1970. S. 137—153. 10. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. Berlin, 1965. 11. Sütterlin L. Die deutsche Sprache der Gegenwart. Leipzig, 1923. 12. Wunderlich H. Der deutsche Satzbau. Stuttgart 1892.

Поступила в редколлегию 29.09.89

К ВОПРОСУ О СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

В реальной жизни процесс коммуникации происходит между несколькими людьми. Цель такого процесса — передать определенную информацию. Обмениваясь информацией в беседе, говорящие раскрывают свою социальную принадлежность, при этом незаметно рекламируя себя через слово. Как известно, одной из характерных черт процесса коммуникации является потенциальная возможность говорящих сделать как выбор темы, так и способов передачи информации. В таком случае, оставаясь представителем той или иной социальной группы общества, участник процесса коммуникации может управлять только лишь способом рекламирования как такового, подчиняя этот процесс своим определенным целям.

Возникновение социолингвистических проблем в рекламе обусловлено рядом причин, самыми важными из которых являются: 1) повышение актуальности языковой рекламы в связи с развитием общества, 2) обусловленность прагматического значения рекламных текстов знанием социальной пресуппозиции в обществе, 3) возрастание роли вариативности в языковой рекламе с целью ее успешного формирования.

Объектом исследования при анализе языковой рекламы может быть только динамика (а не статика) социолингвистических особенностей в языке отдельных групп, которые исследователь выбирает и объединяет по общим признакам: возраст, пол, социальное происхождение, образование, профессия.

При этом следует отметить, что интересно изучение типологии всех вышеперечисленных признаков и анализ широкого спектра языковой вариативности, возникающей как результат такой типологии. Оправдано утверждать, что вариативность в языковой рекламе ограничивается несколькими типами: региональным, социальным, ситуативным, функциональным. Вариативность рекламы последних трех видов обусловлена социальной, этнической и возрастной гетерогенностью самого общества.

Принято считать, что реклама достигает цели лишь в том случае, если при составлении рекламного текста учитываются особенности человеческой психики [1, с. 12]. Несмотря на сложные задачи, поставленные перед рекламой в любом социальном обществе, она имеет строго ограниченные и четко направленные конечные ориентиры. Реклама обеспечивает аргументы своими ориентирами и лишь в этом случае оправдывает себя. В теории коммуникации (а по мнению многих ученых, реклама полностью подчиняется ее законам) принято деление всего процесса на три фазы: докоммуникативную, коммуникативную, послеккоммуникативную.

Считается, что докоммуникативная фаза является решающей, так как именно на этом этапе адресат обосновывает свой интерес (равнодушие к сообщению, содержащемуся в рекламном тексте [2, с. 415]). Избирательность восприятия рекламных обращений представляется самым высоким барьером между коммуникатором и адресатом. Для преодоления этих барьеров всегда необходимо дополнительное знание читателей, зрителей, слушателей. Именно на уровне осознания значимости сообщаемого в рекламном тексте адресат подвержен психологическим процессам, таким, как восприятие, осмысление, запоминание, которые зависят от прошлого опыта, образовательного уровня, типа мышления, ценностных ориентаций.

Результат воздействия рекламного текста воспринимается на послеккоммуникативной фазе и выражается в формировании определенного мнения о предмете рекламы или переоценке собственных представлений о нем. В сфере бизнеса реклама давно подтвердила тезис о том, что только конкретная реклама может быть эффективной.

Предметом общего анализа рекламных текстов явились рекламные листовки, вкладыши, рекламные объявления, каталоги, проспекты. Основные области исследования: газетная реклама, научная реклама и бытовая реклама. Д. Э. Розенталь считает, что вся реклама может быть разделена на информационную

и воздействующую. На наш взгляд, правильнее было бы говорить об имплицитно воздействующей и эксплицитно воздействующей рекламе, поскольку любая информация в виде рекламы включает определенные центры человеческой психики, заставляющие давать оценку полученному рекламному сообщению.

Смысловым ядром рекламы являются описание преимуществ того, что рекламируется. Отличаясь эмотивными и экспрессивными коннотациями, рекламный текст выражает и отношение автора к обозначаемому в данный момент. Эффект различия, контрастности значений часто используется и вносит элемент оценочности в бытовой рекламе, например:

Tense, nervous headache?	Fast, effective relief.
London	London
Heathrow	Gatwick

A curious ailment seems to affect those who fly via the airport on the left. Confusion, stress, loss of direction. It's known to the cognoscenti as Heathrowitis. Other sufferers describe it as airport lag. Elying via the airport on the right has the opposite effect on the traveller. Passengers experience a feeling of well-known well-being. A soothing, unruffled sensation. A mere half hour from Central London by non-stop trains every 15 minutes, you go straight into a single airport terminal for all departures.

It's the perfect antidote for the business traveller. And also a convenient gateway to 111 worldwide destinations.

An added tonic is that Gatwick is the home of British Caledonian. Who, as you know, never forget you have a choice (News week, 1986).

Для изучения прагматического эффекта рекламы использовались такие методы, как опрос, тесты, анкетирование информантов, имеющих различные социально-демографические характеристики, проводилось выявление их групповых и индивидуальных мотиваций при выборе рекламной литературы.

В данной статье предлагаются результаты анкетирования носителей английского языка в возрасте от 15 до 25 лет на предмет определения основного средства получения информации. По результатам анкетирования основными средствами были названы: рекламные объявления — 5 %, реклама в периодической печати — 27, периодическая печать — 48, научные рекламные проспекты — 20 %. Обращает на себя внимание, что подобное анкетирование было предложено носителям французского, испанского и итальянского языков, живущим временно в Великобритании. При этом социально-демографические характеристики последних были в рамках ранее названных носителей английского языка.

В результате анкетирования получены следующие данные: рекламные объявления — 25 %, реклама в периодической печати — 50, периодическая печать — 10 %, научные рекламные проспекты — 15 %. Подобная схема объяснима. То, что является важным для носителей английского языка и может быть по мере значимости изображено в виде модели: социокультурная ситуация — процесс коммуникации — интерес к сообщаемому, для носителей других языков, у которых английский язык является иностранным, эта модель может быть представлена следующим образом: интерес к сообщаемому — процесс коммуникации — социокультурная ситуация.

В плане дальнейшего изучения этой проблемы интересно было бы поставить вопрос о случаях совпадения / несовпадения социального и прагматического в рекламных текстах, что, вероятно, можно считать успешным / не успешным результатом рекламы.

Список литературы. 1. Розенталь Д. Э., Кохтев Н. Н. Язык рекламных текстов. М., 1981. 2. Сэндидж Ч., Фрайбургер В., Ротцолл К. Реклама: теория и практика. М., 1989.

Поступила в редколлегию 01.10.89

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ УСИЛЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАТИВНОСТИ ТЕКСТА

Смысл текста, как известно, не равен совокупности значений составляющих его языковых единиц. Отправитель текста рассчитывает на то, что его получатель обладает определенным запасом фонового знания, как когнитивного, так и языкового. Однако отправитель текста должен организовать информацию в тексте таким образом, чтобы актуализировать в знании адресата дополняющую ее информацию как языковую, так и неязыковую, которая бы обеспечила адекватное восприятие текста, способствовала бы успеху коммуникации. Реализация этих параметров тем надежнее, чем лучше согласуются содержание, вкладываемое в текст автором, и извлекаемая адресатом семантическая и прагматическая информация.

Для этого необходимо не только наличие у автора и адресата общей структуры поля значений, но и общность отмеченных элементов в этом поле. Элементы, однозначно выделяемые участниками коммуникации (адресант → адресат), называются фокальными точками [7, с. 33], или фокусно-выделенными референтами [3, с. 80], которые идентифицируются как таковые благодаря лексическим, синтаксическим, графическим, просодическим маркерам, в совокупности составляющим план выражения коммуникативно-прагматической категории усиления (см., например, 2, 5, 6).

Рассмотрим, каким образом выделение референтов, трактуемых адресантом как наиболее важные, особо релевантные в данных контекстах, способствует раскрытию трех основных видов информации, составляющих основу информативности как категории текста.

Информационный поток художественного произведения расслаивается на три основных пласта: содержательно-концептуальная информация (СКИ), содержательно-фактуальная информация (СФИ), содержательно-подтекстовая информация (СПИ) [1, с. 26—49; 4, с. 76—77].

СКИ, как правило, извлекается из всего произведения и представляет собой творческое переосмысление отношений, фактов, событий, процессов, происходящих в обществе и представленных писателем в созданном им воображаемом мире. Однако некоторые фрагменты текста произведения могут иметь значительный концептуальный вес, ибо СКИ в них выходит на поверхность в виде открытых деклараций автора. Это мы наблюдаем в нижеследующем фрагменте текста (эссе), представляющем индивидуально-авторское понимание образа одного из героев романа Дж. Джойса «Улисс» — Блума: «it is difficult to describe the character of Bloom as Joyce finally makes us feel it: it takes precisely the whole of «Ulysses» to put him before us. It is not merely that Bloom is mediocre, that he is clever, that he is commonplace — that he is comic, that he is pathetic — that he is... a figure of abject «Squatting» vulgarity, that he is at moments ... the Christ — he is all of these, he is all the possibilities of that ordinary humanity which is somehow not so ordinary after all; and it is the proof of Joyce's greatness that, though we recognize Bloom's perfect truth and typical character, we cannot pigeonhole him in any familiar category, racial, social, moral, literary or even — because he does really have, after all, a good deal in common with the Greek Ulysses — historical (E. Wison).

В результате взаимодействия с контекстом и при использовании ряда средств усиления происходит актуализация значения важности, значимости, ценности, обобщенно представленных в заключительной фразе фрагмента: he [Bloom] does really have, after all, a good deal in common with the Greek Ulysses. Эта фраза заключает в себе основную идею эссе и по смысловой нагрузке может быть сопоставлена со свернутым СКИ всего произведения, из которого взят данный текстовый фрагмент. Фраза эта, в то же время, является фокусно-выделенным референтом, помещенное которого в поле зрения адресата способствует, по мнению адресанта, адекватной интерпретации текста эссе. Приращение значений важности, особого коммуникативного веса формируются на основе многократного параллелизма конструкций характеристики Блума, противопоставленных заключительному суждению, содержащему комбинацию

средств усиления: интенсификаторы глагольного и адвербиального типа *do, really*; парентезу *after all*; общая выделенность этого участка информации обеспечивается конструкциями расчленения.

Следующий фрагмент текста — это часть диалога-вопроса, цель которого — выяснение истинных характеристик подозреваемого лица. Здесь превалирует информация бытийного характера — сообщения о фактах, событиях, процессах в окружающем мире, — составляющая основу СФИ.

Q. What age was he?

A. He did say he was drummer-boy in a battle of '18, by which I did have him to be born, a year or two given, these thirty years past; to which he might answer by his present looks.

Q. And as to those — had he any special that you marked?

A. Save his mustachios, that he wore quilled, like the false Turk he was. For the general, did show more tall than short and carried more lard than meat besides, of which my table and cellar did bear the proving. For he did so eat and drink that my cook did call him ... Sergeant Cut and Come-again (J. Fowles).

Информация, содержащаяся в ответах, помимо фактуального содержания — описания лица, — включает дополнительную информацию — крайнюю заинтересованность коммуниканта подчеркнуть истинность сообщаемой им информации, стремление снять вероятную угрозу неоднозначного толкования его показаний. Приращение значения формируется, прежде всего, за счет многократного повторения специализированного средства усиления — конструкции *do + V_{inf}*.

Она служит маркером шести фокальных точек, адекватное восприятие которых адресатом особенно важно, по мнению адресанта. Именно от совпадения интерпретаций фокально-выделенных референтов зависит, в терминах лингвистики, успех коммуникации (а в бытовых терминах — и жизнь допрашиваемого).

Третий информативный пласт произведения — имплицитный, подтекстовый. В основе СПИ лежит, с одной стороны, способность единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а с другой стороны, способность человека к параллельному восприятию действительности сразу в нескольких плоскостях. Восприимчивая СПИ, адресат имеет дело с сообщением, как правило, не лежащим на поверхности и поэтому не выраженным вербально. Но иногда СПИ выходит на поверхность и включает в СФИ свои сигналы, причем средства выражения усиления играют определенную роль в обнаружении и интерпретации СПИ.

В текстах художественной литературы в рамках коммуникативной ситуации, объединяющей писателя и читателя, заключены коммуникативные ситуации, участниками которых являются действующие лица произведения. Импликации, вызванные невыраженностью или недостаточной выраженностью какой-либо части сообщаемой информации, постоянно встречаются как в диалоге писатель — читатель, так и в коммуникациях действующих лиц.

Следующий фрагмент текста показывает сложное взаимодействие экстралингвистической ситуации, действующих лиц, коммуникативной ситуации, эксплицитно выраженной информации имплицитной информации.

— Of course, I may be wrong ... I would have to say that it is not a Tintoretto. It may be the school of Tintoretto, but I doubt even that, — Professor Grimes! Surely, you can't believe — — — in one minute in artificial light — — —

— Mr. Fabian, you brought me along to give my opinion. I've given it.

— But we owe it to Herr Steubel — — — Fabian was hunting for words and pulling furiously at his mustache. — Out of common courtesy — — — I mean — — — give it a few hours' thought. Come back tomorrow. In day light. Why — — — why — — — this is frivolous. Frivolous. Herr Steubel says he has documents ... (I. Shaw).

В предтексте описано обсуждение возможности покупки картины за доступную цену, хотя вопрос сравнительно небольшой стоимости оригинала не затрагивается. Эксплицитно представленная часть информации — это содержание коммуникативной ситуации осмотра картины с целью выявления ее подлинности. Имплицитно переданная часть информации — нежелание заключить сделку в результате возникших сомнений у одного партнера коммуникации в истинности появления картины (а не сомнение в ее подлинности, как то выражено экс-

плицитно) и негодование по поводу того, что сделка срывается вопреки обещанной сговорчивости клиента, — у другого партнера по коммуникации. В формировании имплицитивной части информации принимают участие конструкции усечения, которые выполняют разные семантикопрагматические функции: нежелание называть вещи своими именами, передачу состояния эмоционального напряжения, смещение фокуса внимания адресанта на лингвистически оформленные элементы.

Итак, роль средств усиления сводится к двум модификациям основного информационного содержания текстовых фрагментов: — приращение смысла, выражающееся в возникновении значения важности, ценности выделенного элемента содержания; — снятии многозначности (двусмысленности, неопределенности), проявляющееся в выражении значений истинности, достоверности сообщения, выбора из ряда возможных вариантов значений. Приращения СКИ и СФИ обеспечиваются, прежде всего, специализированными средствами выражения усиления, в то время как СПИ, основа которой невербализованная информация, зачастую оформляется усеченными конструкциями, входящими в перечень неспециализированных средств выражения усиления.

Список литературы: 1. Гальперин И. П. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 2. Dik S. On the typology of Focus Phenomena // Perspectives on Functional Grammar. Т. Hoekstra et. al. (eds) Dordrecht, 1981. P. 42—74. 3. Кибрик А. А. Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация // В. Я. 1987. № 3. С. 79—90. 4. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М., 1988. 5. Локина Т. Ф. Функционально-коммуникативное поле усиления в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1988. 6. Сущинский И. И. Коммуникативно-прагматическая категория акцентирования и ее роль в вербальной коммуникации // В. Я. 1987. № 6. С. 110—119. 7. Шрейдер Ю. А. Семантическая информация и принцип фокализации // Общение в свете теории отражения. Фрунзе, 1980. С. 32—48.

Поступила в редколлегию 29.09.89

Т. И. МАНЯКИНА, канд. филол. наук

КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МАЛЫХ ФОРМ

В последние два десятилетия вопрос о методике текстового анализа приобрел особую актуальность в ходе формирования новых областей в рамках традиционных лингвистических дисциплин, как например, функциональной стилистики, а также в связи с развитием новых языковедческих направлений, таких, как коммуникативная лингвистика или лингвистика текста.

Одной из плодотворных идей, выдвинутых в рамках коммуникативной лингвистики, которые могут служить задачам анализа текста, представляется идея о необходимости широкого, комплексного подхода к рассмотрению языковых явлений, когда исследователь не ограничивается структурной и семантической таксономией, а учитывает также логико-смысловой аспект высказывания (текста), его прагматику, экстралингвистические факторы, прямо или косвенно обуславливающие данные лингвистические характеристики. Структурный план не является при этом исходным; языковые средства рассматриваются под углом зрения того, чем они обусловлены и как они способствуют реализации конкретных коммуникативных задач [1, с. 28—29]. Такой коммуникативно-функциональный подход к анализу языковых явлений должен обеспечить более глубокое проникновение в закономерности вербальной коммуникации, а также в сложную диалектику связи содержания и формы в пределах конкретного текста или типа текстов.

В то же время необходимо отметить, что практикой лингвистических исследований, в частности в германистике, в связи с изучением конкретных видов текстов, в течение последних 15—18 лет накоплен определенный опыт именно коммуникативно-функционального подхода к анализу текстов [2, с. 10—11].

В основе этого методического подхода лежит идея о том, что внеязыковые факторы, такие, как своеобразие мировосприятия автора, тема, жанровые традиции и т. д., в том числе коммуникативные задачи текста, (жанра) детерминируют определенные его стилиевые качества, или черты; те в свою очередь требуют для своей реализации соответствующих языковых средств.

Важнейшим звеном в этой цепочке (с точки зрения задач лингвостилистического исследования) является промежуточное звено, то есть стилиевые черты. В лингвостилистике стилиевые черты определяются как «внутренние приметы функционального стиля и подстиля, а также индивидуального стиля, представляющие собой своеобразные внутренние экспрессивно-смысловые принципы отбора, объединения и мотивированного применения выражений и конструкций» [3, с. 96]. Существенным с точки зрения коммуникативно-функционального подхода является то, что стилиевые черты, не будучи собственно лингвистическими категориями, «занимают промежуточное положение между категориями стилистики, с одной стороны, и логики, психологии и эстетики, — с другой» [там же]. Таким образом, совокупность стилиевых черт будет отражать различные аспекты текста (жанра): структурный, логический, обобщенно-смысловой, эстетический (если это художественный текст).

Между стилиевыми чертами одного функционального стиля (подстиля, индивидуального стиля) может существовать иерархия, то есть среди них могут выделяться более общие, включающие в себя более узкие стилиевые черты. Последние в языковой реализации выступают конститuentами первых. Стилиевые черты выявляются дедуктивным (логическим) путем. Критерий их выделения — специфика коммуникативной функции языка в данной сфере его применения, то есть коммуникативная установка текста (жанра). Они затем проверяются, подтверждаются (может быть, корректируются) в ходе качественного, описательного анализа конкретного материала. Так что в целом анализ носит дедуктивно-индуктивный характер [2, с. 12—13].

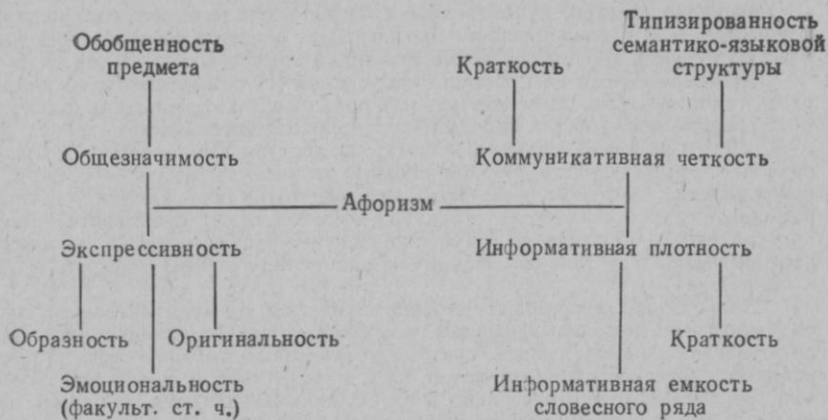
Таким образом, анализ по стилиевым чертам ориентирует при исследовании языкового стиля какого-либо текста или жанра на выявление его стилиевых черт (и их иерархии) и затем языковых средств в сочетании с анализом их конкретного функционирования и взаимодействия.

Имеющийся опыт анализа текстов (жанров) по стилиевым чертам позволяет утверждать об особой эффективности и наглядности проявления этой методики применительно к так называемым малым формам (афоризму, пословице, эпиграмме, загадке и т. п.). Это закономерно, поскольку в малых формах в силу их особой смысловой и экспрессивной насыщенности в сочетании с «обозримостью» многие закономерности вербальной коммуникации во всех ее аспектах (в том числе в аспекте ее эстетической направленности) выступают особенно выукло, наглядно. Разделяя мнения о том, что изучение языка должно осуществляться на естественном речевом материале, а не на основе искусственно конструируемых высказываний [1, с. 75], хотим подчеркнуть, что малые формы представляют собой в этом смысле универсальный исследовательский материал.

Обратимся к опыту применения этой методики к исследованию языково-стилистической специфики жанра афоризмов [2].

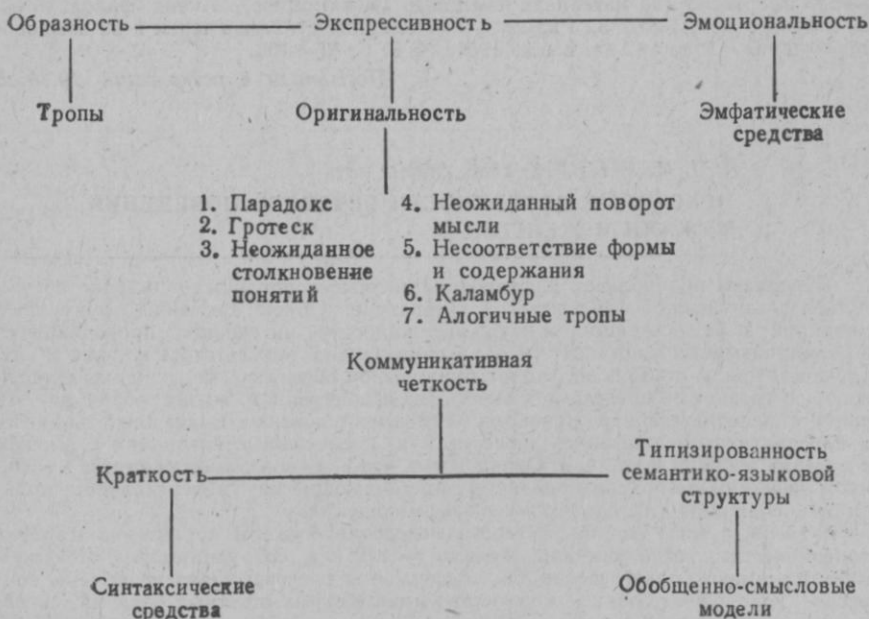
Исходной логической предпосылкой для выявления жанрово-стилевых черт афоризма послужило представление о том, что коммуникативно-стилистическая функция его языковой (художественной) формы заключается в том, чтобы вызвать мгновенный познавательный и эстетический эффект. С этим связана яркость его языковой формы, а также краткость и четкость изложения, сочетающиеся с информативной насыщенностью произведения. В аспекте содержания важным моментом, способствующим познавательно-экспрессивному эффекту, является актуальность и общезначимость предмета мысли. Последняя также находит специфическое проявление на языковом уровне. Таким образом, наиболее широкими стилиевыми чертами афоризма, ориентирующими на языковую форму произведений или входящими реализацию в специфических речевых явлениях, выступают: общезначимость, экспрессивность, информативная плотность и коммуникативная четкость.

Анализ конкретного материала показал, что эти ведущие стилиевые черты соотносятся с реализующими их языковыми явлениями через разное количество конститuentов (см. схему «Афоризм»).

Представленная номенклатура стиливых черт охватывает различные аспекты жанра как коммуникативно-эстетического явления: обобщенно-смысловую, лингвистический, прагматический, параметр внешней архитектоники. В рамках конкретного текста они выступают в диалектическом единстве, взаимообуславливая и поддерживая друг друга. Так, общезначимость в значительной степени опирается на экспрессивность, та в свою очередь — на краткость и четкость изложения, краткость является в то же время одним из конститuentов коммуникативной четкости и информативной плотности.

Следующий этап предполагает выявление средств реализации каждой из стиливых черт. Нетрудно представить, что на схеме это даст последующий ряд разветвлений. Мы ограничимся приведением лишь фрагментов, отражающих реализацию двух стиливых черт жанра — экспрессивности и коммуникативной четкости.

Как видно из схем, существенное качество этого методического подхода заключается в его комплексности: он позволяет охватить явления всех уровней языка и вскрыть их специфические функции в пределах данного текста (жанра).

Применительно к экспрессивно насыщенным текстам, каким является афоризм, такая методика позволяет увидеть роль в создании целого не только «броских» средств, обладающих высоким экспрессивным потенциалом (тропов, каламбура и т. п.), но и «нейтральных» (таких, как абстрактные понятия) [2, с. 26]. Она позволяет также увидеть функциональную значимость отказа от средств, которые по логике жанра могли бы быть здесь уместными (как, например, отказ афоризмов от сугубо стяженных структур — многозвенных существительных, пространственных определений, опущений лексико-грамматических элементов, — противоречащих установке жанра на коммуникативную четкость [там же, с. 131]).

Схемы также показывают, что применительно по крайней мере к экспрессивно насыщенным малым формам, особенно, когда экспрессия имеет комическую направленность, поиск средств реализации стиливых черт только на видимом, словесном уровне не может быть достаточным. В противном случае целый ряд семантико-экспрессивных формул, какими являются, например, формулы алогизма (см. схему «Экспрессивность»), не имеющие непосредственного выхода на словесный уровень в виде четких стилистических фигур, но во многом определяющие жанрово-стилевую специфику афоризмов, выпал бы из поля зрения, и общая картина языково-стилистического своеобразия жанра была бы в важнейшем аспекте неполной.

Имея видимость механического разложения целого на коррелирующие звенья «стилевая черта — средства реализации», такой аналитический подход позволяет на самом деле выявить как функциональную специализацию языковых средств, так и весь спектр функций полифункциональных средств, какими являются, например, парадокс или тропы, способствующие одновременно достижению краткости, информативной плотности и экспрессивности высказываний [там же, с. 122—126].

Список литературы: 1. Колшанский В. Г. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. 2. Манякина Т. И. Языково-стилистическое своеобразие жанра афоризмов (на материале немецкого языка): Дисс. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1981. 3. Ризель Э. Г. Полярные стиливые черты и их языковое воплощение // Иностран. яз. в шк. 1961. № 3. С. 96—103.

Поступила в редколлегию 10.10.88

А. П. МАРТЫНЮК, канд. филол. наук

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Проблема полоролевой дифференциации языка продолжает широко обсуждаться в зарубежной феминистской литературе. Поиски системно-структурных различий в речи женщин и мужчин, наиболее интенсивно проводившиеся в германоязычных социумах, не дали однозначных результатов, но, как и следовало ожидать, стало ясно, что и в буржуазном обществе, где женщины продолжают оставаться за пределами многих сфер общественной жизни, различия эти немногочисленны и обнаруживаются в основном в лексике. Более плодотворными и перспективными оказались исследования, посвященные различиям в речевом поведении женщин и мужчин. Обнаружено, что в англоязычном обществе мужчины и женщины по-разному реализуют претендующие на универсальность принципы кооперации и вежливости в речевом общении.

Утверждается, что для речевого поведения мужчин характерна тактика соперничества, тогда как для женщин — тактика сотрудничества: женщины предпринимают больше шагов для поддержания разговора (задают больше вопросов, используют большее количество минимальных ответных реакций, сигнализирующих внимание, чаще соглашаются с мнением собеседника и т. д.). Такие

особенности речевого поведения женщин принято связывать с неуверенностью в себе как следствием «социальной незащищенности» женщины в западном обществе [3].

В работе излагаются некоторые результаты сравнительного анализа реализаций упомянутых тактических принципов носителями и носительницами английского и украинского языков. Для анализа использовались тексты записей коммуникативных обменов англоязычных мужчин и женщин в смешанных группах в неофициальных ситуациях общения, представленные в «Listen to this», «Varieties of spoken English», «Advanced conversational English», а также магнитофонные записи соответствующего украинского материала продолжительностью около пяти часов звучания. Основное внимание было уделено рассмотрению таких речевых ходов, как вопросы, оценочные высказывания, ответные реакции, минимальные ответные реакции, введение новой темы разговора, перебивы, высказывания, не получившие ответной реакции.

Вопросы. Стало расхожим утверждение о том, что женщины задают вопросы гораздо чаще, чем мужчины, хотя исследований, подтверждающих его количественными данными, не так уж много. На более известна работа П. Фишмен, которая констатирует, что при анализе 12.5 часов магнитофонных записей коммуникативных обменов между двумя разнополами участниками было зарегистрировано 370 вопросов, из которых 263 были заданы женщинами [1, с. 94].

По абсолютным цифрам результаты нашего исследования полностью опровергают этот тезис, так как в речи британцев и украинцев обоих полов зарегистрировано примерно одинаковое количество вопросов (их процентное отношение к общему количеству высказываний дано в таблице). При этом необходимо отметить, что если мужчины обеих национальных групп задавали примерно равное количество вопросов собеседникам обоих полов, то женщины большую часть вопросов адресовали мужчинам (здесь и далее см. таблицу). По-видимому, этим обстоятельством отчасти и объясняется расхождение наших результатов с ре-

Речевые коды	Язык											
	английский						украинский					
	муж.	муж.- муж.	муж.- жен.	жен.	жен.- жен.	жен.- муж.	муж.	муж.- муж.	муж.- жен.	жен.	жен.- жен.	жен.- муж.
Вопросы	7.6	3.9	3.7	7.1	0.9	6.2	15.6	6.0	9.6	14.2	1.7	12.5
Оценочные высказывания	6.5			2.7			13.8			10.4		
Ответные реакции: положительные	6.7	2.5	4.2	6.3	1.9	4.4	11.6	5.8	5.8	13.1	5.4	7.7
отрицательные	2.6	1.3	1.3	1.4	0.3	1.1	9.3	4.7	4.6	9.6	3.2	6.4
Минимальные ответные реакции	9.9	2.8	7.1	12.1	3.4	8.7	10.4	3.7	6.7	14.7	2.2	12.5
Введение новой темы разговора							9.5			15.0		
Перебивы	6.1	2.6	3.5	2.7	0.5	2.2	8.4	2.9	5.5	5.7	1.3	4.4
Высказывания, не получившие ответной реакции				0.2			1.7			2.4		

зультатами П. Фишер, объектом исследования которой явились коммуникативные обмены между двумя разнополыми участниками. Включение в коммуникативный обмен большего количества участников позволяет сделать некоторую корректировку высказанных положений. Нами не было выявлено различий в прагматическом характере вопросов мужчин и женщин: и те и другие задавали вопросы с целью получения интересующей их информации и в равной степени проявляли активность, заинтересованность в продолжении разговора. Очевидно, что больше вопросов задавалось участникам коммуникативного обмена, которые являлись (или признавались) компетентными в той области, которая была предметом обсуждения, и чаще таковыми оказывались мужчины.

Оценочные высказывания. В речи англоязычных коммуникантов мужского пола, как и в речи мужчин украинцев, наблюдалось большее количество оценочных высказываний, чем в речи женщин, что соответствует стереотипным представлениям о большей готовности мужчин высказать свое личное мнение по какому-либо вопросу.

Ответные реакции. Согласно полученным данным, мужчины и женщины проявляют одинаковую степень сотрудничества: в речи мужчин и женщин обеих национальных групп зарегистрировано примерно равное количество реплик, выражающих поддержку, согласие, солидарность и, наоборот, несогласие с высказыванием собеседника, что несколько противоречит сложившимся стереотипным представлениям о том, что мужчины, как правило, спорят, опровергают точку зрения других, тогда как женщины соглашаются с мнением других и развивают их мысли [2]. Интересно, что женщины чаще соглашаются, как впрочем и спорят, с представителями противоположного пола.

Минимальные ответные реакции. Данные, полученные на материале обоих языков, подтверждают положение о том, что в речи женщин отмечается несколько большее количество минимальных ответных реакций типа *mhm*, *yeah* — да, угу, м-м и т. п., причем в речи обоих полов чаще встречаются минимальные ответные реакции на высказывания представителей противоположного пола. Вместе с тем нельзя согласиться с утверждением о том, что прагматический смысл минимальных ответных реакций мужчин и женщин различен: если женщины используют их для поддержания разговора, как знаки внимания и интереса, то минимальные ответные реакции мужчин, якобы сигнализируют отсутствие интереса [1, с. 95—96]. Вряд ли можно усмотреть какие-либо различия в прагматическом значении минимальных ответных реакций мужчин и женщин в примерах соответственно (1) и (2):

- (1) B: ...stood round the outside
C: M
B: like this (Advanced Conversational English);
(2) B: and this large slobbering pig
A: yeah

B: was allowed... (Advanced Conversational English), где они скорее всего означают «я вас слушаю внимательно слушаю», «мне интересно». Довольно часто минимальные ответные реакции в речи мужчин, как и в речи женщин, выражают не только внимание, но и согласие, поддержку, солидарность, подтверждение и за ними следует развитие предыдущего высказывания собеседника.

Введение новой темы разговора. Данные по этому параметру были получены только на украинском материале, так как записи коммуникативных обменов англоязычных коммуникантов в основном представляют собой короткие разговоры на определенные темы, уже принятые коммуникантами. На украинском материале обнаружено примерно одинаковое количество попыток предложить тему для разговора (21 у юношей и 26 у девушек), неудачных попыток у юношей 9,5 %, а у девушек — 15 % (см. таблицу). Это совпадает с утверждением о том, что, хотя женщины предпринимает больше шагов, вводящих новую тему разговора, на долю мужчин приходится больше успешных попыток [1, с. 97].

Перебивы. Данные, полученные на английском и украинском материале подтверждают тезис о том, что мужчины перебивают собеседников несколько чаще, чем женщины. Интересно отметить, что как мужчины, так и женщины чаще перебивают представителей противоположного пола.

Высказывания, не получившие ответной реакции. Считается, что высказывания женщин игнорируются участниками разговора чаще, чем высказывания мужчин. В нашей выборке на английском материале зарегистрировано два высказывания, не получивших вербальной ответной реакции. Оба они принадлежали женщинам и составили 0,2 % от общего количества высказываний. На украинском материале процентные отношения таких высказываний мужчин и женщин существенно не различаются.

Итак, следует признать, что мужчинам и женщинам свойственны определенные закономерности речевого поведения, социальная обусловленность которых не поддается прямому доказательству. В смешанных группах представители обоих полов проявляют большую заинтересованность в общении с противоположным полом, причем у женщин она проявляется более ярко. Хотя оба пола в целом одинаково реализуют принцип коммуникативного сотрудничества, мужчины проявляют большую агрессивность, выражающуюся в том, что они чаще перебивают собеседника, стремятся высказать собственное мнение, дать оценку.

Список литературы: 1. Fishman P. M. Interaction: The work women do. *Language, gender and society*. Mass, 1983. P. 89—103. 2. Kal'cik S. «... like Ann's gynecologist or the time I was almost raped»: Personal narratives in women's groups // *Journal of American Folklore*, 1975. pp. 2—11. 3. Lakoff R. *Women's language // Language and Style*, 1977. 10. No4. P. 222—248.

Поступила в редколлегию 28.09.89

Н. И. МАСЛОВА

ФОРМАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВЕРБИДОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, США И ИНДИИ

Семантико-функциональное своеобразие непредикатных форм, сочетающих^X в себе черты процессуальности — субстанциональности, процессуальности — атрибутивности — адвербиальности неоднократно рассматривалось в исследованиях советских и зарубежных лингвистов. Полагаем, что специфика структурно-семантического варьирования и функционирования непредикатных форм приобретает особую актуальность в приложении к полиэтническим языкам, в частности к английскому. Это связано, во-первых, с недостаточной изученностью английского языка в Индии (IE) как второго государственного языка и, во-вторых, с особой ролью вербидов, что будет показано ниже, в системе IE.

В данной статье динамика варьирования непредикатных форм в свободном функционировании и в качестве компонента аналитических форм рассматривается на материале 2-х функциональных стилей — прессы и художественной литературы (представленной прозой и драмой), 2-х национальных вариантов — британского и американского английского, соответственно (BE) и (AE) — и индийского регионального субварианта — (IE) в его социо-территориальных разновидностях IE (H) и IE (D) [2, с. 64]. Корпус лингвистических объектов включает более 6000 тысяч единиц из англоязычной прессы, прозы и драмы Индии, Великобритании и США 80-х годов XX столетия. Результаты анализа представлены в таблицах 1 и 2.

При сплошной выборке обнаружилось, что удельный вес системы вербидов наибольший в прессе: IE (D) → IE (H) → BE → AE, затем следует проза IE (H) → IE (D) → AE → BE и драма AE → BE → IE (D) → IE (H). Совокупный удельный вес вербидов в IE больше, чем удельный вес соответствующих подсистем в BE и AE. Отдельные вербиды располагаются в ареалах в следующем порядке (по мере уменьшения совокупного удельного веса в 2-х функциональных стилях) BEInf — Ger — PI — PII, AE — Inf — Ger — PII — PI. Причем, в BE наблюдается наибольшее расхождение удельного веса Inf и Ger, тогда как расхождение Ger — PI незначительно, а между Ger — PII — слегка увеличивается. AE — наибольшее расхождение удельного веса между Inf и Ger, расхождение между Ger — PII — незначительно, между

Таблица 1

Наиболее частотные функции вербидов

Функции	Ареалы											
	BE			AE			IE (H)			IE (D)		
	проза	пуб- лиц.	драма	проза	пуб- лиц.	драма	проза	пуб- лиц.	драма	проза	пуб- лиц.	драма
Inf 1. Object	35.2	29.7	32.4	26.1	28.3	23.4	26.2	23.8	36.6	24.3	36.1	43.5
2. Attribute	10.4	25.4	15.9	9.2	25.2	16.0	10.4	18.8	16.2	11.2	15.1	8.2
3. Second pred.	10.0	10.2	14.0	6.7	6.1	18.2	9.0	8.5	7.9	13.6	10.5	9.8
4. Adv. compl. of purp.	10.4	17.4	—	13.5	13.7	—	17.2	19.7	—	11.1	16.4	—
5. Part of a comp. verbal predic.	13.2	—	13.7	13.5	—	7.7	8.3	—	9.7	11.1	—	6.7
PI 1. Adv. comp of manner	35.0	20.6	47.2	33.6	29.7	22.0	31.6	11.3	18.5	2.7	28.6	13.5
2. Second pred. (obj.)	15.5	—	13.9	3.7	—	24.0	8.3	—	14.6	9.0	—	10.8
3. Attr. (prep.)	11.3	20.6	1.4	19.6	4.7	1.4	23.3	18.3	3.8	2.9	9.5	29.7
4. Attr. (post.)	14.4	39.7	15.3	17.8	39.1	12.	18.8	46.5	12.5	12.	31.	25.7
5. Adv. compl. of time	—	7.4	—	—	14.1	—	—	15.5	—	—	12.	—
Ger 1. Direct obj.	22.7	—	32.6	15.3	—	33.3	12	—	23.5	9.6	—	27.
2. Preposit. object	12.	24.7	17.4	7.0	23.2	26.5	10.6	41.2	24.	21.9	26.7	24.6
3. Second pred.	—	—	15.2	—	—	11.8	—	—	4.9	—	—	48
4. Attr. (post.)	15.2	9.9	8.7	15.3	12.1	4.9	13.6	12.3	11.8	12.3	25.9	15.1
5. Attr. (prep.)	13.6	30.9	—	31.8	30.3	—	34.8	18.4	—	6.8	19.6	—
6. Adv. compl. of atten. circ.	—	5.	—	—	10.1	—	—	7.9	—	—	13.4	—
PII 1. Attr. (prep.)	66.3	39.1	20.	60.3	41.3	11.8	57.7	20.7	66.2	28.6	18.2	35.6
2. Attr. post.	58.	45.2	29.7	21.2	44.	29.4	25.6	72.8	12.3	30.8	70.5	35.6
3. Second pred.	12.8	—	46.7	10	—	47.1	13.2	—	15.4	17.6	—	17.8

Таблица 2

Особенности формального варьирования неличных форм в ареальных подсистемах современного английского языка

Вербиды	Ареалы											
	ВЕ			АЕ			IE (H)			IE (Д)		
	проза	пуб-лиц.	драма	проза	пуб-лиц.	драма	проза	пуб-лиц.	драма	проза	пуб-лиц.	драма
Inf	50.2	47.2	64.2	23.8	52.4	65.0	29.0	44.6	58.0	48.6	43.8	51.0
PI	19.4	13.6	14.4	21.4	12.8	10.0	26.6	14.2	9.6	20.	16.8	14.8
Ger	13.2	16.2	18.4	17.0	19.8	21.6	13.2	22.8	19.4	13.2	22.4	25.2
PII	17.2	23.0	3.0	37.8	15.0	3.4	31.2	18.4	13.0	18.2	17.0	9.0
АП Синтетиче- ские	66.2	80.6	—	83.6	77.0	—	76.4	90.6	—	80.8	91.4	—
АП Аналитиче- ские	3.4	3.2	—	2.8	1.8	—	3.0	6.0	—	4.4	5.0	—
ПВ Синтетиче- ские	29.6	15.6	97.8	13.	20.5	97.6	20.2	3.4	97.8	14.4	3.2	96.4
ПВ Аналитиче- ские	0.8	0.6	2.2	0.6	0.6	2.4	0.4	—	2.2	0.4	0.4	3.6
Вербиды в ан. ф-х	93.	41.2	17.5	50	45.8	14.4	72.8	45.	145.	48.6	54.2	144.
в % к ВЕ	100	100	100	53.8	111.2	81.9	78.3	109.2	82.4	52.3	131.5	81.7

Ger — PI — —увеличивается. IE (H) имеет следующую последовательность: Inf — —PII — —Ger — —PI; расхождение между Inf — —PII — —значительное, между PII — —Ger — —уменьшается, наименьшее расхождение Ger — —PI. IE (Д) — наибольший удельный вес у Inf — —Ger — —PI — —PII. Расхождение между Inf — —Ger значительное, несколько уменьшается разрыв между 2-мя причастиями, тогда как разрыв между Ger — —PII занимает промежуточное положение. Колебание удельного веса отдельных вербидов наименьшее в индоанглийском, кроме колебаний удельного веса PII — 18,4 %. Исключая PII, можно говорить о тенденции к образованию частотной нормы системы вербидов в индийском субварианте. Колебания удельного веса системы вербидов в ВЕ — —АЕ более резкие. Наибольший удельный вес во всех ареалах имеет Inf. Некоторая системная близость IE (Д) — —ВЕ может объясняться временем и условиями контакта, так как распространение английского языка на субконтиненте имело центростремительный характер [1, с. 157].

Анализ варьирования в рамках системы вербидов (в целом) в исследуемых функциональных стилях подтверждает наше допущение относительно нестабильности ориентации, что может быть объяснено: а) условиями бытования английского языка, б) временем и условиями контакта, в) влиянием автохтонного субстрата. Нет тенденции к унификации системы. Сравним полученные результаты.

художественная проза	Be	AE	IE (H)	IE (D)
	Inf	PII	PII	Inf
	PI	Inf	Inf	PI
	PII	PI	PI	PII
	Ger	Ger	Ger	Ger

драма	BE	AE	IE (H)	IE (D)
	Inf	Inf	Inf	Inf
	Ger	Ger	Ger	Ger
	PI	PI	PII	PI
	PII	PII	PI	PII

Ориентация стабильна в сторону BE, наблюдаются некоторые региональные колебания в употреблении PI и PII в индийском субварианте. Унификация системы сильнее в BE — AE, чем в IE (H) — IE (D)

пресса	BE	AE	IE (H)	IE (D)
	Inf	Inf	Inf	Inf
	PII	Ger	Ger	Ger
	Ger	PII	PII	PII
	PI	PI	PI	PI

Устойчивая ориентация на AE. Возможность формирования частотной нормы BE — AE и в индийском субварианте IE (H) — IE (D). Наибольшая унификация системы.

Варьирование удельного веса отдельных вербидов в 2-х функциональных стилях в ареальных подсистемах BE и IE (D) драма — проза — пресса, AE и IE (H) — проза — пресса — драма. PI — BE — проза — драма — пресса; AE → IE (H) → IE (D) — проза — пресса — драма. Ger — BE, AE, IE (D) драма — пресса — проза, IE (H) — пресса — драма — проза (разрыв между I и II — 2,4 %). PII — BE — пресса — проза — драма; AE → IE (H) → IE (D) — проза — пресса — драма.

Формальное варьирование. Аналитические формы имеют наибольший удельный вес в прессе I в AP — IE (H) → IE (D) → BE → AE, II в прозе AP — IE (D) → IE (H) → BE → AE, III — в драме в ПВ — IE (D) → AE → IE (H) → BE, затем следуют аналитические формы вербидов в ПВ в прозе BE → AE → IE (H) → IE (D) и в ПВ в прессе. Исходя из удельного веса аналитических форм (таблица II), можно заключить, что наибольший удельный вес аналитических форм (2-х функциональный стиль), наблюдается в IE (D), снижаясь — пресса — проза — драма, далее — IE (H) — пресса — проза — драма; в BE и AE уменьшение удельного веса идет — проза — пресса — драма.

Функциональное варьирование I Inf. имеет наибольшую частотность в функциях: 1) дополнения IE (D) — BE — IE (H) — AE; 2) определения BE AE — IE (H) — IE (D). Частотность по функциональным стилям:

дополнение	BE	проза	AE	пресса	IE (H)	драма	IE (D)	драма
		драма		проза		проза		пресса
определение		пресса		драма		пресса		проза
	BE	пресса	AE	пресса	IE (M)	драма	IE (D)	пресса
		драма		драма		проза		проза
		проза		проза		пресса		драма

Для PI наиболее частотными функциями являются: I обстоятельство образа действия, II определение (в постпозиции), III определение (в препозиции). Распространение в ареальных подсистемах I — BE → AE → IE (D) → IE (H), II — IE (H) → BE → IE (D) → AE, III — IE (H) → IE (D) → AE → BE, удельный вес в жанрах I — обстоятельство образа действия:

BE	драма	AE	проза	IE (H)	проза	IE (D)	пресса
	проза		пресса		драма		проза
	пресса		драма		пресса		драма

II определение в постпозиции:

BE	пресса	AE	пресса	IE (H)	пресса	IE (D)	пресса
	драма		проза		проза		драма
	проза		драма		драма		проза

III определение в препозиции:

BE	пресса	AE	проза	IE (H)	драма	IE (Д)	драма
	проза		драма		проза		проза
	драма		пресса		пресса		пресса

PII: Наиболее распространенные функции — определение в пре- и постпозиции:

Ger: Наиболее частотными являются функции:

1) предложного дополнения; 2) постпозитивного определения; 3) препозитивного определения; 4) прямого дополнения*.

I — предложное дополнение, расположение в ареалах IE (H) — —IE (Д)
 AE — —BE, удельный вес в функциональных стилях:

	BE	AE	IE (H)	IE (Д)
	пресса	пресса	пресса	пресса
	драма	драма	драма	драма
	проза	проза	проза	проза

II постпозитивное определение IE (Д) → IE (H) → AE → BE, представленность в функциональных стилях:

	BE	AE	IE (H)	IE (Д)
	проза	проза	проза	драма
	пресса	пресса	пресса	пресса
	драма	драма	драма	проза

Таким образом, можно сделать выводы:

1. Расхождения в удельном весе системы вербидов в целом и ее отдельных компонентов обнаруживают различия, обусловленные принадлежностью к вариантам с разными субстратными характеристиками.

2. Нестабильность ориентации IE на британскую и американскую нормы, проявляющаяся в сходстве отдельных количественных характеристик (отдельных вербидов и их функций) с соответствующими характеристиками BE и AE, представляет собой, наряду с социолингвистическими особенностями бытования IE, проявление его специфического характера как субварианта полинационального английского языка.

3. Различная частота использования вербидов в исследуемых функциональных стилях (художественная проза, представленная романами и пьесами, и пресса, представленная газетами), также выступает как доказательство внутренних различий между подсистемами (вариантами) единой архисистемы.

4. Тенденция к унификации системы в целом наиболее сильна в прессе, с ориентацией на BE/AE, затем следует драма, с ориентацией на BE, и проза, в которой эта тенденция затухает.

5. Указанные тенденции в динамике употребления вербидов в ареальных подсистемах современного английского языка позволяют сделать допущение в намечающихся тенденциях формирования нормы IE: в целом, как в IE (H), так и в IE (Д) нет существенных количественных отклонений от нормы BE, IE (H) и IE (Д), как свидетельствует анализ количественного аспекта варьирования системы вербидов, собственной субвариантной нормы не формируют.

Список литературы: 1. Баранников П. А. Проблемы хинди как национального языка. Л., 1972. 2. Маслова Н. И. К проблеме статуса английского языка в Индии // Вестн. Харьк. ун-та. 1986. № 290. С. 61—65.

Поступила в редколлегию 29.09.89

* Герундий в функции препозитивного определения и прямого дополнения хотя и обладает значительной частотностью, не представлен во всех функциональных стилях.

В. Я. МИЗЕЦКАЯ, канд. филол. наук
ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ВОЗРАСТНЫМ
ФАКТОРОМ, И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ
ПРОИЗВЕДЕНИИ

Как известно, возрастной фактор в большей или меньшей степени влияет на речь каждого человека. Он дает себя знать в выборе лексических средств, способах построения фразы, ее интонационном рисунке и других особенностях.

Так, для детей младшего возраста в реальной действительности характерна доминирующая роль эмоциональной, а не рациональной оценки происходящего, что объясняет превалирование в их речи эмотивов, особенно дериватов с суффиксами эмотивно-субъективной оценки [1, 2, 3]. К наиболее частотным здесь относится уменьшительный суффикс «у», при этом 42 % слов у взрослых с этим суффиксом не встречаются. Специалисты по детской речи указывают также на частое использование рифмованных редупликатов, в которых проявляется детская ласкательность (rolly — polly). Нередко редупликация сопровождается саянкорпорированием эмотивного элемента «s»: itsy — bitsy, footsy — tootsy.

Наше исследование речи детей-персонажей в англоязычной драматургии показало следующее: в XVI—XIX веках дети редко становились сколько-нибудь серьезными персонажами «взрослых пьес».

В XX веке, когда популярность получает семейно-бытовая драма, на сцене появляются дети и подростки, играющие значительную роль в сюжете пьесы. Однако возрастной фактор здесь реализуется далеко не всегда. Так, нет никаких явных «детских» отклонений в пьесе Д. Ван Друтена «Я помню маму» [8], хотя она «населена» детскими персонажами. Среди действующих лиц — Дагмар 8 лет, Кристин — 13 и Нелс — 15 лет.

В других произведениях возрастной фактор представлен пунктирно. Например, в пьесе Т. Мозела «Всю дорогу домой» [7] одним из центральных персонажей является шестилетний ребенок по имени Руфус. Возрастной фактор дает себя знать в «детской этимологии». Так, повторяя за взрослыми малопонятное слово «viaduct», Руфус обращается к матери: Look, mama, there's a train crossing the viaduck [7, p. 30].

Ребенок заменяет корень «duct» привычным и понятным его детской психологии словом «duck» — утка. Вызывает у Руфуса затруднение и произношение других «трудных» или новых слов: And then the auto didn't run up any eight foot embank-emb- what you said either [7, p. 305].

Руфус так и не может выговорить слово «embankment». Не меньше сложности возникает у него при произношении слова «survive»:

Ruf.: We sur-sur —

Mary: What are you trying to say?

Ruf.: We sur-vived, didn't we? [7, p. 310].

Воспринятое в сплошном речевом потоке старших «an orphan» превращается в «a porphan».

Ruf.: Am I a *norphan* now?

Mary: An *orph*an? [7, p. 310].

Использование же «детских» суффиксов эмотивно-субъективной оценки ограничивается лишь одним случаем обращения к отцу — «daddy». Редупликация отражения не получает вообще.

В пьесе Г. Линдсея и Р. Краузе «Жизнь с отцом» [5] возрастная специфика речи четырех представителей младшего поколения — Кларенс 17 лет, Джона — 15, Уитни — 13 и Харлана — 6, — также едва обозначена. Она проявляется в единичных случаях редупликации в речи самого младшего из них: Harlan: H-a-huckle-b-buckle-/h-a-huckle-high/H-a-huckle-b-a-buckle-/huckle-berry pie [5, p. 144].

Все дети фактически разговаривают на языке взрослых людей.

Гораздо реже встречаются пьесы, где возрастной фактор предстает в более зримом виде. Примером может послужить речевая партия Париса, школьника 13 лет из пьесы К. Маккаллера «Корень из прекрасного» [6]. Здесь немало слов с уменьшительно-ласкательным суффиксом «у/ie»: *auntie*, *creery*, *daddy*, *granny*, *growny*, *sonny*.

Вместе с тем встречаются слова сниженного слоя, которые подростки легко подхватывают в колледже, на улице, общаясь со своими сверстниками: *baloney*, *to mosey off*, *screwball*, *scrooch up*, *scrounge*, *smoosh* и др.

Таким образом, если говорить о детских партиях драматургических произведений в целом, то достаточно ясно прослеживается тенденция к «овзрослению» речи. Это, очевидно, объясняется тем обстоятельством, что ребенок во взрослой пьесе подчас является тем самым «младенцем, который глаголет истину». А поскольку эта «истина» принадлежит самому автору, ребенок становится почти взрослым, изрекая «решительные мысли и суждения. При этом облакаются они, как правило, в свойственную детям безапелляционную, категорическую форму, о чем свидетельствует почти полное отсутствие конструкций с модальностью предположения, сомнения. Так, в уже упомянутой пьесе К. Маккаллера «Корень из прекрасного» между сыном-подростком и отцом происходит вполне «взрослый» разговор о матери мальчика, который пытается выступить в качестве арбитра в сложных взаимоотношениях между родителями:

Phillip: Time for us to leave.

Paris: But Mother?

Phillip: I told you she's been packing in the night. Silk stockings, brasieres and all that crap.

Paris: I hate you when you talk like that about mother.

Phillip: What did I say wrong? I love her. I can't live without her. I've done everything to bring her back to us. I crawled on the floor like Dostoyevski.

Paris: Crawled? You didn't care when Mother cried when you left her [6, p. 126].

В том, что дети гораздо взрослее в пьесах, чем в реальной действительности, можно убедиться, если сравнить речь одного и того же персонажа, когда он был ребенком и когда он стал взрослым. Например, в пьесе Т. Уильямса «Лето и дым» [10] главные герои Джон и Альма

сначала предстают как десятилетние дети, а затем в качестве взрослых людей. Однако никаких принципиальных различий в их детских и взрослых речевых партиях нет. Будучи детьми, они общаются друг с другом как вполне взрослые люди.

В пьесе Т. Уайльдера «Наш городок» [9] одна из главных героинь Эмилия Гиббс тоже предстает вначале двенадцатилетней девочкой, а затем взрослым, двадцатишестилетним человеком, уже познавшим все радости и горести жизни. Сопоставительный анализ лексических составов героини-девочки и взрослой женщины показал, что различия, хотя и имеют место, незначительны (см. таблицу).

Возраст, лет	Части речи, %				
	сущ.	прилаг.	глаголы	наречия	междомет.
12	33,3	18,9	32,2	10,0	5,6
26	39,2	22,2	26,1	9,8	2,6

Как видно из таблицы, произошло некоторое перераспределение между частями речи: в 1,2 раза увеличилось число существительных и приблизительно в 1,2 раза увеличилось число глаголов, что свидетельствует о сдвиге в сторону некоторой статичности, свойственной более взрослому человеку.

Наиболее ощутимые изменения касаются междометий — их число сократилось приблизительно в 2 раза. Это не удивительно: восторженность и непосредственность ребенка уступают место более глубокому пониманию происходящего. Об этом свидетельствует и некоторое увеличение числа глаголов медитации (to realize, to think и др.) — в 1,3 раза у взрослой Эмилии.

В группе прилагательных увеличилось количество рационально-оценочных лексем — в 1,2 раза, что также свидетельствует о более аналитичном подходе к жизни, который характерен для представительниц старшего поколения. Вместе с тем соотношение между абстрактными и конкретными понятиями практически не меняется.

О юном возрасте героини в 1-м акте автор неназойливо напоминает с помощью следующего диалога между матерью и дочерью:

Emily: Mama, will you answer me a question, serious?

Mrs. Webb: Seriously, dear — not serious.

Emily: Seriously — will you? [9, p. 27].

Драматург дает здесь понять, что процесс освоения родного языка в подростковом возрасте продолжается: девочка еще не всегда достаточно хорошо чувствует морфологическую специфику слов: в данном случае она перепутала наречие с прилагательным.

Таким образом, хотя определенные различия между речевыми партиями юной и взрослой Эмилии имеют место, они незначительны. Это объясняется, прежде всего, сдвигом речевой партии ребенка в сторону «овзросления», характерного для подавляющего числа пьес для взрослых. Подобный сдвиг вполне оправдан в художественном произведении, которое строится по своим законам, законам творчества и где

художественный образ не есть слепок с реального человека, в данном случае ребенка.

Что касается юношей и девушек, то в XX веке драматургия стала довольно широко отражать особенности так называемого молодежного жаргона. Показательна в этом отношении речевая партия Джилл Хиллкрайт, девятнадцатилетней девушки из довольно уважаемой семьи в пьесе Д. Голсуорси «Без перчаток» [4]. Достаточно ознакомиться с набором ее излюбленных словечек, чтобы понять, что Джилл старается не отстать от молодежной моды начала века: a bad sport, pretty good rot, buck up, a topper, rangey, damtouchy, to give thehell, phiz, hinch, slime out, jolly, spit it out, tosh, to feel beastly.

Это шокирует ее отца, который постоянно просит дочь следить за тем, чтобы ее речь была достаточно благопристойна:

Jill: Why sohould it all be such a skin game?

Hill: Skin game? Where do you get your lingo? [4, p. 165].

Речь молодых людей демократичнее, чем речь родителей, представителей старшего поколения, которые придерживаются норм и предписаний своего конкретного микросоциума. Общество, в котором живет Джилл, предписывает нормативный разговорно-литературный вариант без сниженной лексики. Эти требования Джилл не выполняет, причисляя себя прежде всего к другому микросоциуму — уважаемой молодежи.

Список литературы: 1. Шахнарович А. М. Семантика детской речи: психолингвистический анализ: Автореф. дис.... д-ра филол. наук. М., 1985. 2. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. 3. Lewis M. Infant Speech. L., 1936. 175 p. 4. Galsworthy D. Skin Game // Five Plays. N. Y., 1984. P. 161—222. 5. Lindsay H. Crouse R. Life with Father // Best American Plays. N. Y., 1974. Vol. 2. P. 131—180. 6. Macculters C. The Square Root of Wonderful // Modern American Plays. Leningrad, 1981. P. 71—139. 7. Mosel T. All the Way Home // Best American Plays. N. Y., 1974. Vol. 5. P. 277—312. 8. Van Druten J. I Remember Mama // Best American Plays. N. Y., 1974. Vol. 2. P. 85—130. 9. Wilder T. Our town // Modern American Plays. Leningrad, 1981. P. 11—70. 10. Williams T. Summer and Smoke // Best American Plays. N. Y., 1978. Vol. 3. P. 665—702.

Поступила в редколлегию 25.09.89

В. В. МИНАКОВ

**ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
С СУФФИКСАМИ -lich, -ig, -isch (ОПЫТ СЕМАНТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА)**

Проблема значения находится в настоящее время в центре внимания не только лингвистики, но и философии, психологии, кибернетики, социологии, этнографии и других смежных наук. Интерес к семантике свойствен разным школам и направлениям современной лингвистики, предметом изучения которых являются: сближение категорий языка с категориями логики, функциональная и прагматическая грамматика, факты социолингвистики, психолингвистики и т. п. Не является исключением в этом отношении и словообразование. «Основным

показателем современного подхода к словообразовательному анализу (...) следует считать безусловной примат семантики, не свойственный формальным методам» [5, с. 85].

В предлагаемой статье мы обращаемся к рассмотрению содержательной структуры прилагательных, представляющей как теоретический, так и большой практический интерес. Предметом данной статьи является конкретная группа прилагательных, образованных при помощи суффиксов *-lich*, *-ig*, *-isch*. Обращение к этим суффиксам объясняется тем, что они относятся к наиболее частотным и продуктивным формантам современного немецкого языка, и их структурные типы необычайно разнообразны [3, с. 232, 248, 279; 7, с. 43]. Материал анализа отобран нами из «Обратного словаря» Матера [9], корпус исследуемых единиц составил 1279 прилагательных на *-lich*, 1968 прилагательных на *-isch* и 2885 — на *-ig*. Образования типа «rotköpfig» мы, руководствуясь указаниями ряда авторов [1, с. 5; 8, с. 60], рассматриваем также как разновидность производных слов.

В данной статье нами предпринимается попытка решить три тесно взаимосвязанные задачи: 1. Продемонстрировать широкий потенциал значений суффиксов *-lich*, *-isch*, *-ig* между двумя полюсами мотивации и идиоматизации в установлении ступеней семантического обогащения. 2. Выявить и обосновать зависимость процесса семантического обогащения прилагательных от степени их демотивации. 3. Показать тесную связь словообразования с синтаксисом путем исследования соотношения между словообразовательными конструкциями и эквивалентными им синтаксическими группами.

Нам представляется необходимым уточнить принятые в статье понятия: «Сема — это единица смысла, не связанная с определенной звуковой формой» [6, с. 85]; «Семена, или лексико-семантический вариант, — отдельное значение лексемы» [4, с. 5]. Семы являются составными частями семены.

Словообразовательная конструкция (СК) — «комплекс различных морфем, кроме того, она характеризуется стабильностью» [5, с. 65]. иными словами, СК являются гиперонимом по отношению к сложным и производным словам.

Под семантическим обогащением (СО) мы понимаем приобретение СК новых значений (семем) или элементов значений (сем), не имевших место в семантической структуре производящего слова, в результате присоединения словообразовательного форманта к этому производящему слову. Эти новые по отношению к производящему слову значения или элементы значений можно разложить на ряд семантических ступеней по их близости или отдаленности от значений производящих слов, т. е. по степени их СО, с помощью описательных синтаксических конструкций. В этом и состоит суть метода СО. Мы вводим термин СО, чтобы отделить его от термина семантической модификации, который обычно употребляется для обозначения формальной словообразовательной операции, в ходе которой в отличие от синтаксической транспозиции не меняется часть речи [2, с. 37]. И при семантической модификации, и при синтаксической транспозиции может происходить в той или иной степени СО. Нам представляется также целесообразным для

дифференциации степени СО ввести термины семного обогащения (при изменении на уровне элементов значения) и семемного обогащения (при изменении на уровне вариантов значения).

Обращение к синтаксическим конструкциям для анализа СК не случайно, т. е. связь словообразования и синтаксиса обусловлена тем, что оба они являются механизмами создания номинативных единиц. Связь между номинативными единицами словообразовательного и синтаксического происхождения становится еще очевиднее, когда они функционируют параллельно, т. е. как варианты именованного одного и того же денотата. В их взаимозамене, однако, нет полной свободы, т. к. выбор одного из средств номинации в конкретном мыслительно-речевом акте регламентируется синтаксическими и семантическими условиями контекста. Однозначно способ номинации бывает задан в тех случаях, когда норма предопределяет существование в языке только одной из двух номинативных единиц.

В приведенной ниже классификации адъективных СК сопоставление словообразования с синтаксисом объясняется особым вниманием к семантике, стремлением раскрыть мотивированность слова лексико-семантическим описанием. Принимая во внимание тот факт, что семантическая структура форманта и всей СК зависит от семантической дистрибуции, мы рассматривали не отдельно взятые СК, а вместе с определяемыми существительными. При анализе прилагательных с суффиксами *-lich*, *-isch*, *-ig* по методу СО мы выделяем 5 семантических ступеней:

1-я ступень: «чистая» мотивация. Параллельная синтаксическая конструкция является словосочетанием. Мотивированная СК с определяемым существительным и словосочетание являются эквивалентными параллельными формами. Возможность двусторонней трансформации без дополнительных элементов доказывает семантическую эквивалентность без СО. Например: *der japanische Kassettenrecorder — der Kassettenrecorder aus Japan*.

2-я ступень: сравнение. Параллельная синтаксическая конструкция является словосочетанием, большим по объему, чем синтаксическая конструкция, используемая для описания СК 2-й ступени СО с определяемым ею существительным. Специфика СК с определяемым существительным и заключается в том, что тут имеет место отношение сравнения, являющееся выражением СО. Эквивалентность достигается существованием элемента, актуализирующего отношение сравнения в словосочетании. Например: *die freundliche Behandlung — die Behandlung wie die des Freundes*.

3-я ступень: расширение автосемантическое. Параллельная синтаксическая конструкция является сложноподчиненным предложением. СО уже настолько велико, что в рамках словосочетания необходимы добавочные автосемантические элементы. Под понятием автосемантические элементы имеются ввиду полнозначные слова. Эквивалентность синтаксической конструкции достигается с помощью добавочных семантических элементов. Например: *ein zerbrechlicher Gegenstand — ein Gegenstand, der leicht zu zerbrechen ist/der leicht zerbrochen werden kann*.

4-я ступень: лексикализация. Параллельная синтаксическая конструкция является сложноподчиненным предложением, большим по объему и обладающим более сложной синтаксической структурой, чем синтаксическая конструкция, употреблявшаяся для описания СК 3-й ступени СО с определяемым существительным. Семантическая эквивалентность нарушена. СК настолько семантически обогащена, что для сохранения примерной эквивалентности необходим обширный доавочный комплекс значений. Например: ein lustiger Abend - ein Abend, der so beschaffen ist, daß er Heiterkeit bewirkt.

5-я ступень: идиоматизация. СК выполняет собственную функцию, которую нельзя реконструировать с помощью трансформации. В результате идиоматизации трансформацию заменяет синонимическая субституция. Для СК этой ступени СО характерна ярко выраженная образность. Например: ein prächtiger Einfall — ein ausgezeichneter (sehr guter) vortrefflicher Einfall.

Представленная классификация не претендует на установление четких границ между ступенями, она лишь демонстрирует тенденцию.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие предварительные выводы: в процессе СО происходит а) изменение семантических отношений между корневыми морфемами производящих и производных слов, б) ослабление отражения семантической структуры деривата номинационной структурой слова; наблюдается тенденция к уменьшению степени эквивалентности описывающих конструкций и увеличению их объема по мере демотивации СК; между СО и степенью демотивации существуют отношения взаимообусловленности и прямой зависимости; на низком уровне СО, когда изменения в семантической структуре деривата происходят в семас (семные обогащения), мы наблюдаем переход от мотивации к лексикализации; если же изменения происходят в семемах (семемные обогащения), то мы констатируем наличие идиоматизации; чем выше степень демотивации, тем чаще, по всей видимости, для выражения одного и того же явления предпочтение будет отдаваться СК; с целью языковой экономии радиус функционирования описательных конструкций очень сильно ограничивается; в зависимости от того, какие потенциальные семы суффикса находят свою реализацию под воздействием внешних синтагматических условий [5], меняется степень СО и соответственно ступень СО. Например: männliche Stimme — die Stimme eines Mannes — 1-я ступень СО, männliches Auftreten — das Auftreten in der Art des Mannes — 2-я ступень СО; СК может быть по значению более абстрактной и неоднозначной, чем синтаксическая конструкция. Например: mütterliche Liebe — die Liebe der Mutter, die Liebe wie die einer Mutter.

Список литературы 1. Воцинина Е. И., Молоткова Ш. Р. Словообразование немецкого языка. М., 1965. 2. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. М., 1981. 3. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка М., 1979. 4. Соколовская Ж. П. Система в лексической семантике (анализ семантической структуры слова). К., 1979. 5. Степанова М. Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М., 1984. 6. Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978. 7. Barz I. Nomination durch Wortbildung. Leipzig, 1988. 8. Flei-

Е. И. МОРОЗОВА, канд. филол. наук

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИКЕ ЛЖИ

Вопрос об истине является одним из самых фундаментальных вопросов, связанных с употреблением языка. Следует отметить, что термин «истина» является не совсем удачным русским эквивалентом английского слова *truth*, в число значений которого входят «истина» (в логическом смысле) и «правда, правдивость» (как характеристика процесса коммуникации). Остановимся на последнем значении. Процесс коммуникации предполагает откровенность между собеседниками, что логически исключает не только явную, пропозициональную ложь, но и все остальные виды обмана, например, ложь, скрытую в пресуппозициях, недомолвках и окольных выражениях, в стилистически и эмоционально окрашенных элементах языка. В действительности же коммуниканты далеко не всегда придерживаются основных принципов коммуникации — кооперации и сотрудничества со всем спектром максим. Ложь в широком понимании гораздо более свойственна человеку, нежели правда: «она в нас и вокруг нас» [2, с. 44]. Неудивительно поэтому, что с давних времен она являлась предметом философских, теологических, этических и т. д. размышлений.

Ложь не является новым предметом и для лингвистики. Каково же лингвистическое определение лжи? Данное понятие может охватывать чрезвычайно широкий круг явлений, как, например, Д. Боллинджера: «все то, что может быть использовано находящимися в коммуникации сторонами для засорения канала общения и не является при этом результатом случайности, есть ложь» [1, с. 30]. Данное определение предполагает, что ложь может быть не только явной, очевидной, но и скрытой, неосознанной. Помимо этого, в сферу лжи включаются все стилистические приемы и т. д.

Нам представляется, что метафорический обман, эмфаза, риторические фигуры не являются ложью, поскольку имеет место лишь обман ожидания. В иронии истина и ложь не составляют противоположности, ибо ирония есть ложь, сопровождающаяся сигналом, т. е. отсутствует намерение обмануть. По этой же причине не являются ложью и формулы вежливости. Весьма зыбки границы между ложью и лестью. В литературной лжи сигналом для читателя являются традиционные жанровые признаки; тем самым она не соответствует факту лжи в нелитературном смысле.

Как люди лгут: с помощью слов или предложений? Нет никакого сомнения, что с помощью последних. Слова, которые мыслятся без всякой контекстной детерминации, не могут лгать. Поэтому никому не придет в голову считать ложью оговорку или неправильно употребленное слово, поскольку слушающий не примет во внимание неправильное значение.

Являются ли ложью переводы? Здесь согласимся с мнением Х. Вайнриха, который считает, что «переведенные слова лгут всегда, переведенные тексты — только в тех случаях, когда они плохо переведены» [2, 55].

Можно ли лгать молчанием? Наверняка, да, поскольку молчание, т. е. отсутствие речи как манифестации языка, все же является действием, лингвистическим поведением. Если молчанием намереваются ввести в заблуждение, то что — ложь. Приведем пример: Jane was a very nice girl, and just as fond of Augustine as he was of her. But as each lacked the nerve to go to the girl's father and put him abreast of the position of affairs, they were forced to meet surreptitiously. This jarred upon Augustine, who, like all the Mulliners, loved the truth and hated any form of deception (Woodhouse).

Данную линию можно продолжить: лгать можно не только отсутствием лингвистического действия, но и действия вообще. Своеобразным подтверждением этому служит следующий пример:

Валера между тем подошел вплотную к изобретению Шопенгауэра. — ... Между мыслью и поступком нет разницы. Подумать о зле — все равно, что совершить его.

...Я так вообще считаю, что человек желающий, но не делающий — просто тварь лицемерная, таких большинство (Л. Бородин. «Женщина в море»).

Хотя, по мнению ряда исследователей, ложь уклоняется от компетенции лингвистов, в данном вопросе нам представляется обоснованной точка зрения Д. Болинджера, который считает, что ложь, как и истина, является лингвистической проблемой [1], находящей свое место в грамматике, семантике, лингвистике текста, социолингвистике, прагматике и ряде более частных лингвистических дисциплин. В частности, она дает о языке такую информацию, которую нельзя получить из других источников, например, умеет ли язык скрывать мысли, и как это происходит.

Остановимся подробнее на проблеме коммуникативной интенции лжи.

Как известно, существуют ситуации, в которых сам факт того, что интенция говорящего стала известна слушающему, ведет к осуществлению данной интенций. Например, если говорящий хочет сделать приятное слушающему, уже то, что слушающий это понял, может доставить ему удовольствие. Существует интенциональный тип, для которого эта возможность является закономерностью: интенция информировать обычно реализуется уже тем, что становится очевидной. И наоборот, интенция солгать реализуется при условии того, что остается неизвестной слушающему. Этим можно объяснить тот факт, что для лжи нет эксплицитного перформатива, то есть она не может быть выражена эксплицитно-перформативным способом.

Ложь не имеет собственной иллокутивной силы, но она не нейтральна по отношению к последней. В подавляющем большинстве случаев область лжи ограничена ассертивными речевыми актами. Но обратимся к следующему примеру, взятому из повести Е. Сазанович «Прекрасная мельничиха»:

Старуха схватила труп за ноги. И мы втащили его в комнату. В комнате старуха долго поливала мою ладонь горячей водой. Потому что никак не могла расцепить онемевшие пальцы. И освободить от волос белой женщины. Наконец она отрезала прядь. И прядь осталась в моем кулаке.

— Зачем ты ее? — спросила старуха.

И даже при этом округлила глаза. Якобы удивилась Ну и лгунья! Отлично же знала, что этим дело и кончится.

— Зачем? — переспросила я по своей дурацкой привычке. Которая уже старуху почему-то не раздражала.

Старуха молчала. Я молчала. Так мы промолчали.

Вопрос старухи остался без ответа потому, что заключающаяся в нем информация, вернее ее запрос, нерелевантен для слушающего, которому из широкого контекста известно истинное намерение говорящего — скрыть, что ему (ей) было все известно заранее, убедить слушающего в обратном. Раскрытая ложь является коммуникативным «шривалом». Но ложь налицо. И в данном случае она выражена квеситивом (в терминологии Г. Г. Почепцова).

Является ли ложью коммуникативная неудача?

Как известно, набор посылок, используемых при интерпретации высказывания, образует контекст, который может быть определен как психологический конструкт, образуемый представлениями слушающего о мире. Именно эти представления, а не действительное положение вещей, нередко влияют на интерпретацию высказывания, в том числе и на его квалификацию как истинного или ложного. Рассмотрим в этой связи пример из вышеупомянувшейся повести Л. Бородина.

Я спешу прервать опасную логику рассуждений, и в голосе моем скользит искусственно менторская интонация.

— Думаю, однако, что жить в свое удовольствие нельзя.

— Вранье!

Квалификация слушающим высказывания говорящего как ложного вызвана различиями в жизненном опыте, во взглядах коммуникантов. Даже если взгляды исследователя и совпадают со взглядами реципиента, данное высказывание нельзя считать ложным. Здесь имеет место несоответствие контекстов говорящего и слушающего, результатом которого является непонимание, разногласие, конфликт.

Механизмы вербальной коммуникации в данном случае не срабатывают. Но, с другой стороны, никакой механизм не может дать гарантий успешности коммуникации, хотя сегодня усилия весьма значительного количества прагматистов направлены именно на описание безотказного, универсального механизма такого рода, т. е. гарантирующей успешную коммуникацию.

Единственным способом достижения успешности коммуникации является обеспечение идентичности контекстов говорящего и слушающего которое осуществимо лишь в приближенном, а не идеальном варианте.

Говорящий, который хочет, чтобы его высказывание было интерпретировано определенным образом, должен ожидать, что слушающий

будет в состоянии воспроизвести контекст, который позволит ему адекватно интерпретировать высказывание.

В этом плане успешная ложь не является коммуникативной неудачей, поскольку в намерения говорящего входит, чтобы слушающий интерпретировал его высказывание в контексте, не соответствующем истинному положению вещей.

Список литературы: 1. Болинджер Д. Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. 2. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Поступила в редколлегию 29.09.89

В. В. МОСЕНЦЕВ

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЕ СОБЫТИЯ В ТЕКСТЕ

Категория времени связана с соотношением двух временных осей: описываемых событий и описывающего их текста. Можно считать, что существует референт, соотнесенный с текстом, действительность, объективная реальность, которая воспроизводится так или иначе в тексте. На определенном уровне абстракции референт обязательно существует, даже если герои, ситуации вымышлены.

Событию принадлежит существенная роль в процессе порождения текста. В центре внимания ряда семантических исследований оказалась номинативная функция предложения, т. е. его способность обозначать некоторую ситуацию, событие [см. !—4]. При этом ситуация понимается в самом широком смысле — как референт языкового выражения с пропозициональным значением.

Смена событий, изменение вещей, необратимые в своей сущности процессы развития образуют содержание, формой существования, способом бытия которого выступает время. Течение времени — это некий субстанциональный процесс, существующий независимо от вечно-событийного мира. Течение времени характеризуется непрерывностью, но эта непрерывность находится в неразрывном единстве с прерывностью, инфраструктурой которой является дискретность событий, образующих своей сменой течение времени.

Время как длительность, или событийное время, характеризуется такими признаками, как: а) продолжительность; б) прерывность и непрерывность; в) конечность и бесконечность; г) замкнутость или открытость.

Под продолжительностью событийного времени имеется в виду дистанция между первым и последним (по времени) событием, изображенным в тексте. Поскольку событийное время может быть представлено либо на всей его протяженности, т. е. непрерывно, либо лишь в определенные, разделенные промежутками моменты, т. е. дискретно, целесообразно говорить о непосредственно событийном времени и промежуточном событийном времени. Кроме того, естественно, временные

отрезки определенной продолжительности обретают конкретное, заранее обусловленное значение, варьируемое в различных типах текстов.

Метрический аспект или фиксация локализованности во времени играет в процессе организации текста одну из важных ролей. Оформление того или иного порядка следования событий в тексте требует учета таких факторов, как датировка событий, их длительность, длительность межсобытийных фаз. В ряде случаев эти факторы зачастую берут на себя роль регулятора действия и участвуют в процессе непосредственной реализации временных отношений. Однако, если в тексте отсутствует прямое указание (с помощью временных операторов) на длительность того или иного события, то эта информация в некоторых случаях может быть извлечена путем предположений или же на основании широкого контекста.

Приступая к анализу текста, необходимо определять временные координаты не только отдельного действия, что является частным случаем их употребления, но и некоторой совокупности действий, находящихся в актуальных или потенциальных причинно-следственных отношениях, т. е. некоторой развивающейся во времени ситуации, которая может быть условно названа «событийным миром». Данный «событийный мир» имеет прагматически устанавливаемые, но достаточно точно определенные для конкретных актов коммуникации временные границы. О наличии таких границ могут сигнализировать временные операторы. События в «мире» предшествуют друг другу и следуют друг за другом, выстраиваются в сложную временную иерархию и «время в художественной литературе воспринимается благодаря связи событий — причинно-следственной или психологической, ассоциативной...» [3, с. 215].

В событии активизируются все главные силы сюжетной ситуации: обстоятельства, характеры, действия. Событие всегда связано с наличием в тексте так называемой инцидентной вилки: действительный мир, существующий в реальном пространстве и времени; возможный мир (мир интенций).

Следовательно, основными семантическими типами ситуаций и событий являются: ситуация гомеостатическая (равновесия) и ситуация инцидентная (конфликтная). Каждая из них характеризуется специфическим отношением к пространственному и временному аспектам. Гомеостаз статичен, безразличен ко времени, время здесь как бы останавливается и превращается в неограниченную длительность. Гомеостатическая ситуация замкнута, она пребывает в замкнутом, ограниченном пространстве.

Инцидент, в свою очередь, динамичен, инцидентная ситуация предполагает движение к своему пределу, поэтому время здесь оказывается актуальным. С другой стороны, инцидентная ситуация разомкнута, связана с различными вариантами преодоления пространственной замкнутости, с выходом за пределы ограниченного пространства, или с вторжением в него чего-то, находящегося за его пределами. Переход от гомеостаза к инциденту дает толчок движению времени и движению в пространстве, и такой переход является событием. Событием также является переход от одного инцидента к другому, преодо-

ление инцидентной ситуации. переход к новому состоянию равновесия.

Таким образом, семантическая и функциональная специфика события по сравнению с другими семантическими категориями выражается в том, что событие представляет собой рассмотренное в целостности причинно обусловленное скачкообразное изменение исходного положения в результирующее путем отрицания исходного, персонально ориентированное и локализованное в пространстве и времени. Любое текстовое событие может быть описано как «элементарная катастрофа», т. е. как результат конфликта режимов в пространстве и времени реального мира.

Новизна данной точки зрения связана с тем, что анализ строится на исследовании текстового семантического события, т. е. семантика текста связывается в первую очередь с текстовым событием. Действительно, совокупность событий, определенных фаз, промежутков между событиями организует определенным образом текст.

Список литературы: 1. *Апресян Ю. Д.* Глаголы ментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. М., 1988. С. 57—78. 2. *Демьянков В. З.* «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 42, № 4. 1983. С. 327—328. 3. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы М., 1979. 4. *Падучева Е. В.* К семантической классификации временных детерминантов предложения // Язык: система и функционирование. М., 1988. С. 190—201. 5. *Чередниченко В. И.* Художественная специфика временных отношений в литературном произведении // Контекст-1987. М., 1988. С. 140—174.

Поступила в редколлегию 29.09.89

Ж. Е. ПОТАПОВА, канд. филол. наук,

В. М. ТУРЧИН, канд. филол. наук

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛНЫХ СИНОНИМОВ (ДУБЛЕТОВ) МЕДИЦИНСКОЙ И БИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМ

Под полными терминами-синонимами (ТС) мы понимаем слова или словосочетания, дифференциальные признаки которых совпадают в пределах одного и того же предметно-логического содержания. Следовательно, основная особенность полных синонимов — их предельная семантическая равнозначность, мыслимая прежде всего как их семантическая идентичность [8, с. 121].

Если рассматривать полные синонимы в плане семантических оппозиций, то они образуют нулевые противопоставления, так как их члены маркируются лишь одним или несколькими признаками, которые в парадигме совпадают в полном объеме. Данный вид оппозиций характеризуется одномерностью соотношения дифференциальных признаков.

Возможность полных синонимов все еще остается спорной в лингвистической литературе. Одни лингвисты вообще отрицают существование равнозначных слов [10, с. 140; 12, с. 2; 16; 18, с. 90]; другие полагают невозможным относить лексические дублеты к синонимам в строгом смысле слова, так как их ряды не обладают сложной структурой, присущей настоящим синонимическим рядам [5, с. 98], основой которых являются их оттенки [13; 14; 17]. Выражается также мнение, что существование полнозначных синонимов возможно лишь очень короткое время [4, с. 20].

Вместе с тем многие лингвисты придерживаются противоположной точки зрения. Полные синонимы рассматриваются ими как естественное, закономерное, неизбежное явление, свойственное каждому синхронному состоянию лексической синонимии [6, с. 100]. Для выражения одного и того же понятия необходимы адекватные слова, служащие надежным критерием передачи информации в речи и введении которых в синонимическую парадигму имеет немаловажное значение по сравнению с другими видами синонимов. Мы придерживаемся точки зрения Л. А. Булаховского [3, с. 38], А. И. Смирницкого [9, с. 13], С. Ульямана [19, с. 109], Т. А. Дегтяревой [7, с. 23—26] и многих других лингвистов, выделяющих в своих работах полнозначные синонимы.

Полные синонимы возникли из разных источников и внедрили в биологическую (БЛ) и медицинскую (МД) терминсистемы различными языковыми путями. Одним из основных источников пополнения равнозначных синонимов в рассматриваемых терминсистемах были классические языки (греческий, а впоследствии и латинский), которые используются до сих пор как системы обозначений, например, в анатомической номенклатуре, в разделе названий высших таксонов бионтологии.

Сознательные поиски полных ТС определяются общением специалистов с широкими слоями населения, когда используются в основном немецкие эквиваленты. Специалисты чаще всего употребляют иноязычные термины, как в общении между собой, так и в научных трудах. Располагая специализированными значениями, иноязычные термины не требуют перевода, поскольку это может вести лишь к расплывчатости смысла научного содержания. В этой связи следует напомнить замечание Ф. Энгельса, что «... иностранные слова, в большинстве случаев представляющие общепринятые научно-технические термины, не были бы необходимыми, если бы они поддавались переводу. Значит перевод только искажает смысл: вместо того, чтобы разъяснить, он вносит путаницу» [1, с. 624]. Иноязычным терминам дают предпочтение еще и потому, что они изолированы от системы немецкого языка, минимально ассоциируются с ним, носят в рассматриваемых системах, в подавляющем большинстве, интернациональный характер. Длительное существование равнозначных иноязычных и немецких ТС объясняется принадлежностью их к разным группам носителей языка [11, с. 341].

Рассмотрим сначала основные типы разноязыковых полных синонимов — классических и немецкого языков.

1. Наиболее распространенным типом полных синонимов являются синонимические пары иноязычных и немецких терминов. Напр.: Akromion f, Schulterhöhe f — акромия; Endphlebitis f, Veneninnen — hautentzündung f — эндофлебит; Keratitis f, Hornhautentzündung f — кератит; stridor m, pfeifendes Atemgeräusch — свист, свистящий хрип; Subluxation f, unvollständige Verrenkung — подвывих; Aerynchum n, Luftgewebe n — аэринхима; Xanthopsis f, Gelbsehen n — ксантопия; Diplopoden pl, Doppelfüßer pl — кивсяки, двупарноногие, Diplopoda; Violazeen pl, Veilchengewächse pl — фиалковые, Violaceae Batsch.

Многие иноязычные терминоэлементы соединяются с немецкими, вступая в различные структурные взаимоотношения. Выявлены следующие типы иноязычных и немецких ТС:

а) синонимическая парадигма включает иноязычный термин и термин, состоящий из комбинации иноязычного и немецкого конститuentов. Напр.: Autohamotherapie f, Eigenbluttherapie f — аутогемотерапия; Hämatozyste f, Blutzyste f — кровяная киста; Keratektomie f, Hornhautektomie f — иссечение роговицы; Hemiapraxie f, Halbseitenapraxie f — гемиапраксия; Gesneriazeen pl, Gesneriengewächse pl — геснериевые, Gesneriaceae; Flakourtiazeen pl, Flakourtiengewächse pl — флакуртиевые, Flacourtiaceae Dumort;

б) синонимическая парадигма состоит из немецкого термина и термина, включающего немецкий и иноязычный конститuentы. Напр.: Pfeilnaht f Sagittalfahrt f — сагиттальный шов; Nervenwurzel — schmerz m, Wurzelneuralgie f — радикулитическая боль; Felsenschlange f, Felsenpython m — иероглифовый питон, Python sebae Gm. Mehлтаufestigkeit f, Mehлтаuresistenz f — устойчивость к мучнистой росе;

в) в синонимическую парадигму входят лишь термины, включающие иноязычные и немецкие конститuentы. Напр.: apikales Wurzelgranulom, Wurzelspi-

tzengranulomern — гранулема верхушки зуба; androides Becken, maskulines Becken — таз мужского типа;

г) возможны также случаи образования синонимических парадигм, включающих иноязычные и немецкие термины и термины, состоящие из комбинаций иноязычных и немецких конституентов. Напр.: Hämoglobin n, Blutfarbstoff m, Blutpigment n — гемоглобин; Sialoadenektomie f, Speicheldrüsenentfernung f, Speicheldrüsenextirpation f — удаление слюнной железы; Rinopharynx m, Nasenrachenraum m, Nasopharynx m — носоглоточное пространство.

2. Синонимическую парадигму могут составлять лишь иноязычные термины. Напр.: Adiposurie f, Lipurie f — адипозурия; Angioneurose f, Vasoneurose f, Angioneuropathie f — ангионевроз; Ventrofixation des Uterus, abdominale Hysteropexie, Laparohysteropexie f — брюшная гистеропексия.

3. Кроме иноязычных терминов классических языков, в синонимические отношения с немецкими вступают термины современных языков. Напр.: Kapule f (фр.) Hohnadel f — канюля, полая игла; Yellow birch (англ.) Gelbbirke f — береза желтая, Betula lutea Michx. L; Grand fir (англ.) GroBtanne f — пихта великая, Abies grandis Lindl.; Paper birch (англ.) Papierbirke f — береза бумажная, Betula papyrifera Marsch; White oak (англ.), WeiBeiche f — дуб белый, Quercus alba L; Noble fir (англ.), Edeltanne f — пихта благородная, Abies nobilis Lindl.

Одним из важных источников образования полных синонимов является внутриязыковое развитие, проявляющееся в синхронии как синонимия на уровне лексических вариантов. Напр.: durchschnittliche Abweichung, mittlere Abweichung — среднее отклонение; Hausspatz m, Haussperling m — домовый воробей, Passer domesticus L.; Kälteeinfluß m, Kälteeinwirkung f — воздействие холода; Schlundenge f, Rachenenge f — зев, глоточное устье; Schmerzinn m, Schmerzgefühl n — чувство боли; Uferriedgras n, Ufersegge f — осока береговая, Carex riparia Curt.

Исследование равнозначных синонимов в БЛ и МД терминосистемах показывает, что они в большинстве случаев располагают различным генетическим родством. Но это ни в какой мере не влияет на исследование структурно-семантических взаимоотношений, так как «семантические законы, касающиеся формально-смысловых отношений, между языковыми знаками одинаковы для всех языков, независимо от их генетического родства» [2, с. 28].

Полные синонимы, обладая семантическим тождеством, дифференцируются в структурном плане. Поэтому представляет интерес выяснить как полные синонимы вступают во взаимосвязь между собой по линии означаемого. Для наглядности основные структурные типы обозначим с помощью структурных моделей, которые отображают словообразовательную структуру терминов. Компоненты терминологической единицы обозначим начальными буквами немецкого алфавита: N — имя (название всего термина), S — имя существительное, A — прилагательное, V — глагол и т. д. Элементы низшего порядка, например аффиксы обозначаем сокращением — пр. — префикс, suff. — суффикс и т. п.

К первому структурному типу относятся разнокорневые термины / дериваты, корневые термины — Wurzeltermini → N (S); N (pr. S suff.) Напр.: Borke f, Kruste f, Schorf m — струп; Elechse f, Sehne f — сухожилие; Überschwangerung f, Überfruchtung f, Superfekundation f — суперфекундация.

Второй тип охватывает корневые термины, дериваты, термины, образованные при помощи конверсии и композиты или словосочетания. Следует отметить, что некоторые из этих терминов вступают в синонимические отношения с различной степенью лексического обобщения → N (S) → N (V + S suff.); N (S) → N (A + S); N (S suff.) → N (A + S); N (S suff.) → N (S + S); N (S suff.) → N (S + S + S suff.); N (S) → N (S + S + pr. S suff.); N (S) → N (S + S); N (S suff.) → N (S suff. Gen. + S + S + S) Напр.: Skalpel n, Seziermesser n — скальпель; Schnarchen n, röchelndes Atmen — храп; Zellen n, kleine Zelle — клеточка; Karpus m, Handwurzel f — запястье; Venüle f, kleine Vene — мелкая вена; Verkäsung f, käsiges Gegeneration — творожистое перерождение; Bursitis f, Schleimbeutelentzündung f — бурсит; Parotidektomie f, Exzision der Ohrspeicheldrüse — паротидэктомия; Katarrh n, Schleimhautentzündung f — катар; Larynx m, Kehlkopf m — гортань.

Третий тип включает двухкомпонентные композиты или словосочетания →N (S + S); N (S + S) → N (S + A); N (S + S suff.) → N (S suff. + Gen. + S); N (S + S suff.) → N (S suff. + präp. + S) Напр.: Kettenvipser f, Kettenotter f — лабо́йна, Vipera russeli Schav.; Haargeschwulst f, Trichobezoar n — трихо-безоар; Wirbelloch n, Foramen n vertebrale — позвоно́чное отве́рстие; Cheiloxerosis f, Trockenheit der Lippen — сухость губ; Rhinovaktination f, Vaktination durch die Nase — риновакцинация.

В четвертый тип входят словосочетания, дву-, трех- и четырехкомпонентные композиты (в редких случаях — пятикомпонентные). Многокомпонентные термины часто передаются словосочетаниями, иногда включающими различные предлоги. Как свидетельствует структурно-опозиционный анализ многокомпонентных терминов, композиты в синонимических парадигмах предпочтительнее словосочетаний, на что указывает В. Флейшер: «композиты экономнее, рациональнее даже там, где и не существует или почти не существует разницы словосочетания и композита по внешнему объему [15, с. 58] →N (S + S suff.) → N (S + S + pr. S suff.); N (S + S suff.) → N (S + S + S); N (A + S) → N (A + A + S + S suff.); N (S + S) → N (S + S + S suff.); N (A + S suff.) → N (S + A + S); N (S + S suff.) → N (pr. S suff. + präp. + S + S suff. + konj. + S + S); N (S + S suff.) → N (S + S + präp. + S + S + S suff.); N (S + S suff.) → N (S + präp. + S + S suff.); N (A + S suff.) → N (S suff. + Gen. + A + S + S). Напр.: Keratoplastik f, Hornhautplastik f, Hornhäutüberpflanzung f, Hornhauttransplantation f — кератопластика; Hämarthros m, Gelenkbluterguß m — гемартроз; Endoarteritis f, Aorteninnenhautentzündung f — воспаление внутренней оболочки артерии; spastische Hemiplegie, spastische Halbseitenlähmung — спастическая гемиплегия; Parotidensklerose f, Ohrspeicheldrüsenverhärtung f — склероз околоушной железы; Ureteropyelitis f, Entzündung von Harnleiter und Nierenbecken — воспаление мочеточника и почечной лоханки; Sialoadenektomie f, Speicheldrüsenextirpation f, Speicheldrüsenentfernung f — удаление слюнной железы; Keratokonjunktivitis f, Hornhaut und Bindehautentzündung f — кератоконъюнктивит; Osteoarthritis f, Knochen und Gelenkentzündung f — остеоартрит; Leptomeningitis f, Entzündung der weichen Hirnhäute — лептоменингит; Trombophlebitis f, Venenentzündung mit Trombenbildung — тромбоз.

Пятый тип состоит лишь из трех — и многокомпонентных композит или словосочетаний N (S + pr. S suff. + S) → N (A + S + S suff.); N (S + S + S) → N (S + S + S + S); N (S + S + S) → N (S + konj. + S + S + S); N (S + S + S suff.) → N (pr. S suff. + Gen. + S suff. + pr. S + präp. + S); N (A + S + S) → N (A + S + pr. S suff.) Напр.: Haarvertilgungsmittel n, Haarentfernungsmittel n — средство для удаления волос; Kaltwasserkur f, Kaltwasserbehandlung f — лечение холодной водой; Harnblasenblutader f, Harnblasenvene f — вена мочевого пузыря; Harnblasenarterie f, Harnblasenpulsader f, Harnblasenschlagader f — артерия мочевого пузыря; Enzephalomeningeozele f, Hirn- und Hirnhautbruch m — менингоэнцефалоцеле; Urosaccharimetrie f, Bestimmung des Zuckergehaltes im Urin — определение содержания глюкозы в моче; Rückenmarkspulsader f, Rückenmarksarterie f, Rückenmarksschlagader f — артерия спинного мозга.

Сплошной анализ парадигм полной синонимии приводит к выводу, что пять выделенных типов формальных отношений в основном покрывают парадигмы полной синонимии. Различия могут наблюдаться лишь в структурном оформлении термина, т. е. парадигма состоит из композит или словосочетаний, но не отличается количеством компонентов, образующих данный структурный тип.

ТС, которые входят в отдельные парадигмы, могут отличаться различной степенью лексического обобщения, так как структура иноязычного термина не всегда отвечает немецкому. Так, например, греческие префиксы могут соответствовать в немецком языке двум самостоятельным терминологическим элементам. Это может касаться передачи отдельных иноязычных терминологических элементов средствами немецкого языка. Таким образом, существующая разница в передаче иноязычных терминологических элементов немецкими влияет на распределение их по структурным типам. Необходимо также отметить, что композиты предпочтительнее словосочетаниям. Это наглядно видно по выделенным структурным моделям.

Список литературы: 1. *Энгельс Ф.* Предисловие к первому немецкому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке» // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 15. 2. *Бережан С. Г.* Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973. 3. *Булаховский А. А.* Введение в языкознание. М., 1953. Ч. 2. 4. *Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. 5. *Горнунг Б. В.* О природе синонимии и теоретических предпосылках составления синонимических словарей // ВЯ. 1965. № 5. С. 97—99. 6. *Грузберг Л. А.* К вопросу об абсолютных синонимах и «избыточности лексических систем» // Уч. зап. Пермск. ун-та. 1966. № 162. С. 99—101. 7. *Дегтярева Т. А.* К проблеме синонимии // Уч. зап. I МГПИИЯ. Т. 5, 1953. С. 23—26. 8. *Лагутина А. В.* Абсолютные синонимы в синонимической системе языка // Лексическая синемия. М., 1967. С. 119—121. 9. *Смирницкий А. И.* Лексическое и грамматическое в слове // Вопр. грамматического строя. М., 1955. С. 9—13. 10. *Bally Ch.* Synonymes, dans Traite de stylistique française. 111 ed., vol. 1. Paris, 1951. 11. *Bogza R.* Cîteva observatii asupra sinonimicii // Бережан С. Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973. Разд. 5.1.3. 12. *Dornseiff Pr.* Der deutche Wortschatz synonymisch geordnet. Berlin und Leipzig, 1933. 13. *Eberhardt J. A.* Versuch einer allgemeinen deutschen Synonymik in einem kritisch-philosophischen Wörterbuch der sinnverwandten Wörter der deutschen Mundart. Bd. 1—6. Halle und Leipzig, 1795—1802. 14. *Erdmann E. O.* Die Bedeutung des Wortes. Leipzig, 1925. 15. *Fleischer W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1976. 16. *Goodman F.* Philosophy and analysis. Oxford, 1954. 17. *Hoffmann P. F.* Synonymisches Wörterbuch (Aufsätze aus dem Grenzgebiet der Sprachpsychologie und Logik). Leipzig, 1936. 18. *Söll L.* Synonymie und Bedeutungsgleichheit Germanisch — Romanische Monatsschrift, 1966, N 17. 19. *Ullmann S.* The principles of semantics. Oxford, 1957.

Поступила в редколлегию 10.11.89

А. А. ПРОКОПЧУК, канд. филол. наук

ПЕРЕДНЕПЛАНОВОСТЬ / ЗАДНЕПЛАНОВОСТЬ ТЕКСТОВОГО СОДЕРЖАНИЯ И ПОДЧИНЕНИЕ

Внешне способ подачи содержания текста напоминает бегущую строку на информационном табло. Перед адресатом в звуковой или визуальной форме проходят слово за словом, предложение за предложением. И тем не менее данный поток не воспринимается как одномерная сущность, как ряд, состоящий из равноценных величин. Адресат оценивает текстовое содержание по крайней мере как двумерное. Одни участки текстового содержания в его представлении выдвинуты на передний план (foregrounded), другие воспринимаются как заднеплановые, фоновые (backgrounded) [9]. Общее количество планов текстового содержания может не ограничиваться двумя, а быть значительно большим. Как правило, в любом пространном тексте существует целая иерархия планов. Однако в отдельные моменты построения или восприятия текста релевантна двуплановость.

Представление некоторой части текстового содержания как переднепланового/заднепланового определяется авторской интенцией и осуществляется с помощью специальных средств выражения. Существует взаимозависимость между используемыми для выражения переднеплановости/заднеплановости средствами и типами текстов. Так, в повествовательных текстах к совокупности признаков, коррелирующих с переднеплановостью и обозначаемых термином *perfektiv*, П. Дж. Хоппер относит наличие хронологической последовательности действий;

озгляд на событие как целое, завершение которого является условием для появления следующего события; тождество субъектов в каждом эпизоде; обычную фокусировку в предложении, т. е. пресуппонируемый субъект и утверждаемый глагол с его непосредственными компонентами; наличие такой тематической части, в которой речь идет о лицах; динамические, кинетические события; необходимость событий для повествования; изъявительное наклонение.

Совокупность признаков, сигнализирующих заднеплановость и обозначаемых термином *imperfektiv*, соотносится с первой совокупностью, но характеризуется по отношению к ней противоположными знаками: отсутствие последовательности событий, их одновременность, пресечение; такой взгляд на ситуацию или процесс, что их завершение не является необходимой предпосылкой для следующего процесса; частая смена субъектов; маркированная фокусировка, т. е. выдвижение в фокус объекта, инструмента; разнородность тем предложения, например, явления природы как тема; наличие статических, описательных ситуаций; необходимость состояния, ситуации для понимания мотивов, позиций; сослагательное наклонение [8, с. 216].

Для текстов, создание которых обусловлено необходимостью объяснения сложных положений вещей, и в которых отсутствует последовательность взаимосвязанных событий, переднеплановость/заднеплановость определяется прежде всего характером семантических (интеракциональных) ролей, выполняемых одними предложениями группами предложений по отношению к другим. Предложения, выражающие общие утверждения, находятся в отношении суперординации со связанными с ними предложениями, выражающими аргументацию, пояснение, примечание, пример [7]. Последние подчинены общим утверждениям и могут быть опущены без значительного ущерба для основного содержания текста. Суперординативная роль предложения связывается с его переднеплановостью, субординативная — с заднеплановостью [5, с. 42—44].

Среди средств выражения заднеплановости немаловажное место занимают лексемы, словосочетания метатекстовой природы, в которых эксплицитно указывается на побочность, дополнительность, самоочевидность соответствующих частей текстового содержания: *Es erübrigt sich vielleicht festzustellen, daß... Doch will ich hier nicht die politische Sünden meiner Verwandten aufzählen* (H. Böll). Сравните рус.: Я не хочу говорить уже о таких его качествах, как...

Подчинение считается одним из наиболее выразительных внешних признаков заднеплановости [9; 6; 5]. Это относится как к подчинению одних самостоятельных предложений и групп предложений другим, так и к подчинению внутри сложного и осложненного предложения.

Действительно, если рассматривать переднеплановость/заднеплановость на самом нижнем уровне членения текстового содержания, на уровне предложения-высказывания, то квант содержания, состоящий из нескольких пропозиций, может формироваться в сложное предложение так, что на базе одних пропорций выражается переднеплановое содержание, а на базе других — заднеплановое. И при этом заднеплановое содержание будет представлено в виде одного или не-

скольких придаточных предложений. Это особенно наглядно подтверждается примерами из кратких юмористических рассказов, которые, как правило, состоят из двух текстовых частей: вводной, создающей необходимый информативный фон, и основной, создающей «соль» рассказа. Содержание вводной части может оформляться в виде самостоятельных предложений, образующих отдельное сверхфразовое единство, а может также быть представлено в виде придаточных предложений и «поглощаться» основной частью рассказа: *Nachdem der Herr notdürftig seinen Mantel von den Deckflecken gereinigt hatte, die ihm daraufgespritzt waren, als ein Junge seinen Ball in die Straßenspütze neben ihm geworfen hatte, drehte er sich zu dem Knaben um und legte los: (...) (H. Seidelbast).* Подобные придаточные предложения выражают заднеплановое содержание относительно последующих главных, самостоятельных предложений.

В пользу того, что в повествовательном типе текста главное предложение гипотаксиса ориентировано на выражение переднепланового содержания, говорит тот факт, что совокупность главных предложений, остающихся после отсечения придаточных в большей мере образует содержательное целое, чем совокупность отсеченных придаточных. В лингвистической литературе безотносительно к понятиям переднеплановости/заднеплановости отмечалось решающее участие главного предложения в создании содержательной основы микротекста [2], способность главных предложений образовывать каркас текста. За придаточными признается способность разворачивать содержание, выражаемое главными предложениями, выполнять тексторазвертывающие функции [1].

О наличии корреляции «заднеплановость — придаточное предложение», «переднеплановость — главное предложение» говорит и то, что содержание, которое, по оценкам автора, содержит основное утверждение, умышленно может облекаться в форму придаточного предложения [3]. Это содержание представляется не как переднеплановое, не как утверждение, а как нечто побочное, например, как временная, причинная или другая характеристика содержания, менее существенного с позиций автора и воспринимающего, но оформленного как переднеплановое. Реакция воспринимающего в подобном случае бывает направлена на содержание придаточного предложения. Так, на высказывание типа *Als ich noch in türkischen Diensten war, belustigte ich mich öfters in der Lustbarke auf dem Mare di Marmora (A. G. Bürger)* воспринимающий может реагировать: *Wie? Sie waren in der Türkei?*

По поводу заключительного предложения в рассказе А. П. Чехова «Спать хочется» «Задушив его, она быстро ложится на пол ...» (нем. перевод: *Nachdem sie es erwürgt hatte, legt sie sich schnell auf den Fußboden*) говорится, что с помощью данной структуры автор осознанно отодвигает на задний план основное действие, убийство ребенка, и высвечивает потребность во сне, т. е. тему, определенную заглавием рассказа [6, с. 770].

Вместе с тем далеко не во всех случаях форме придаточного предложения присуща функция выражения заднепланового содержания.

При попытке отсечения придаточных в сложноподчиненных предложениях (СПП) повествовательного текста оказывается, что содержание, выражаемое придаточными следствия; придаточными с союзом *als*, выражающими наступление неожиданного положения вещей; придаточными продолжающего (*weiterführend*), присоединительного типа; придаточными впечатления (с союзом *als, als ob*), столь же существенно для построения основной (переднеплановой) последовательности событий, как и некоторые главные и самостоятельные предложения. Примечательно, что и по своим функционально-синтагматическим свойствам СПП с данными придаточными образуют особую группу. Если в других разновидностях СПП придаточное может подхватывать содержание, выраженное или имплицитно представленное в предтексте, то здесь содержание придаточного мотивировано содержанием главного предложения. Такого рода придаточное предложение не способно подхватывать содержание предтекста [4].

В СПП с так называемыми изъяснительными придаточными форма подчинения является скорее формой соединения семантически различных содержаний (модусного и диктумного), чем средством выражения заднеплановости. В научном тексте нередко именно придаточные предложения с союзом *daß* содержат обобщающие утверждения, относящиеся к переднему плану текстового содержания. Главные предложения модусной семантики, не отражающие предметного содержания текста, создают только модальный, метатекстовый каркас типа: *Es ist bekannt; Es wird dabei übersehen; Es entsteht die Frage; Wir gehen davon aus; Wir nehmen an; Die Beispiele zeigen; Es ist zu unterscheiden; Es liegt auf der Hand; Es ist festzustellen; Das bedeutet; Damit wird bestätigt; Daraus kann man den Schluß ziehen; Abschließend fassen wir folgende Ergebnisse zusammen*. Данный каркас характеризует не столько конкретный текст, сколько определяет его функционально-коммуникативный тип, его функциональное членение. Конкретное переднеплановое содержание такого рода текста представлено в самостоятельных, некоторых главных и в придаточных дополняющих предложениях.

Из сказанного следует, что говоря о подчинении в сложном предложении как о средстве выражения заднепланового содержания, мы должны принимать во внимание многообразие структурно-семантических и функциональных типов подчинения, а также полифункциональность подчинения. Утверждение о том, что подчинение в сложном предложении является средством выражения заднеплановости, истинно только в том случае, если оно сопровождается уточнениями и ограничениями.

Список литературы: 1. Богданов В. В. Роль вторичной предикативности в построении 'связного' текста // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981. С. 5—13. 2. Кулакова Г. А. Роль главного предложения в структурировании гипотаксиса и включении его в текст: Автореф. дис... канд. филол. наук, М., 1972. 25 с. 3. Николаева Т. М. Семантика убеждения и синтаксическая структура высказывания // Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности: Школа-семинар «Телави-83»: Тезисы докладов и сообщений. М., 1983. С. 223—226. 4. Прокопчук А. А. Функционально-синтагматический аспект сложноподчиненного предложения // Вопросы функциональной грамматики немецкого языка. Л., 1986. С. 3—11. 5. Bäcklund I. Grounds for

Prominence: On Hierarchies and Grounding in English Expository Text // *Studia Neophilologica: A Journal of Germanic and Romance Languages and Literature*, 1988. Vol. LX, N 1. P. 37—61. 6. *Bartschat B.* Aspekt und «grounding» in russischen Texten // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. Berlin, 1987, Bd. 40, H. 6. S. 758—771. 7. *Cooper Ch. R., Matsuhashi A. A.* Theory of the Writing Process // *The Psychology of Written Language: Developmental and Educational Perspectives*. Chichester, New York ..., 1983. P. 3—39. 8. *Hopper P. J.* Aspect and Foregrounding in Discourse // *Syntax and Semantics*. New York ..., 1979. Vol. 12: Discourse and Syntax. P. 211—221. 9. *Tomlin R. S.* Foreground-background information and the syntax of subordination // *Text B.* etc., 1985. Vol. 5, N 1—2. P. 85—122.

Поступила в редколлегию 30.09.89

Л. М. РУБАШОВА, канд. филол. наук

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕКСТЕ

Проблема связности текста является одной из центральных в области текстологии лингвистики.

Как известно, основной структурно-семантической единицей текста является сверхфразовое единство (СФЕ), воспроизводящее в миниатюре ту же систему категорий и отношений, что и текст. В связи с этим выявление некоторых закономерностей организации ряда предложений в единое целое мы будем осуществлять именно на материале СФЕ.

Поскольку между текстом и предложением существуют отношения целого и части, типовые значения СФЕ оказываются теми же, что и типовые значения предложений, иногда лишь поднятые выше иерархической ступенькой абстракции. Связность текста осуществляется различными средствами — лексическими, морфологическими, синтаксическими.

Большую роль в организации структуры текста играют именно лексические средства, обозначающие участников ситуации, отношения между ними и, нередко, сами ситуации. Лексические средства связи целесообразно подразделять на лексико-грамматические и лексико-семантические или собственно лексические.

К лексико-грамматическим средствам связи относятся различные средства: анафоры, катафоры, слова указательной сферы, артикли (чаще определенный), местоимения, детерминативы.

Местоимение *it*, например, может употребляться а) в анафорической функции, отсылая нас к предыдущей реляционной ситуации; б) в катафорической функции, направляя нас к ряду последующих реляционных ситуаций. Сравним:

a) *I have known her many years. I thought the attachment was broken. I discovered in London that it was not* (J. Fowles).

b) *That was it. Send a girl off with one man. Introduce her to another to go with him. Now go and bring her back. And sign the wire with love* (E. Hemingway).

Все личные местоимения являются средствами внутритекстовой связи, обеспечивая отсылку к партиципantu реляционной ситуации или же к самой ситуации. Местоимения первого и второго лица соот-

носятся с адресантом и адресатом и являются экзофоричными указателями участников реляционной ситуации, а местоимения третьего лица являются средствами эндофоры. Например: *Love isn't enough to make a successful marriage when two people are as different as we are. You would want all of a man, Scarlett, his body, his soul, his thoughts, And if you didn't have them, you would be miserable. And I couldn't give you all of me* (M. Mitchell).

Весьма существенна соотнесенность реляционной ситуации, отражающаяся в употреблении артикля при именном компоненте. Артикль, как правило, отсылает:

а) к партиципantu реляционной ситуации:

He sent *messengers* to the King, explaining in a letter that he had left his own country and had come to help him (...). When the King saw *the messengers*, he was delighted and welcomed them (J. Fowles).

б) к реляционной ситуации:

Eliduc married Cuillianun. The wedding was celebrated with great pomp and circumstance and for a long time they lived happily together in a perfect harmony of love (J. Fowles).

Средствами анафоры и катафоры являются указательные местоимения. Например:

Toward Exeter in this country there lived a very powerful old man. He had no male heir, simply an unmarried daughter. *This* explained the present war: because he had refused her hand to an equal from another dynasty, the other king was putting all his land to the sack (J. Fowles). В данном СФЕ местоимение *this* отсылает нас к ситуации, обозначенной предыдущим предложением - *he had no male heir*, и к ситуации, обозначенной последующим предложением — *he refused her hand to an equal from another dynasty...*

Наряду с личной и указательной, в качестве лексико-синтаксических средств связи используется и сравнительная референция. Рассмотрим следующее СФЕ:

Melanie was *like* her aunt in many ways. She had her shyness, her sudden blushes, her modesty, but she did have common sense (...). *Like* Aunt Pitty, Melanie had the face of a sheltered child, who had never known anything but simplicity and kindness, truth and love (M. Mitchell). В данном СФЕ *like* является катафорическим, ситуация заключает предметно-логическое сравнение.

В использовании собственно лексических (лексико-семантических) средств связи весьма существенно разграничение тематической лексики и кореференции.

1. Тематическая лексика.

СФЕ посвящено одной микротеме и в нем неизбежно присутствуют разные по своему функциональному назначению слова, обозначающие предметы и понятия, связанные с данной темой, т. е. слова контекстуально-реляционной семантики. Приведем для иллюстрации СФЕ, темой которого является обмен подарками. Во всех предложениях данного СФЕ содержатся слова, связанные с этой темой:

Colonel Blount came down at eleven, wearing a grey tail coat. He wished them a very good morning and they *exchanged gifts*. Adam *gave*

him a *box of cigars*; Nina *gave* him a large illustrated book about modern cinema production; he *gave* Nina a seed pearl brooch, which had belonged to her mother and he *gave* Adam a *calendar* with a coloured picture of a bulldog smoking a clay pipe and a thought from Longfellow for each day in the year (E. Waugh). Тематическая лексика здесь — это глаголы — to exchange; to give; имена — gifts, box of cigars, book, brooch, calendar, обозначающие элементы реляционной ситуации.

2. Кореференция.

Кореференция проявляется в повторной номинации. При повторной номинации используются разнообразные средства. В их основе лежат логические отношения между понятиями — отношения равнозначности, включения, пересечения, противоположности.

К отношениям равнозначности относятся:

а) непосредственный лексический повтор:

Hilary, listen. I *need* a friend now. I *need* help. I *need* you. I *need* you as a dear close secret man (I. Murdoch).

Нередко одна и та же лексема используется в форме различных частей речи. Например:

I *was* dreadfully *in love* with the sort of black, certain metaphysical *love* that cuts deeper than anything (...) Anne *was* dreadfully *in love* too, but her *love* was crazed (...) She *loved* her husband, and I could remember even at the times of blackest glory, how happy she had been when I first met her; and I could see too how destroyed she was later (...) b / me and by my terrible *love* (I. Murdoch).

Связность в этом СФЕ достигается повтором лексемы — love; to be in love(v); love(n); to love(v).

б) синонимические обозначения:

You once *liked* me, didn't you? — he asked. — *Liked* you. I *loved* you. Everybody *loved* you (F. S. Fitzgerald). Употребление синонимов to like, to love в данном СФЕ используется для более точного определения отношений между участниками. Глагол to love, обозначая большую интенсивность чувства, служит своеобразным средством коррекции отношений, обозначенных глаголом to like.

Гораздо более употребительны контекстуальные синонимы. Рассмотрим следующие СФЕ:

Didn't it ever occur to you that I *loved* you as much as a man can *love* a woman? *Loved* you for yers before I finally got you? During the war I'd *go away* and try to *forget* you, but I couldn't and I always *had to come back*; after the war I *risked* arrest, just to come back and find you (M. Mitchell). Глаголы to go away, to forget, to come back, to risk, контекстуально связаны с глаголом to love.

Отношения включения проявляются, когда один и тот же денотат обозначается словами разного семантического объема: гиперонимом и гипонимом. Отношения включения отражают родо-видовые связи между понятиями; к этим отношениям относятся:

а) лексическая репрезентация — употребление гиперонима вместо гипонима:

The clients who came in laughing grew suddenly grave; they began to take the *witch* seriously. She was a formidable-looking *woman* (A. Hu-

хлеу). В этом СФЕ имя *witch* является гипонимом по отношению к гиперониму — *woman*.

Репрезентироваться может не только имя, но и реляционная ситуация: *You can' agree with her.* — *I understand the feeling* (I. Fowles). Гипонимом здесь можно считать фразу — *You can't agree with her*. По отношению к ней — имя *feeling* является гиперонимом.

Процесс лексической репрезентации охватывает и глаголы:

Her loved her now to the anguished depths of his being. And she felt the same for him (J. Fowles). Гипонимом в данном СФЕ является глагол *to love*, гиперонимом — глагол *to feel*.

Возможен переход и от родового обозначения к видовому:

I was not the only Cycle rider. There were other people, especially in winter. Homeless people, lonely people, alcoholics, people on drugs, people in despair. We recognised each other (I. Murdoch). Родовым понятием здесь является имя *people*. Видовым — *homeless people, lonely people, alcoholics, people on drugs, people in despair*.

б) Собственно репрезентация также является важным средством связи внутри СФЕ:

Gunnar forgave me. Stitchworthy never did (I. Murdoch).

в) Обеспечивать связность внутри СФЕ может употребление слов и выражений с суммирующим значением, подытоживающих отношения или цепь отношений:

I told Flattop that Jeremy Bentham was almost a dwarf, so he was left out of children's play, but having a mind of somebody twice his age, he treated all other children as dunces, that at the age of twelve Benjamin Franklin invented extension paddles for his hands and feet so he could outswim his friends; he had to be better than anybody. That at ten Mozart invented an imaginary kingdom, of which he made a map — and of which he, of course, was king. That when he was eight Elie Metchnikoff, the Russian biologist, used to pay children to listen to his lectures on the local flora (...) *Maladjusted, the whole kit and kaboodle* (J. Hersey).

Отношения пересечения понятий лежат в основе метонимических (реже — метафорических) обозначений. Метонимия охватывает разнообразные отношения: часть и целое, содержание и содержимое, действие — орудие и т. п. Приведем для иллюстрации следующий пример:

There they were, Anne and Gombauid, moving together as though they were a single supple creature. The beast with two backs (...) The music stopped. *The single harmonious creature broke in two* (A. Huxley). Связность этого СФЕ достигается следующим способом. Синхронные движения двух танцующих персонажей *Anne* и *Gombauid* сравниваются с движениями грациозного существа — *They were moving as though they were a single supple creature*. Музыка прекращается, останавливаются танцующие, именуемые уже не как *Anne and Gombauid*, а как *single harmonious creature*; впечатление, производимое танцующими, уже неотделимо от них.

В обеспечении связности СФЕ особое место принадлежит отношениям противоположности: *You are a rotten dancer, Jake. Michael's the*

est dancer I know (E. Hemingway). Связность здесь достигается употреблением слов, обозначающих противоположные понятия — *rotten dancer* — *the best dancer* при описании ситуации сравнения.

Большую роль в организации структуры текста играют разноаспектные номинации. Рассмотрим следующее сверхфразовое единство:

He treated her not quite as an equal, but more nearly so than did any other of my friends. He explained things to her. The Impiatts patronised Crystal. (...) She did not interest them. She did interest Clifford (I. Murdoch). Характер отношения разных людей к одному человеку обозначается разными глаголами, в зависимости от того, какой аспект избирается в качестве основы наименования. Один человек, уважая личность другого, обращается с ним как с равным, объясняя ему суть вещей, проявляя к нему интерес. Другие же являются снисходительными, добрыми из жалости; они не считают человека равным себе, он их не интересует.

В следующем СФЕ также представлены две разные точки зрения на событие: *He is the new head of the office. He is taking Templar-Spence's place* (I. Murdoch). В первом предложении событие рассматривается по отношению ко всем сотрудникам учреждения, а во втором — по отношению к одному человеку. Объемы понятий, выражаемых глаголами *to be the new head of the office; to take Templar-Spence's place*, совпадают, но разное их содержание служит целям спецификации, уточнения качества отношений.

Разноаспектная номинация может иметь и другие направления. Например:

He's Gervase's nephew. Pamela Chevenix-Core married Regie Trent and Hugo was their only child. He's an orphan. He can't inherit the title, of course, but I imagine he'll come in for most of Gervase's money in the end. Goodlooking lad; he is in the Blues (A. Christie). Наименование лица — участника реляционной ситуации — может быть прямым — имя собственное — Hugo; «демографическим» — по полу — He; реляционным — по отношению к другим персонажам — nephew, child, orphan; функциональным — про профессии или занятию в данный момент — in the Blues; оценочным — отражающим субъективное отношение рассказчика или другого лица — good-looking lad.

Как бы ни были разнообразны повторные обозначения, они выступают как средство связи предложений в СФЕ.

Хотя данное исследование проводилось в основном на материале реляционных сверхфразовых единств, многие его выводы можно экстраполировать и на другие типы СФЕ.

В целом же, в тексте осуществляется объединение структурно-разнородных языковых средств, подчиненных единому коммуникативному заданию. Основанием для такого объединения является общность их семантических функций.

Поступила в редколлегию 10.10.88

Л. В. СОЛОЩУК

ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ РЕМАРКИ В СОЗДАНИИ ДИАЛОГА ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Диалогическая речь все чаще становится объектом исследования коммуникативной лингвистики, так как в диалоге наиболее ярко проявляется назначение языка как орудия коммуникации. Исследование звучащей речи (реплик персонажей в диалоге) находится в русле приоритетного развития лингвистики, что объясняется возрастанием интереса к языковой личности, которая предстает «как центр «пересечения» общественных и языковых функций и индивидуально коммуникативных потребностей» [1, с. 5]. Речь же предстает в двух основных проявлениях — собственно звучащая речь, которая «как бы погружена в другие средства психического выражения (как — мимика, жесты), по отношению к которым звучащая речь является то основой, то аккомпанементом, то прояснителем» [2, с. 71]. Невербальные средства человеческого общения рассматриваются лингвистами в качестве функционального компонента речевой деятельности. Языковые и неязыковые средства коммуникации в процессе говорения взаимосвязаны и взаимозависимы, так как без привлечения последних может быть неадекватно декодирован смысл всей реплики. «Изучение процессов вербальной передачи информации всегда должно опираться как на языковые, так и на смежные неязыковые факторы, сопровождающие вербальную коммуникацию», отмечает Г. В. Колшанский [3, с. 56—25].

В настоящей статье делается попытка проанализировать значение неязыковых факторов для создания целостного и связанного диалога на материале драматургических произведений. Обычно не принимается во внимание различие между диалогом в драме и диалогом в прозе. На необходимость учета различий, обусловленных функционированием диалога в различных типах текста, указывал еще В. В. Виноградов: «Диалогическая речь является составной частью словесной ткани разных типов прозы, например новеллы, романа, и разных форм стиха. Вместе с тем она организует самостоятельные литературные жанры драматических произведений. Функции ее, приемы построения и семантика элементов могут резко отличаться в каждом круге явлений» [2, с. 78]. В драматических произведениях наиболее адекватно имитируется реальная диалогическая речь и, на наш взгляд, находят наиболее четкое разделение факты словесной и несловесной коммуникации в виде реплик персонажей и авторских ремарок, которые направлены на создание «иллюзии видения» сопровождающих реплику персонажа действий, ситуации общения. Следует отметить, что особенностью драматургических произведений является то, что они предназначены как для постановки на сцене, так и для чтения. Нас интересует проблема передачи явлений несловесной коммуникации в письменном тексте, поэтому во внимание принимается та роль ремарок, которую они выполняют для читателя драматического произведения, а не для указаний режиссерам, актерам при постановке на сцене.

Роль ремарки с литературоведческой точки зрения сейчас общепризнана. Б. Шоу считал необходимым расширять изобразительные возможности драматургии за счет изменения характера ремарки: «Дело, стало быть, не в том, чтобы напечатать и выпустить в свет диалог пьесы, а в том, чтобы полностью донести до читателя содержание...» [4, с. 14]. Ремарки, переплетаясь с репликами персонажей, подчеркивают единую эмоционально-смысловую направленность изображаемого.

Якобы второй план ремарки в тексте драматургического произведения накладывает определенный отпечаток на структуру, семантику, прагматическую направленность ремарки, как, в свою очередь, структурно-семантические и прагматические особенности реплик обуславливаются в определенной степени и факторами, лежащими за пределами словесного ряда. Фрагментарность, неполнота предложений, прерывистость диалогической речи в драматургическом произведении часто восполняются наличием «воображаемых» факторов внесловесной коммуникации, находящихся описанием в ремарке. Ремарка — «изошренное средство, способное прояснить силу высказывания или то, как в единственном смысле его следует воспринимать» [5, с. 70].

В процессе детального исследования ремарки выяснилось, что в лингвистическом плане это сложное и неоднородное явление. Ремарки, на основе их связи с репликами, разделяются на два больших класса: 1 класс — это ремарки, занимающие независимое положение по отношению к реплике и имеющие законченный смысл и структуру. К 1 классу относятся объемные авторские отступления и рассуждения. В современных драматургических произведениях наметилась тенденция к увеличению количества таких ремарок. По сути, это то, что в 60-е годы получило название «беллетризованной ремарки» [6, с. 53]; 2 класс — ремарки, тесно связанные с репликами в структурно-семантическом и прагматическом планах и достигающие смыслового завершения только в совокупности с репликами персонажей. Ремарки данного класса и являются непосредственным объектом исследования.

Во втором классе выделены следующие подклассы: а) информативные ремарки (описывают место и время действия, внешний облик действующих лиц, возраст, черты характера); б) акциональные ремарки (описание действий персонажей, их жестов, мимики, передвижений на сцене. Ремарки такого типа обычно содержат кинесические глаголы); в) ремарки, содержащие просодические характеристики говорения (описание речевых особенностей говорящего, интонаций, пауз, а также внешнего звукового сопровождения); г) указательные ремарки (служат индикатором указания или переключения адресата речи).

По отношению к актуализируемой реплике позиции ремарки могут быть различны. Ремарка может занимать препозитивное, интерпозитивное и постпозитивное положение. В препозиции ремарки содержат просодические характеристики говорения, которые, в сочетании с последующей репликой, подчеркивают эмоционально-психическое состояние действующего лица:

Myron: What's wrong, Momma?

Bessie (*Her voice quivering slightly*):

Myron, your fine beauty's in trouble...

Cl. Odets

В приведенном примере ремарка «ее голос дрожит» подчеркивает волнение Бесси по поводу беды, в которую попала ее дочь.

Препозитивное положение характерно и для ремарок информативного типа:

(Sister appears, dressed in a robe and curlpapers).

John: Look.

Mollie: Sister ... Mc. Cullers

Действия и жесты, описанные в препозитивной ремарке, мотивируют последующую реплику:

Jacob *(Taking large envelope from pocket)*:

Please, you'll keep this for me. Put it away.

Cl. Odets

Таким образом, в препозитивном положении встречаются ремарки всех типов, что объясняется необходимостью подготовить читателя к адекватной интерпретации реплики.

В интерпозиции характерно употребление указательных ремарок; ремарок, описывающих жесты и действия, которые сопутствуют говорению; ремарок, отмечающих паузы и изменение положения персонажей на сцене.

В постпозиции ремарки представляют действия и жесты в качестве реагирования на реплику, подтверждают, что просьба, приказ, содержащиеся в реплике, выполнены; отмечают уход персонажей со сцены.

В целом, роль ремарки в драматургическом произведении заключается в том, чтобы зафиксировать коммуникативную ситуацию, которая создает условия для реализации коммуникации, способствовать адекватному восприятию реплик диалога, отраженного в письменном тексте, в частности в драматургическом произведении.

Список литературы: 1. Советское языкознание в канун нового пятилетия // ВЯ. 1986. № 2. С. 3—6. 2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. 3. Кошанский Г. В. Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации // ВЯ. 1973. № 1. С. 16—25. 4. Шоу Б. Избранное. М., 1953. 5. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 22—29. 6. Апушкин Я. В. Драматическое волшебство. М., 1966.

Поступила в редколлегию 29.09.89

Е. Н. СТАРИКОВА, д-р филол. наук

МОДАЛЬНЫЕ РЕЛЯТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ

Актуализация предложения в речи осуществляется прежде всего посредством модифицирующих значений, основными из которых для большинства языков являются модальные и темпоральные. Модальная модификация препозитивного содержания предложения осуществляется, как известно, не только морфологической формой глагола, но и

релятивами, выражающими категоричность / проблематичность высказывания. В модус высказывания входят и другие релятивы, например, эмоционально-оценочные элементы типа *fortunately, I am surprised*, композиционные модификаторы, обладающие текстоформирующей функцией (*firstly, at last, as I have said*) и др. Выделенные релятивы тесно взаимосвязаны друг с другом, легко изменяют свой информационный потенциал и коммуникативные возможности. Композиционные релятивы нередко совмещают функцию членения информации текста с функцией передачи экспрессивно-эмоциональных значений. С другой стороны, релятивы некатегоричности в инициальной позиции в тексте научной прозы легко нейтрализуют модальное значение, приобретая текстоформирующие функции. Особая подвижность семантики и прагматики свойственна модальным релятивам, способным не только передавать тонкие оттенки достоверности суждения, но и отражать оценочные ситуации и градационные отношения в высказывании и блоках текста.

Варьирование коммуникативного значения данных релятивов самым тесным образом связано с особенностями их семантических и синтаксических аспектов. Синтаксическое варьирование модальных релятивов обусловлено особенностями их структуры и степенью ее устойчивости. Выделяются простые (*probably, perhaps*), составные (*I think, I suppose*) и слитные релятивы. Слитные релятивы характеризуются совмещением с диктальной частью предложения. В таких случаях релятив обычно представляет собой составную часть сказуемого (*He is expected to come, He is sure to answer*).

В корпусе модальных релятивов выделяется два основных типа единиц в зависимости от характера стабильности их состава: а) устойчивые релятивы (*I suppose, I think*) и б) релятивы, допускающие расширение своего состава за счет включения элементов, выражающих субъект оценки, степень категоричности / некатегоричности оценки и другие значения: *It is evident — it is quite evident. It seems (to me)*. Существенное значение в плане выражения нюансов категоричности или проблематичности суждения имеет характер субъекта релятива (личный, обобщенно-личный, эксплицитный, имплицитный), а также семантика релятива. Сравним: *I know — As is known; I am sure — surely; I suppose — It is supposed — supposedly; I presume — It is presumed — presumedly*. Определенная модификация в плане выражения уверенности говорящего в достоверности высказывания достигается употреблением темпоральных и видовых маркеров типа *now, by now, always*: *It should by now be apparent that the status of NP as a rule of grammar cannot be determined in casu... (L. Horn)*.

Прагматическое значение релятива обусловлено не только лексическими особенностями предиката. Модальные релятивы могут обладать внутренней модальной модификацией, обуславливающей определенное варьирование категоричности / проблематичности суждения. Варьирование такого рода носит как внутримодельный, так и межмодельный характер, сравним: *I think — It is thought — It might be thought — It may be thought — It should be thought; I believe — One believes — One may believe — One might believe*.

Данные релятивы образуют ряды прагматических синонимов, каждый из которых обладает определенными, часто ограниченными возможностями модального расширения. Так, например, если релятив *It is thought* допускает модальное варьирование, то сходный по прагматическому значению некатегоричности релятив *I think* вряд ли способен к модальному варьированию, особенно в интерпозиции: *The absurdity of this exchange is I think to be explained by the fact that irony is intimately connected with the expression of a feeling* (H. Grice). Хотя релятив *I think* резистентен к включению модальных глаголов, он, тем не менее, допускает прагматическое варьирование. Отрицательная форма релятива служит целям снижения категоричности высказывания, нередко обусловленного правилом вежливости: *I think she is unhappy — I do not think she is happy. I think I did not see anyone in the room — I do not think I saw anyone in the room.*

Оценочная характеристика высказывания в значительной степени обусловлена позицией модального релятива в предложении. Выделяются позиционно свободные и позиционно ограниченные релятивы. Позиционно свободные релятивы (*indeed, of course, I hope, I believe* и др.) характеризуются наличием у них инициальной, финальной и внутренней позиций в предложении. Ограниченное позиционное варьирование свойственно, например, релятивам *probably, presumably, clearly, it is obvious, it is evident*, резистентным к употреблению в финальной позиции. Кроме общих тенденций к размежеванию позиций модальных релятивов, существует ряд факторов, обуславливающих ту или иную позицию релятива в каждом отдельном случае его функционирования. К ним относятся: 1) стилистическая специфика текста; 2) особенности синтаксической структуры предложения; 3) коммуникативная направленность высказывания.

Для стиля научной прозы, например, характерны в целом инициальные и интерпозиционные варианты релятивов, а в «газетном» стиле или разговорной речи релятивы легко переходят в финальную позицию (*of course, I hope, indeed* и др.). Воздействие синтаксического фактора на позицию релятива проявляется прежде всего в том, что нередко употребление релятива диктуется необходимостью интонационного расчленения высказывания, введения паузы, что может быть связано с выделением того фрагмента высказывания, который следует за релятивом:

The view of the Golden Age is, I believe, undoubtedly correct for a large portion of language behaviour... . (H. Grice).

Модальный релятив в интерпозиции может функционировать как средство расчленения однородных членов предложения. Оценочные свойства релятива в таких случаях могут значительно ослабевать: *According to both the speech act theory, I presume, and to Ramsey's theory, at least part of what the utterer of such a sentence is doing is to assert whatever it was that the policeman stated* (H. Grice).

Позиция релятива нередко обусловлена коммуникативной интенцией говорящего подчеркнуть, выделить или, наоборот, мимоходом высказать свое отношение к достоверности ситуации, отраженной в выска-

звании. Инициальная позиция релятива является в коммуникативном плане наиболее сильной.

Особый интерес представляет исследование номинаций, в которых имеет место совмещение модального релятива с другими операторами категоричности/проблематичности высказывания. Совмещение однонаправленных операторов усиливает или снижает значение истинности суждения: *of course, we do find acts associated with the classes of exercising authority* (B. Fraser). Возможны номинации, включающие операторы категоричности и проблематичности: *It seems to have been quite generally assumed without question that such correlations of intonation figures do exist* (D. Jones).

Совмещение в рамках одного высказывания знаков различных субъективных отношений является отражением универсальных психологических особенностей речевой деятельности.

Поступила в редколлегию 20.01.90

И. Е. ФРОЛОВА, канд. филол. наук

ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ НОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Анализ коммуникативного аспекта номинативного предложения (НП) в современном английском языке приводит к выводу о том, что для подавляющего большинства НП характерно функционирование в качестве прямых речевых актов. Некоторые прагматические типы НП не употребляются или крайне редко употребляются в качестве косвенных речевых актов. Другие, хотя и не часто, обладают способностью прагматического транспонирования. К ним, в частности, относятся вопросительные НП.

Известно, что основное прагматическое значение квестива состоит в запросе информации. Вместе с тем, характерной особенностью вопросительного предложения в современном английском языке является полиинтенциональность, способность к со смещению прагматических значений, имеющая место и в вопросительных НП.

Лишь часть речевых актов, представленных вопросительными НП, содержит только запрос информации. Среди них различаются верификативные и информационно-поисковые. «Первые содержат запрос по поводу истинности или ложности факта, возможности или невозможности осуществления действия, вторые направлены на выяснение номинации какого-либо элемента ситуации или ситуации в целом» [3, 77].

Интересно отметить, что верификативные вопросительные НП типа «Dr. Barlett?» «Speaking» (A. Hailey); «Your own idea?» «Sure» (A. Christie) и информационно-поисковые вопросительные НП, направленные на выяснение номинации ситуации в целом, типа «Any fingerprints on the sword?» (E. S. Gardner); «No dust?» «Of course not» (A. Christie), образованы при помощи компрессии общего вопроса, в то время как информационно-поисковые вопросительные НП, направленные на выяснение номинации какого-либо элемента ситуации, типа «Place of residence?» (I. Shaw); «Your name?» «Sarie» (P. Abra-

ham»). образованы при помощи компрессии специального вопроса: что является одним из проявлений связи структурно-семантических и прагматических параметров вопросительных НП.

В других вопросительных НП имеются помимо запроса информации дополнительные, второстепенные прагматические значения, накладывающиеся на основное. Среди этих дополнительных прагматических значений вопросительных НП:

1) эмотивное значение, выражение говорящим субъективной качественной оценки объекта: «Beas'ly job for you?» (W. S. Maugham) «Quite a day?» (I. Shaw) (отметим, что сюда не относятся структуры типа: Nice day, isn't it?, состоящие из НП с прагматическим значением выражения эмоциональной оценки и краткого вопроса, поскольку данные структуры представляют собой сложные речевые акты [1]).

2) для речевых формул типа Sir, Madame характерно побуждение к установлению контакта (метаречевая функция), а также наличие информативной функции («Я в Вашем распоряжении»): He looked up as the man arrived, pencil poised, all attention: «Sir?» (A. Hailey).

Способность к выражению дополнительных прагматических значений обуславливает функционирование вопросительных НП в качестве косвенных речевых актов, так как в ряде случаев дополнительное прагматическое значение становится доминирующим, а основное прагматическое значение либо становится второстепенным, либо полностью устраняется.

Сюда прежде всего относятся широко распространенные вопросительные НП, содержащие предложение: «Taxi?» a doorman asked (E. S. Gardner). «A refill, sir?» «No, thanks» (I. Shaw). «Milk and sugar?» «No sugar» (D. Fransis). В них доминирующим является прагматическое значение предложения, а запрос информации является второстепенным. НП этого типа широко распространены в ситуациях, относящихся к сфере обслуживания, быту, ряду сфер профессиональной деятельности.

Имеют место, хотя и довольно редко, случаи уговребления вопросительных НП в качестве директива: «References?» I took the letter from October's Cornish cousin out of my pocket and gave it to him (D. Fransis). Здесь употребление косвенного директива объясняется общей тенденцией современного английского языка к смягчению повелительных форм, одним из средств которого является замена прямых побуждений косвенными.

Интересным представляется следующий пример: «Heart attack, Doctor?» (A. McLean), в котором вопросительное НП выполняет одновременно две прагматические функции: директива и информатива. Употребление косвенного речевого акта в данном случае обусловлено фактором наличия слушающих [2]. Экстралингвистическая ситуация такова: на борту корабля произошло убийство, и говорящий (помощник капитана), именно из-за наличия слушающих (туристов) употребляет данное вопросительное НП, интенция его при этом состоит в побуждении адресата (корабельного врача) к тому, чтобы скрыть этот факт, причем говорящий одновременно сообщает адресату о том, как следует представить это событие.

Следует отметить, что для категории НП использование косвенных директив не является распространенным, в отличие от двусоставных глагольных предложений (в том числе и вопросительных), довольно часто выступающих в роли косвенных директивов. Таким образом, в вопросительных НП прослеживается та же тенденция, что и в НП других прагматических типов — они, как правило, функционируют в качестве прямых речевых актов, несмотря на то, что для многих из них характерно комбинирование иллокутивной силы квеситива с другими иллокутивными силами. Только одно косвенное прагматическое значение вопросительных НП — значение предложения — является распространенным, вопросительные НП с другим косвенным значением (директив) встречаются крайне редко.

Употребление в речи именно НП, а не глагольного двусоставного предложения с прагматическим значением квеситива связано с устранением семантически избыточных элементов, достаточно полно эксплицирующихся характером экстралингвистической ситуации. Более сжатая и экономная форма выражения коммуникативного намерения, говорящего в этом случае, способствует, с нашей точки зрения, успешности данных речевых актов, достигая требуемого перлокутивного эффекта. Адекватная реакция на вопросительное НП с прагматическим значением квеситива (вербальный ответ, либо его замена жестами, мимикой и другими невербальными средствами) зарегистрирована нами в 98 % случаев, что свидетельствует о прагматической обусловленности употребления именно НП в прагматическом значении квеситива в ряде речевых ситуаций. Большинство таких ситуаций типичны, к ним относятся запрос анкетных данных в полиции, у врача, при устройстве на работу и т. д., запрос данных в некоторых сферах профессиональной деятельности, неформальная беседа и некоторые другие.

Список литературы: 1. Карaban В. И. Сложные речевые единицы. К., 1989. 2. Кларк Т. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 270—292. 3. Чахоян Л. П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М., 1976.

Поступила в редколлегию 12.12.89

И. С. ШЕВЧЕНКО, канд. филол. наук

О ПРАГМАТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ СЕГМЕНТИРОВАННЫХ ВОПРОСОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ШЕКСПИРА

Современная лингвистика достаточно много места отводит изучению различных сторон языкового функционирования, в частности, прагматической лингвистике, ограничиваясь аспектом синхронии. Очевидно, однако, что речь, являясь одновременно и продуктом деятельности, и ее орудием, претерпевает определенные изменения по мере развития человеческого общества. В процессе исторической деятельности индивидов существенно изменяются сферы использования речи как по содержанию, так и в их количественном соотношении (ср., например динамику процессов в ритуальной и религиозной сфере, в области науки, массовой коммуникации и т. п.), что находит закономерное отражение в изменении наборов речевых актов (далее — РА), характерных для речи каждого истори-

ческого периода, основных принципов речевого общения, в специфичной реализации РА и его компонентов. Помимо совокупности экстралингвистических факторов развитие системы языка также влияет на исторические изменения в речевом взаимодействии. В настоящее время делаются лишь первые попытки обоснования нового направления научного поиска — исторической прагмалингвистики [2, с. 94—119]. Творчество В. Шекспира дает широкие возможности для изучения прагмалингвистических характеристик репрезентированной речи ранневоанглийского периода в сравнении с современной речью.

Объектом исследования избраны сегментированные вопросы (далее — СВ)*, традиционно именуемые разделительными, расчлененными, tagquestions, disjunctives questions, etc. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что первые случаи употребления СВ зарегистрированы именно в середине 16 в. [4, с. 78]. Располагая обширными данными о структуре и функционировании СВ в 19—20 вв., лингвистика практически не имеет данных об их возникновении и историческом развитии. Думается, что решать эти проблемы следует в контексте становления аналитических форм английского глагола, развития системы вопросительных предложений и их речеактовых функций.

Изучение всего творческого наследия В. Шекспира позволило обнаружить 63 ситуации функционирования СВ, все в драматических произведениях. (К числу СВ мы относим исключительно конструкции, в которых один из сегментов оформлен повествовательно, а другой — вопросительно, оба сегмента содержатся в речи одного лица, вопросительный сегмент не содержит акцентного выделения местоимения). Анализ ситуаций речи, контекста, иллокутивных сил высказывания, исходной и конечной интенции и прагматической силы высказывания, его перлокутивного эффекта, соблюдения коммуникативных постулатов и т. п. позволяет утверждать, что СВ ранневоанглийского периода функционируют как в прямых, так и в косвенных РА. В первом случае они реализуют доминирующий вопросительный иллокутивный акт (именуемый также РА спрашивания), а во втором — метакommunikативный и экспрессивный РА.

Среди квеситивов, реализуемых СВ, выделяются иллокутивные акты, в которых прослеживается одна доминирующая сила спрашивания: «It's almost morning, is't not?» — «Day, my lord» (Cymbeline. Act 2, scene 3, v. 9—10), и иллокутивные акты с сопутствующей иллокутивной силой побудительности: «Come, come; thou'lt do my message, wilt thou not?» — «Ay, with my dagger in their bosoms, grandsire». (Titus Andronicus. Act 4, scene 1, v. 118—119), сопутствующей иллокутивной силой экспрессивности и др., например, ситуация неожиданной встречи хозяина и его слуги: «A'Fgeon, art thou not? or else his ghost?» «O, my old master! Who hath bound him here?» (The Comedy of Errors. Act 5, scene 1, v. 336—337). В последнем случае экспрессия эсплицируется синтаксическим строением данного СВ — интерпозицией вопросительного сегмента в простом повествовательном сегменте, благодаря чему адресант выделяет и усиливает рематический, лично значимый компонент высказывания. Данный пример расширяет наши знания об относительно редком явлении — интерпозиции вопросительного сегмента в составе простого базового сегмента, поскольку в сочетании с эллипсисом оно не наблюдалось в нашей выборке (3000 СВ) 19—20 вв.

Если в современном английском языке для СВ в метакommunikативной функции характерно сосуществование исходной интенции — спрашивания и конечной — установления и поддержания речевого контакта, то в пьесах В. Шекспира такие иллокутивные акты нередко являются актами идентификации, причем на многие из них налагается осязаемая интенция вежливости в соответствии с этикетными нормами речевого поведения изучаемого исторического периода, например: «Now, good sir, You know me, do you not?» — «For a worthy lady, And one who much I honour» (The Winter's Tale. Act 2, scene 2, v. 5—7).

Экспрессивы, реализуемые СВ, выражают эмоции и оценки различного характера, у Шекспира — преимущественно негативные: ирония, возмущение и

* СВ — сложные вопросительные предложения, состоящие из независимого автономного повествовательного сегмента и зависимого неавтономного вопросительного сегмента, представляющих структурно-коммуникативное единство, образованное в результате сегментации речи и служащее средством реализации преимущественно контактной функции [3].

др.. Следует отметить, что половина зарегистрированных СВ — экспрессивов имеет специфическое лексико-синтаксическое строение: оба сегмента СВ положительны, в то время как в современном языке отсутствие полярности сегментов встречается гораздо реже. Например: «A witch, a quean, an old cozening quean! Have I not forbid her my house? She comes of errands, does she? ... We do not know what's brought to pass under the profession of fortune-telling» (The Merry Wives of Windsor. Act 4, scene 2, v. 151—155).

Набор РА, реализуемых СВ в ранненоанглийском периоде, в отличие от современного языка, не включает косвенных РА побуждения (они составляют 3 % выборки 19—20 вв.). Сравнимые периоды отличаются и по количественному соотношению прямых и косвенных РА, осуществляемых СВ: в 16 в. квеситивы составляют 36 % выборки, метакоммуникативные и экспрессивные РА — 33 % и 31 %, а по 19—20 вв. — соответственно 21 %, 49 % и 27 %. Вероятно, можно говорить о наметившейся тенденции к увеличению частотности функционирования СВ в косвенных РА и к расширению границ таких РА в плане диахронии. Отмеченная историческая вариативность прагматических характеристик СВ еще требует своего экстралингвистического объяснения.

Для выяснения исторического развития локутивного аспекта СВ проведен анализ данных конструкций с точки зрения их возникновения в языке ранненоанглийского периода. Думается, что в этом проявляется определенная закономерность развития всей системы вопросительного предложения: в древнеанглийском языке общих и специальных вопросы строятся с помощью инверсии главных членов предложения и вопросительного местоимения / наречия; в среднеанглийский период с формированием различных аналитических форм глагола наряду с полной инверсией возрастает количество примеров частичной инверсии; в произведениях В. Шекспира случаи частичной инверсии преобладают над случаями полной инверсии и в общих, и в специальных вопросах.

Вопросительный сегмент — маркер данного типа вопросов — представляет собой двусоставное инвертированное предложение в миниатюре. В роли его подлежащего выступают личные местоимения и *there*. В ряде случаев для анализируемых СВ характерно слитное употребление личных местоимений с глаголом *be* в препозиции (*is't not? was't not?*), что отличает их от СВ 19—20 вв.

В качестве сказуемого вопросительного сегмента выступают 22 из 24 глаголов — синтаксических операторов (кроме *dare, used*) [3, с. 5], которые являются заместителями или репрезентантами по отношению к сказуемому повествовательного сегмента. В СВ 16 в., как и в современных СВ, преобладают финитные формы глаголов *be, do, have* (45 %, 24 % и 10 % выборки); глаголы *may, might, must, could, shall* составляют доли процента; а *were, has, can, should, would, ought, need* не обнаружены вовсе, хотя в современном языке *can* встречается в 6 % выборки.

Значительное место среди сказуемых повествовательного сегмента занимают модельные составные сказуемые (22 %). Как известно, еще в древнеанглийском периоде они подвергались частичной инверсии в вопросах. В конце среднеанглийского периода появляются аналитические формы пассива для неопределенных времен и инфинитива [1, с. 173], и в пьесах В. Шекспира наряду с сочетанием модальный глагол-инфинитив обнаруживается сочетание модальный глагол — пассивный инфинитив, например: «You must 'be watch'd ere you be made tame, must you?» (Troilus and Crisida. Act 3, scene 2, v. 41).

К 15 в. в основном складывается система аналитических глагольных форм и намечается тенденция к разделному выражению грамматических категорий глагола и его лексического содержания, появляются аналитические формы *do* для глаголов в Present/Past Indefinite. Анализируемые СВ характеризуются высокой степенью грамматизации финитных форм *do*: лишь в одном из 15 примеров с таким сказуемым наблюдается употребление грамматической формы *do*, эквивалентное простой форме сказуемого в данном времени: «Thou dost ride in a foot-cloth, dost thou not?» (King Henry the Sixth — Part Two. Act 4, scene 7, v. 43).

При передаче объективного будущего времени в сочетаниях с глаголом *will* (*will*) для 2—3 лица (8 % выборки) этот глагол практически лишен своего лексического значения и выступает как вспомогательный. Характерная особенность ранненоанглийского периода — параллельное употребление аналитических

форм с *shall, will*, выражающих будущее действие, обнаруживается в следующем примере: «*To anger him we'll have the bear again; and we will fool him black and blue — shall we not, Sir Andrew?*» (*Twelfth Night. Act 2, scene 5, v. 8—9*).

В произведениях В. Шекспира в целом нет четкого разграничения значений претерита и перфекта [1, с. 180]. Однако в СВ формы Present Perfect Active функционируют лишь в своем основном значении — завершенности действия к моменту речи.

Частица *not*, занимающая факультативную позицию в вопросительном сегменте, зарегистрирована лишь в несокращенном виде. В диахронии наблюдается общая тенденция роста числа употреблений слитных форм *not* с глаголом: в СВ 16 в. их 2,5 %, в 19 в. — 90 %, а в 20 в. — 98,4 %.

Базовый повествовательный сегмент может быть как простым, так и сложным предложением. В последнем случае наблюдаются значительные различия: если в современных СВ преобладают сложно-сочиненные антецеденты (80 % всех полипредикатов), то в 16 в. они составляют лишь 19 %.

Структурные модели СВ с базовым эллиптическим сегментом во многом совпадают в сравниваемых периодах, однако в ранневоанглийском языке по сравнению с современным менее частотна основная модель: опущение подлежащего и глагольной части составного именного сказуемого, восполняемых в вопросительном сегменте (55 % и 75 % примеров): «*Young Romeo, is it?*» (*Romeo and Juliet, act 1, scene 5, v. 61*).

Таким образом, СВ возникают в системе вопросительных предложений в раннеанглийский период как закономерный результат исторического развития этой системы в целом и становления аналитических форм глагола в частности. Прагматические характеристики СВ имеют существенные отличия в качественном и количественном плане, распространяясь на совокупность РА, реализуемых СВ, на их иллокуцию и локутивные особенности, поскольку с СВ отражаются типичные черты и основные тенденции исторического развития языковых форм, что свидетельствует о важности и актуальности изучения исторической прагматики речи.

Список литературы: 1. *Иванова И. П., Чахоян Л. П.* История английского языка. М., 1976. 2. *Карабан В. И.* Сложные речевые единицы. К., 1989. 3. *Шевченко И. С.* Сегментированные вопросы в современном английском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Одесса, 1988. 4. *Nasslin S.* English Tag Question. Stockholm, 1984.

Поступила в редакцию 29.09.89

И. Н. ШАМА

**ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ
«МАЙСКАЯ НОЧЬ, ИЛИ УТОПЛЕННИЦА»
И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА**

Для Н. В. Гоголя характерно постоянное освобождение «затерянных в прошлом, забытых значений» слов [2, с. 491]. В предлагаемой статье речь пойдет об образах-символах из пейзажей повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» в оригинале [3], в двух английских переводах К. Гарнетт [11], К. Инглиша и А. Роксберга [13], а также в редакции перевода К. Гарнетт, осуществленной О. Горчаковым [12].

Весь цикл повестей Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» буквально пропитан истинным народно-мифологическим восприятием жизни. Тем восприятием, в котором природа и человек неразделимы. Поэтому сосуществование в нем людей и мифических персонажей украинского фольклора так же естественно, как естественна и зачастую определяющая роль природы в этом мире. Вот почему столь велико значение пейзажных описаний каждой из повестей, а в данном случае «Майской ночи». Это не просто романтические картины

украинской природы, а особый космос, строгая символическая система, где каждый символ имеет «определяющую жизнь человека функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и модель поведения» [1, с. 84].

Эта черта гоголевских пейзажей вытекает уже из заголовка. В нем сразу же оговаривается временная, календарная приуроченность ночи — «майская». Читатель, знакомый с восточнославянскими языческими обрядами и празднествами, может заранее предположить, что сюжет будет связан с так называемыми «зелеными святками», иначе говоря, с русалиями — одним из важнейших циклов в языческом аграрном календаре. Этот вывод подтверждается и вторым заголовком повести — «Утопленница». Ведь, по мнению некоторых ученых (напр. А. Н. Афанасьева), само название «русалий» связано с народными представлениями о русалках, выходящих из воды именно в это время. Русалки же, в свою очередь, — это преимущественно утопленницы [4].

Понятно, что ни одна русальская ночь не могла быть обычной. Она влияла на судьбу посевов, что с точки зрения языческих представлений уже само по себе достаточное основание, чтобы наделить ее особыми качествами. На космическом же уровне ночь представляет собой зону повышенной опасности. Чудесные, магические свойства мира усиливаются, человек непосредственно «встречается» с максимально влиятельными для него природными стихиями (ср. «ночную» приуроченность языческих заговоров, сбора трав в народной медицине, важнейших событий в волшебной народной сказке и т. п.). Ночь в мировой архаике — это время, когда магия вселенной окутывает своими чарами весь мир, повелевая миром и определяя все, что в нем происходит.

Английским переводчикам не трудно было уловить все нюансы, характерные для русальской ночи: среди традиционных празднеств англичан есть подобные (ср. *May Day*, *maurole* [15, p. 267, 268]). Поэтому естественными в переводах выглядят «царственные» характеристики ночи: она «величественно догорала» («glowed with the same solemn grandeur» [11, p. 119], «glowed in its magnificence» [13, p. 102]). Это ночь «божественная» («divine» [11, p. 84; 12, p. 77; 13, p. 77]), «блистательная» («brilliant» [11, p. 109]; «splendid» [13, p. 95]). Интересно, что в редакции Горчакова «brilliant» заменено на «glorious» [12, p. 97]. И хотя эту замену нельзя категорически назвать неудачной (семантические варианты «glorious» включают в себя и «splendid» и «magnificent» [14, p. 372; 16, p. 522]), вполне оправданной ее также не назовешь. Подобно тому, как у Гоголя на протяжении всего цикла царственное волшебство и величие ночи характеризуется «блеском» и производными от него, у К. Гарнетт эта черта переводится как «brilliant». Поэтому не было смысла нарушать сложившуюся символическую картину перевода, вводя в нее новые характеристики.

Майская ночь Гоголя — персонафикация могущественного, благожелательного космоса. Подобная благожелательность характерна и для одного из главных помощников волшебницы-ночи — месяца. Месяц относится к древнейшим языческим символам. Это — солнце ночного мира, вечный страж языческой вселенной. Именно он своим светом помогает распознать тайного соперника Левка. И именно его лучи подсказывают Левку, кто из утопленниц — ведьма.

Месяц всеведущ и всемогущ. «Блистательный царь ночи», — так говорит о нем Гоголь. Для переводчиков, однако, именно здесь заключена особая трудность. Как известно, английский язык (и общегерманская фольклорная символика) не знают «его» — месяца, а знают лишь «ее» — луну, женский символ [6, с. 66—69]. Для славянской же мифологии месяц — мужской символ, выступающий в паре с женским символом — солнцем. Таким образом, у Гоголя на мифологическом уровне сюжетом правит царственная пара: «царица» — ночь и «царь» — месяц. К. Гарнетт правильнее поняла, что происходит на верхнем, космическом уровне сюжета. Она не конкретизирует род ночного светила (английское «sovereign» [11, p. 79] может трактоваться двояко: и как повелитель, и как повелительница [14, p. 84]). О. Горчаков же, неудачно отредактировав перевод К. Гарнетт, выбрал в качестве эквивалента «the queen» [12, p. 73]. Таким образом он ввел в мифомир перевода вторую царицу — луну. К. Инглиш и А. Роксберг, в отличие от предыдущих авторов, еще в начале повести оговаривают, что действие происходит при полной луне («the night of a fool moon» [13, p. 75]). И поэтому в рамках их перевода возможен единственный эквивалент: «the queen of the night» [13, p. 73]. В результате мифомир Гоголя теряет права.

шую царственную чету («царицу» — ночи и «царя» — месяца), а заодно и национальное своеобразие древнейшего восточнославянского символа.

Впрочем, это не единственная деталь, ускользнувшая от переводчиков. Месяц — солнце ночного мира. Ночью он правит и людьми, и космосом, и мифическими персонажами. Но нельзя забывать, что царство, в котором живут представители низшей мифологии (а именно к ним относятся русалки-утопленницы) — это «царство наоборот». И если человек способен уловить лишь свет месяца, его «блеск», то все остальные обитатели ночного мира (а ночь для них — «день наоборот») ощущают и тепло, исходящее от их солнца. Утопленницы «греются на месяце» [3, с. 63] («bask in its light» [13, p. 75]). Это очевидный признак того, что перед нами истинные представительницы иного мира. Иначе выглядит этот эпизод у К. Гарнетт. Утопленницы в ее переводе выходят просто погреться («to warm themselves» [11, p. 82]). Упоминания же о месяце нет вообще. Таким образом, теряется именно та наоборотность, «зеркальность» мира утопленниц, которая подсказывает Левку, кто перед ним.

Вообще, месяц — одно из главных действующих лиц повести. Развязку повести можно предсказать даже просто на основе того, как описываете месяц Гоголь: Царь ночи «блистателен» («radiant» [13, p. 73], «brilliant» [11, p. 79]). Он «чудно плыл в необъятных просторах роскошного украинского неба» [3, с. 82]. К блеску месяца примешивается «какое-то странное, упоительное сияние» [3, с. 77], что тоже существенно. Значит, надежны наши предсказания «по месяцу» о том, чем закончится повесть («сияние месяца, в соответствии с народными представлениями, связано ... с ясновидением» [8, с. 64]). Левко, засыпая, оказывается лицом к месяцу. И значит, месяц для Левка — добрый помощник (ведь зло, как правило, приходит сзади). Кстати, во всех переводах это важное свидетельство благожелательности месяца утрачено. Все три переводчика поняли взгляд Левка в сторону месяца, как «огляделся» («looked round» [11, p. 109; 12, p. 97], «looked around» [13, p. 95], т. е. осмотрелся, посмотрел вокруг [7, 379]).

Имеет значение и то, что месяц находится в «середине неба» [3, с. 64], являя собой центр мифологической модели мира. А известно, что середина мира — источник порядка, чистоты и гармонии [9]. Левко, оказавшийся прямо под месяцем, попадает как бы в точку, через которую проходит мировая ось.

Полночь также усиливает магичность ситуации. Все силы космоса (а он, как мы помним, благожелателен к главному герою) сосредоточиваются, чтобы помочь Левку. А в том, что эти силы добьются успеха, можно не сомневаться. Ведь месяц, который вырезывался из-под земли, помимо того, что он огромен, был «огненным» [3, с. 63]. Огонь же ассоциируется с очищающей и целительной силой [10], а в славянской мифологии и с Огненным Змеем (в заговорах этот Змей призывается как волшебное существо, способное внушить страсть женщине [5]). Поэтому предпочтительнее оказывается перевод К. Гарнетт («a huge fiery hoop» [11, p. 83]), тогда как у К. Инглиша и А. Роксберга («The epoptous glowing orb of the moon» [13, p. 76]) связь с огнем теряется.

В центре мира в итоге попадает вместе с Левком и Ганна. Открытое окно ее комнаты помогает лучам месяца преодолеть невидимую границу между небом (миром богов) и землей, населенной людьми.

Итак, анализ образов-символов «Майской ночи» Н. В. Гоголя в оригинале и в параллельных переводах позволяет говорить о том, что именно этот пласт гоголевской лексики вызывает определенные трудности у переводчиков. Ведь для адекватной передачи символической картины мира Гоголя необходимо глубокое знание национально-культурного контекста. Только тогда читатель, знакомящийся с Гоголем в переводах, почувствует весь скрытый, глубинный смысл произведения.

Список литературы: 1. Арутюнова Н. Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // Res Philologica. Филологические исследования. М.; Л., 1990. С. 71—88. 2. Бахтин М. М. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 484—495. 3. Гоголь Н. В. Майская ночь, или Утопленница // Гоголь Н. В. Избр. соч. В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 59—82. 4. Иванов В. В. Русалки // Мифы народов мира. В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 176. 5. Ива-

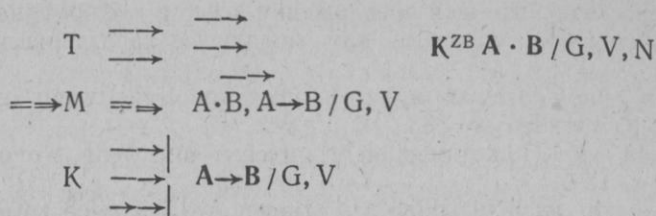
нов В. В., Топоров В. Н. Огненный Змей / Мифы народов мира. Т. 2. С. 238—239. 6. Новикова М. А. Прекрасен наш союз / Литература — переводчик — жизнь. К., 1986. 7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 16-е изд. М., 1985. 8. Попович М. В. Микола Гоголь. К., 1989. 9. Рабинович Е. Г. Середина мира // Мифы народов мира: Т. 2. С. 428—429. 10. Токарев С. А. Огонь // Мифы народов мира. Т. 2. С. 239—240. 11. Gogol N. V. May Night, or the Drowned Maiden // Gogol N. V. Evenings on a farm near Dikanka / From Russian by C. Garnett. London, 1926. P. 145—214. 12. Gogol N. V. May Night, or the Drowned Maiden // Gogol N. V. Evenings near the village of Dikanka / Ed. by O. Gorchakov. M., 1959. P. 69—105. 13. Gogol N. V. Night in May, or the Drowned Maiden // Gogol N. V. Christmas Eve. Stories from «Village Evenings near Dikanka» and «Mirgorod» / Transl. by Ch. English and A. Roxburgh. M., 1991. R. 70—102. 14. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. London, 1974. 15. The Cambridge Illustrated Dictionary of British Heritage / Ed. by A. Isaacs & J. Monk. Cambridge, 1987. 16. The Concise Oxford Dictionary of Current English / Ed. by H. W. Fowler and F. G. Fowler. 5th ed. Oxford, 1972.

Поступила в редколлегию 20.02.92

Ю. К. ЧУЧКО, канд. филол. наук, Л. Е. Траскина
**К ВОПРОСУ О «МНИМЫХ» ПРИДАТОЧНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ВРЕМЕНИ**

Исторически обусловленная взаимосвязь между различными видами придаточных предложений, относящихся к группе глагола, может быть объяснена с точки зрения взаимоотношения языка и мышления. Отсутствие в языке как системе абсолютной эквивалентности между материальной и означаемой сторонами знаков ведет, в конечном счете, к несовпадению лексического наполнения предложения, его семантики и структурного выражения — формы.

Основу существующей системы дифференциации обстоятельственных придаточных предложений составляет формальный признак, характеризующий структурную зависимость придаточного предложения от главного. При этом коммуникативная направленность высказывания в целом отодвигается на второй план, хотя одно и то же предложение может быть дефинировано различным образом в зависимости от ситуации и того, какую информацию оно в себе содержит. Так в предложении *Indem ich Ihnen schreibe, liegt alles in Schnee begraben* придаточное может быть воспринято носителем языка как придаточное времени или придаточное условия в зависимости от контекста. Это связано с тем, что данные предложения описывают процесс, обладающий рядом черт, которые, в зависимости от коммуникативной цели, раскрываются различными видами придаточных предложений. Наибольший интерес с данной точки зрения представляют три вида придаточных предложений группы глагола: условные (KS), темпоральные (TS) и модальные (MS), которые в наибольшей степени характеризуют протекание какого-либо процесса, а именно: его временные характеристики, способ и условие осуществления. Информация, сообщаемая в процессе коммуникации каждым из данных видов придаточных предложений в составе сложноподчиненного предложения, может быть изображена следующим образом:

Коммуникативной целью придаточных временных является сообщение начальной и конечной точек осуществляемого процесса, его длительность. При этом видом логической связи между главным и придаточным предложением является конъюнкция, что позволяет характеризовать их как самостоятельные семантически и зависимые структурно. Временное отношение между главным и придаточным предложением выражается, в основном, союзом. Wenn du zurück bist, werde ich schon nicht in Moskau sein. Сложноподчиненные предложения с придаточными условными несут информацию об условии протекания процесса. Придаточные и главное предложения находятся в причинно-следственной связи, которая подразумевает либо одновременность действий, либо предшествование одного действия другому.

—Hätt' ich Siebenmeilenstiefel,
Lief ich mit der Hast des Windes (H. Heine)

Коммуникативной целью сложноподчиненного предложения с придаточным модальным является конкретизация образа осуществления процесса и обстоятельств, способствующих его осуществлению. Общий коммуникативный эффект высказывания достигается путем использования как самостоятельных умозаключений, так и умозаключений, находящихся в причинно-следственной связи по отношению друг к другу, следовательно, осуществляющихся одновременно или предшествующих друг другу во времени. Таким образом модальные придаточные предложения соединяют в себе черты придаточных условных и временных.

Und hinaus rauschte sie, indem sie die Schulter ein wenig emporzog und den Kopf zuruckwarf.

Отсутствие четкой дифференциации видов придаточных предложений явно прослеживается в случаях их замены синонимичными конструкциями — второстепенными членами предложения, в результате чего исключается союз, являющийся часто доминирующим признаком в определении типа придаточного предложения. Так придаточное предложение времени может быть заменено второстепенным членом предложения, выраженным: 1) существительным с предлогом; 2) субстантивированным инфинитивом с предлогом; 3) причастием I, II. Данные конструкции относятся также к замене второстепенными членами предложения придаточных модальных и придаточных условных, что подчеркивает тесную связь между различными видами придаточных предложений группы глагола. Так второстепенный член предложения, выраженный одним и тем же словом (синонимом), может выполнять различную коммуникативную функцию в зависимости от ситуации, т. е. выступать как результат трансформации TS, MS или

KS во второстепенный член предложения и нести информацию, содержащую временные, условные или модальные характеристики. Например:

Pat sah *beim Tanzen* ab und zu herüber und lächelte mir zu. *Remarque. Drei Kameraden: c. 183.*

Sprechen *beim Tanzen* oder nicht sprechen und wenn, wovon? Kant. *Die Aula: s. 129.*

Aber es gibt auch für mich Situationen, wo ich mich zurückhalten muß, *beim Tanzen* zum Beispiel oder wenn er im Garten arbeitet. Chr. Lambrecht. *Männerbekanntschaften: s. 23.*

В ходе анализа конструкций, образованных в результате трансформации временных придаточных предложений, мы установили, что временное отношение в них выражается предлогами, несущими определенную темпоральную нагрузку, о чем свидетельствует анализ их этимологии. Так предлог *vor* произошел от индо-европейского *dhur*, что означало «снаружи, вне дома». Это значение сохранилось в латинских словах *fores* — дверь, средне немецких — *tur, tor*. Ряд слов английского языка, содержащих корень *dur*, имеют темпоральное значение: *durable* — долговременный, *duration* — продолжительность, время. Сюда же можно отнести немецкий глагол *dauern*. При этом нельзя забывать о роли предлогов в образовании союзов.

Можно предположить дальнейшее распространение конструкций, синонимичных придаточным предложениям группы глагола, в разговорной речи, что объясняется следующими факторами:

1. Одной из ведущих тенденций в развитии языка является стремление языка к экономии языковых средств.

2. Носители языка получают возможность донести информацию, содержащую одновременно временные, модальные и условные характеристики. При этом высказывание становится более кратким и емким, не теряя прежней семантической нагрузки. Данные выводы нуждаются в дальнейшем изучении.

Поступила в редколлегию 20.01.90

Ю. К. ЧУЧКО, канд. филол. наук

КРИТЕРИИ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА СРАЩЕНИЙ

Диалектическое единство взаимодействия двух основных тенденций в развитии языка — расширение словарного состава и экономия языковых средств — особенно отчетливо проявляется в словообразовании, представляющем собой комбинирование уже имеющихся слов или основ.

В данной связи особенно актуальна проблема изучения сращений в современном немецком языке, активное образование которых приводит к изменению орфографической нормы [1—5]. Системный анализ двухсоставных сращений, вторым компонентом которых выступают причастие 1 или 2, а в качестве первого — различные части речи, позволяет выделить факторы, препятствующие в отдельных

случаях образованию сращений. При этом следует отметить, что синтаксически обусловленное контактное расположение двух компонентов в подобных случаях не является определяющим для образования сращений из двух семантически взаимосвязанных членов предложения. Например: *nächstgelegene Stadt*, но *nächst gelegene Gemeinde*. В данном случае решающим для раздельного написания *nächst gelegen* является фактор окказиональности, в то время как слитное написание *nächstgelegen* в первом случае объясняется более частым употреблением данной формы с названиями населенных пунктов (*Stadt, Dorf, Siedlung* и т. д.). Несмотря на то, что орфографическая норма по мнению многих исследователей не является критерием дифференциации сложных слов [см. 3] необходимо провести тщательное изучение случаев слитного и раздельного написания синтаксически контактнообусловленных членов предложения. При этом мы исходим из вторичности орфографической нормы по отношению к фонетической, поскольку в потоке речи происходит «размывание» границ между отдельными лексическими единицами.

Следует выделить ряд критериев, позволяющих объяснить механизм образования сращений, как одного из наиболее продуктивных средств расширения словарного состава в течение всего периода развития немецкого языка:

— наличие аналогичных вариантов: *neuerbaut — neugebaut, gewaltorientiert — erfolgsorientiert*;

— использование в качестве первого компонента сращений различных частей речи (существительное, прилагательное, наречие и т. д.): *schmerzerfüllt, vielzitiert, jüngstverkauft*;

— функция сращения в предложении (обстоятельство, определение, часть составного сказуемого): *Freudestrahlend stand er vor mir. Sie ist beinaheputiert. Ich betrat eine halbbrenovierte Wohnung*;

— сращения, образованные из устойчивых словосочетаний: *freudestrahlend — von Freude strahlen; notleidend — Not leiden*;

— возможность трансформации сращения: *ein krokodilbewohnter Fluss — ein von Krokodilen bewohnter Fluss*;

— возможность перестановки компонентов: *frischgedruckt — druckfrisch*;

— наличие синонимов: *der populäre Schriftsteller — der meistgelesene Schriftsteller*;

— управление глаголов, от которых образованы причастия 1 и 2;

— морфологическая характеристика производных глаголов;

— семантическая характеристика производных глаголов;

— степень сравнения прилагательных и наречий, выступающих в качестве первого компонента сращений: *meistverkauft, nächstgelegene*;

— количество слогов первого и второго компонентов;

— ударные и безударные слоги в каждом из компонентов;

— расположение ударных и безударных слогов в сращении;

— контактные согласные первого и второго компонентов;

— контактные гласные первого и второго компонента;

— количество контактных согласных/гласных;

— причастие 1/2 как часть пассивной конструкции (при раздельном

написании компонентов синтаксически обусловленного словосочетания).

Weil ich mit niemand über die Wehmut sprach, wurde meine Seele tief berührt;

— возможность употребления причастия 1/2 при неизменности первого компонента: vieldiskutiert — vieldiskutierend;

— опущение предлога перед первым компонентом сращения: der mit Linoleum bedeckte Boden — der linoleumbedeckte Boden.

Использование данных критериев при системном анализе сращений позволит установить факторы образования сращений, а также определить вероятные модели и принципы формирования новых сращений в современном немецком языке.

Список литературы: 1. *Behagel O.* Die deutsche Sprache. Halle/Saale, 1958. 2. *Fleischer W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1969. 3. *Fleischer W.* Entwicklungen in Wörbildung und Wortschatz der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1983. 4. *Henzen W.* Deutsche Wortbildung. Leipzig, 1965. 5. *Meier G.* Kriterien für die Definition des Wortes. Berlin, 1970.

Поступила в редколлегию 15.06.92

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКАМ

<i>Barbour J. S., Braithwaite A. A., Lalor O.</i> Analysis of Pronunciation Difficulties Among Future Soviet Teachers of English	3
<i>Васильев Л. Г.</i> Принципы анализа лингвистических концепций	4
<i>Ейгер Г. В.</i> О стиле мышления в современной лингвистике	9
<i>Тарасова Е. В., Черноватый Л. Н.</i> О дидактических аспектах теории языкового поля	13
<i>Конonenко Н. В.</i> О необходимости включения алгоритмизированных грамматических конструкций во французско-русские учебные словари	20
<i>Мащенко С. Г., Денисов О. И.</i> Опыт обучения модальным глаголам на основе алгоритма	23
<i>Ревник А. В.</i> К диалектике общения и познания	26

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ

<i>Белогуб А. Л.</i> К вопросу о квантитативной характеристике терминологии	29
<i>Вакуленко Т. А.</i> Прагматическое варьирование вопросительных предложений фразеологизированной структуры	33
<i>Возная М. А.</i> Структурно-семантические особенности опативных предложений современного английского языка	36
<i>Григорьева Л. М., Колбина Т. В.</i> К вопросу о способах выражения авторизации в предложении и тексте	38
<i>Гусева П. Т.</i> Конструкции с межсобытийными причинно-следственными предикатами-связками как составляющие текста	41
<i>Дмитренко В. А.</i> Лексико-грамматические корреляции в присоединительных конструкциях	44
<i>Донец П. Н.</i> К понятию инокоммуникации	46
<i>Дородных А. И.</i> Некоторые аспекты формального и семантического варьирования существительных	50
<i>Конопельцева Л. В.</i> О некоторых стилистических особенностях перевода стихотворения Т. Г. Шевченко «Сон» на французский язык	54
<i>Корпанец В. В.</i> Модификация фразеологических единиц на семантическом и стилистическом уровнях	58
<i>Костина Н. А.</i> Система косвенных побудительных высказываний в английском языке эпохи Шекспира	61
<i>Кризенко В. П.</i> К вопросу о взаимозаменяемости претерита и плюсквамперфекта в современном немецком языке	63
<i>Лисица Н. М.</i> К вопросу о социолингвистических особенностях рекламных текстов	67
<i>Локшина Т. Ф.</i> Роль коммуникативно-прагматической категории усиления в реализации информативности текста	69
<i>Манякина Т. И.</i> Коммуникативно-функциональный подход к исследованию малых форм	71
<i>Мартынюк А. П.</i> Некоторые особенности речевого поведения мужчин и женщин	74
<i>Маслова Н. И.</i> Формально-функциональные различия вербидов в современном английском языке Великобритании, США и Индии	77
<i>Мизецкая В. Я.</i> Особенности речи, обусловленные возрастным фактором, и их отражение в драматургическом произведении	82
<i>Минаков В. В.</i> Прилагательные современного немецкого языка с суффиксами -lich, -ig, -isch (опыт семантического анализа)	85
<i>Морозова Е. И.</i> К вопросу о лингвистике джи	89

<i>Мосенцев В. В.</i> К вопросу о временной структуре события в тексте	92
<i>Потапова Ж. Е., Турчин В. М.</i> Семантическая и структурно-семантическая характеристика полных синонимов (дублетов) медицинской и биологической терминосистем	94
<i>Прокопчук А. А.</i> Переднеплановость / заднеплановость текстового содержания и подчинение	98
<i>Рубашова Л. М.</i> Функционирование лексических единиц в тексте	102
<i>Солощук Л. В.</i> Значение и роль ремарки в создании диалога драматургического произведения	107
<i>Старикова Е. Н.</i> Модальные релятивы в современном английском языке	109
<i>Фролова И. Е.</i> Прямые и косвенные прагматические значения вопросительных номинативных предложений	112
<i>Шевченко И. С.</i> О прагматических характеристиках сегментированных вопросов в произведениях В. Шекспира	114
<i>Шама И. Н.</i> Образы-символы в повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» и некоторые особенности их перевода	117
<i>Чучко Ю. К., Траскина Л. Е.</i> К вопросу о «мнимых» придаточных предложениях времени	120
<i>Чучко Ю. К.</i> Критерии системного анализа сращений	122

**ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ
ВІСНИК
ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ
№ 367**

**Структурно-семантическое и прагматическое
описание романских и германских языков
в дидактических целях**

Редактор *А. Х. Балабуха*
Художній редактор *Т. П. Короленко*
Технічний редактор *І. А. Омельченко*
Коректор *Л. П. Сич*

М
П
х
т
П
ж
Р
С
ск
С
Ф
н
Ш
пр
Ш
У
Ч
ни
Ч

Н/К

Здано на складання 16.03.92. Підписано до друку 18.06.92. Формат 60×90/16. Папір друк. № 2. Гарнітура літературна. Друк високий. Ум. друк. арк. 8. Фарбовідб. 8,25. Обл.-вид. арк. 10. Видавн. № 2049. Зам. 2-131. Замовне. 124-00

Видавництво «Основа» при Харківському державному університеті. 310005 Харків, майдан Повстання, 17.

Надруковано з матриць книжкової фабрики ім. М. В. Фрунзе в Харківській міській друкарні № 16. 310003 Харків, вул. Університетська, 16. Зам. 1069.

